

Анналов В.А.

КРДНК

АНТОНОВ АКИМОВИЧ

Крик

«Автор»

2015

Акимович А. В.

Крик / А. В. Акимович — «Автор», 2015

© Акимович А. В., 2015

© Автор, 2015

Виктор Антонов

КРИК

Москва

2015

Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайя.

В. К. Третьяковский «Тилемахиада»

– Володьку Макаровского арестовали.

Я не верила своим ушам. Я даже взглянула для верности на мобильник. Никаких сомнений, это звонила Алька, только голос у нее какой-то глухой и со всхлипами. Я молчала и не знала, что ответить.

– Ты с ума сошла, – наконец закричала я, или мне по казалось, что кричу. Потому что я постоянно оглядывалась по сторонам, но люди идут нормально, на меня не смотрят, а я же вроде кричу.

– Арестовали, арестовали. Только что арестовали, – раздавался в трубке голос Альки. Слушай внимательно, слушай внимательно! – кричала она. – Ты меня слышишь? Слышишь?

– Слышу, слышу, – вопила я. – Да слышу я тебя, слышу.

– Надо встретиться. Я подъеду к Красным воротам. Помнишь, тот бульвар в сторону Новой Басманной. Стой там и жди.

– Может в офис? – кричала я.

– В офис нельзя. Я потом все объясню.

Почему нельзя в офис? Там очень удобно – все бы и обсудили. И от непонятности ситуации мне стало еще страшнее.

Наверное, надо сказать, с чего это я дрожу от ужаса. В общем, на нашу Нефтяную компанию наехала генеральная прокуратура всей РФ. Все кричат, что это политический заказ. Но заказ это, или еще что, нам от этого не легче. Взяли нашего олигарха, и он, вот уже почти год, сидит в Матросской Тишине, а нашу НК (я далее буду так говорить, это удобно, да и во всех документах мы так пишем) лихорадит, как во время чумы. Вместе с ним арестовали председателя нашего банка Журавлева. Но про того почему-то молчат, а кричат в основном о нашем хозяине. Да вы, наверное, по телеку это смотрели, и без меня все знаете.

Володьку Макаровского – генерального директора одной из фирм нашей НК – сегодня вызвали на допрос. Его уже вызывали трижды. Но тогда все было нормально. Он рассказывал, что спрашивали о том, каков состав семьи, каким имуществом он владеет, но в основном, конечно, спрашивали о фирме. Причем вопросы, как он сказал, носили общий характер – когда регистрировали, кто учредитель? С какого времени он генеральный директор? Как производилось подписание договоров? Причем он говорил, что допрашивают спокойно, без всяких там грубостей. Физического или психологического воздействия никакого. Все вежливо, все согласно закону. Каждый раз при нем был адвокат. В общем, Володька чувствовал себя совершенно спокойно. Более того, его после первых допросов отпустили на Кипр в отпуск на недельку. Тут мы все вообще успокоились. Вернулся он дня три назад и его сразу вызвали. Причем не по повестке, а позвонили и, почти по дружески, будто старые корешки, просили навестить их. Он еще смеялся:

– Соскучились, мол, за меня.

Вот тебе и соскучились. И опять же, его после допроса отпустили домой, обязав прийти сегодня утром. Ему и адвокат говорил:

– Не волнуйся, мол, все идет как надо, Владимир Данилович.

Мы этого адвоката изредка видели в ЦБК – пожилой такой, важный. Всегда в костюмчике, ну так баксов на тысячу, не меньше. Он, когда приходил в ЦБК, о чем-то беседовал с нашими бухгалтерами. А от них мы слышали, что еще до того, как Чайка (это наш вице-президент по финансам) сбежала в туманный Лондон, и к ней заходил запросто. Причем заходил и не раз, и не два. Мне это Елена Федоровна рассказывала, главный бухгалтер моей фирмы. Мы все были уверены, что Володька с этим адвокатом как за каменной стеной. А теперь что выходит... Стены не помогают.

Состояние у меня стало таким, каким было тогда, когда покончил с собой Игорь. Он прыгнул с крыши. Был обыкновенный вечер, я сидела, смотрела телевизор, Степка тут копошился. Игорь вышел в коридор подъезда покурить. Он всегда выходил курить в коридор. И вдруг звонок в дверь. Отец пошел открыть. Потом входит в нашу комнату и с порога говорит:

– Мне сказали, что там, внизу, Игорь разбился, – я в испуге вскочила. – Под машину попал.

Мы вместе ринулись вниз. Когда выбежали на улицу, то увидели группу людей вокруг человека, лежащего на асфальте. Одежда, фигура – это был Игорь. Он лежал недалеко от подъезда лицом вниз. Мы с отцом перевернули его. Он, наверное, ударился головой, все лицо в крови, отталкивающее, будто не его, окровавленная челюсть вперед выдвинута. И вдруг кто-то сказал:

– Он, наверное, сверху упал.

– Да, мы на третьем, – говорит отец.

– А дом-то девятиэтажный.

И тут до меня дошло, я сразу все поняла. И мне стало вдруг почему-то до ужаса неприятно. И этот вечер, и эти люди, которых становилось все больше и больше, и изуродованное от удара лицо Игоря. Рядом оказался Сергей Сергеевич, наш сосед по этажу. Он взял меня под руку, поднял от Игоря и говорит:

– Тебе не надо сейчас тут быть. Иди к Степке. Успокой его, а то он уже кричит. Идем, идем. Здесь все сделают.

Он в квартире позвонил по телефону в скорую помощь, а я сидела на краешке дивана в оцепенении, даже плакать не могла. Сергей Сергеевич с испугом смотрел на меня. Потом сказал:

– Ты не выходи. Сиди здесь. Мы все сделаем.

И вот сейчас тот же парализующий ужас... Ведь если Макаровского арестовали, то следующими можем быть и мы – такие же, как он, генеральные директора дочек НК.

2

Я быстро добралась до Красных ворот и вышла на бульвар. И только остановилась у места, где Алька меня обычно подбирала, как подкатила она, но не на своем задрипанном Опеле, а на не менее задрипанном БМВ Макаровского.

– Быстрее, быстрее, – торопила она меня.

Я плюхнулась на переднее сиденье. И она быстро рванула вперед, стараясь проскочить на желтый.

– Ты что, как полоумная?

– Наружка, – выдохнула она.

– Какая наружка? – не поняла я.

– Да за мной наружка.

Я стала оглядываться. Потом посмотрела на заднее сиденье. Я, грешным делом, подумала, что это ее собака. Но вспомнила, что Алька не держит ни собак, ни кошек.

– Нет никакой наружки. У тебя в машине вообще никого нет.

– Да не в машине, балда. За мной хвост из автомашины с наружкой. А, кстати, где же хвост? – она стала оглядываться. – Где же он? Он ко мне прямо с Технического прилип. Я его у метро «Бауманская» еще заприметила. И он все время за мной ехал. Правда, что-то не видно.

Девятка такая, серая. Может на светофоре отстал. Мы же почти на красный проскочили, – оглядывалась она.

– А что за наружка?

– Ты что, сериалы про ментов не смотришь? Там как кто на подозрении, так за ним сразу посылают наружку.

– Собака, что ли, такая?

– Какая собака, балда. Это мужики, как правило. Ну, оперативники.

– Да я эти сериалы не все смотрю. Этот, наверное, пропустила.

– Ну, последний вот, не смотрела? Опера, специально подготовленные. Неужели не смотрела? Черт, забыла со страху название. Ладно, потом вспомню.

– А ты-то при чем? – никак не могла я понять.

– Я же с Володькой поехала на Технический на его машине. Он меня просил. Так, на всякий случай. У него на душе было беспокойно. Наверное, чувствовал уже что-нибудь. Он мне портфель с документами по фирме оставил и ключи от БМВ. Я там часа два сидела в машине, ждала его, пока он не позвонил. Они же легко могли меня вычислить. Они же, наверняка, его машину пробили. Могли подумать, что он что-то там оставил. Могут задержать и обыскать. Если его задержали, значит, он уже подозреваемый. Я это по уголовно-процессуальному кодексу проходила.

Алька у нас училась в юридическом, уже на последнем курсе.

– Так ты меня прихватила, чтобы запутать эту наружку что ли? Я же водить автомашину не умею...

– Да не волнуйся ты. Володька просил меня по телефону съездить к его жене и все рассказать. Он не хотел, почему-то, звонить ей оттуда. Ну а я одна боюсь. Вдвоем все-таки легче.

– Ну, а куда же адвокат смотрел? Как он позволил его арестовать?

– А что адвокат может сделать?

– Не позволить. Вот и все. А тогда, зачем он нужен? Деньги на него переводить... Что он тогда может?

– Жалобу написать. Сейчас адвокат должен писать в суд жалобу, чтобы освободили.

– И, думаешь, поможет?

– Кто ее знает...

Когда мы подъезжали к дому Макаровского, Алька приказала мне внимательно оглядеться по сторонам, не привязалась ли к нам эта самая наружка. Я глядела, глядела, ничего не обнаружила. Ну, едут машины разные за нами, но как узнаешь, что это та самая наружка.

– Слушай, Алька, а на каких машинах ездят эти самые наружки?

– На самых обыкновенных, чтобы незаметными быть.

– На «жигулях» что ли?

– Бывают и на «жигулях».

– Да они же на «жигулях» ни за кем не угонятся.

– А у них специальные моторы стоят. Повышенной мощности.

Я высматривала эту чертову наружку, чуть шею не свернула, но ничего подозрительного не обнаружила.

– Да нет никого, чего ты волнуешься. К тому же, сама говоришь, они незаметны среди других машин. А если так, чего я головой кручу? Как дура.

– А тебе надо закрыть глаза и ждать, когда сзади раздастся: «Пройдемте, гражданка!»

– Ты же сама говоришь, что они специально обучены. Их все равно не узнаешь.

– Ну да.

– Тогда чего я головой верчу?

– Ну ладно, – согласилась Алька.

Тут мы подъехали к дому Макаровского и Алька, тяжело вздохнув, говорит:

– Ну, пойдем уже, подруга.

3

Поднимаясь на лифте к квартире Макаровского, мы обсуждали, с чего начать разговор с его женой – Ириной. Мы раньше бывали у них в гостях и знали ее. Конечно, мы уже готовы были плакать вместе с ней, но это оказалось излишним. По ее заплаканному лицу и убитому виду мы поняли, что ей уже все известно.

– Мне Сергей Иванович, адвокат, уже звонил, – пояснила она свое состояние. – Да вы проходите. Посидите немного, а то мне одной тяжело. Проходите.

Квартира Макаровского досталась ему еще от отца, который был каким-то научным работником. Вроде, даже, заведовал кафедрой в институте. Квартира хорошая – три изолированные комнаты, кухня большая. Как обычно, мы прошли на кухню. Там на столе стояла початая бутылка коньяка и легкая закуска.

– Это я уже слегка приняла, – пояснила Ирина. – Тяжело очень. Он все надеялся, что его не тронут. Очень надеялся. И вот надо же...

Мы выпили по рюмке. Потом еще. Я обычно немного выпиваю, а тут разохотилась. Тревозно что-то было и муторно.

– Ты же за рулем? – удивилась я Альке, которая не отставала от нас.

– Так я же БМВ здесь оставлю. Вам не надо ее куда-нибудь отгонять? – спросила она у Ирины.

– Не беспокойтесь. Алексей придет и отгонит.

Я как-то не понимала, ну как можно арестовывать такого человека как Володька. Он что убийца какой, грабитель, с ножом и пистолетом ходит? У него семья. Жена вот слезами обливается. Жили как все нормальные люди и вдруг на тебе – носи передачи в этот гребаный изолятор. А дети? Алексею двадцать, в институте учится, приятелей у него полным полно, девушка, наверное, есть. И вдруг – отец в тюрьме. Не вор, не грабитель – и в тюрьме. Ну как ему на других ребят смотреть? С ума можно сойти. Про девчонку даже не говорю. Та вообще в ужасном положении. Как она в школе все это объяснит? Жили нормальные люди, как все, и вдруг – в тюрьме. Я как подумаю, что со мной такое же случится – волосы на голове шевелятся. Вот Степка узнает, что мама в тюрьме. Ужас. Просто ужас.

– Ребята знают? – спросила Алька.

– Еще нет. Боюсь. Не знаю, что им говорить, когда придут. Ну как это все объяснишь? Ну ладно бы в роскоши купались, а то и денег – лишь детям на учебу, да на питание. Раз в год в Турцию или Египет слетаешь – вот и все доходы. Ну, что хозяйина привлекли, это как-то можно объяснить. У него – миллиарды. А у нас в народе принято говорить, что честным трудом миллиарды не наживешь. Ну а Макаровский-то при чем здесь? Или вы, например?

Тут мы вспомнили, что мы тоже генеральные. И в комнате наступила какая-то нехорошая тишина. И до Ирины дошло, что мы такие же генеральные как Макаровский.

– Что это я говорю, – опомнилась она. – Вы уж меня извините. Совсем от горя голову потеряла. У вас-то как?

Алька махнула рукой.

– Что у нас? Ничего пока не знаем. Может, загремим, как Володька. Дрожим от страха, и на кого надеяться, и на что надеяться – не знаем. Нам руководство твердило: «Адвокатов вам предоставим, лучших в России». А выходит, надежды на этих адвокатов никакой.

– Ну, Владимир мне говорил, что у него адвокат вроде разбирается в ваших вопросах. И связи у него имеются. Он меня, когда сейчас звонил по телефону, успокаивал: «Мол, предпримем все меры. Володя ни в чем не виноват. Действия следствия незаконны» Сказал, что напишет жалобу, какую-то там кассационную, – она вздохнула. – Может что получится. Он сказал, что Володю должны обязательно выпустить. Он все меры примет.

4

Новость о том, что Макаровского арестовали, со скоростью электронной почты пронеслась по всей нашей НК, и когда я на следующий день вошла в офис на Гусарский, о ней уже знали все. И охрана на входе, и сотрудники, с которыми я поднималась в лифте, и встречные, когда шла по коридору в наш кабинет. Ведь с того момента, когда нашего олигарха арестовали, все в НК только и жили этими новостями, а на нас – генеральных директоров дочек НК, смотрели как на обреченных. Мы и сами себя считали таковыми, хотя, как обычно бывает, не очень в это верили. Но арест Макаровского окончательно лишил нас иллюзий.

Когда арестовали нашего олигарха и начали шерстить всю НК, руководство приняло решение не увольнять нас, а тех, кто хотел с испугу уйти, уговаривали остаться. Алька сразу раскусила их стратегию. Если бы пришли новые директора – неизвестно, как бы они себя повели в сложившейся ситуации. Не дай бог стали бы помогать следствию, ведь новенькие не отвечали за прошлые прегрешения. За это нам обещали прибавить зарплату, и тут же прибавили наполовину, а в конце всех этих дел обещали заплатить по пятьдесят тысяч долларов. Мы с Алькой думали, думали, потом решили: от того, что сделано, никуда не денешься и бежать нам некуда, а тут прибавка и вознаграждение. Где еще такие деньги заработаешь? А заниматься махинациями в такой обстановке, как сейчас, никто из руководства не решится.

Нас по одному стали вызывать к руководству и инструктировать, как себя вести в сложившейся ситуации, какие давать показания, если будут вызывать в прокуратуру. Инструктировали, естественно, не сами руководители, а адвокаты различных контор, которые в великом множестве были наняты руководством за счет, конечно, фирм НК. Свои миллиарды и миллионы руководство на эти цели не расходовало. Берегло для семьи, для близких. Мы же должны были: первое – в ситуациях, когда следователи и опера появлялись в офисе – вмиг рассыпаться по закоулкам и углам, как мыши, чтобы не дай бог не столкнуться с ними лбами. Мы, конечно, и сами этого не хотели. Здесь наши интересы совпадали целиком и полностью. Второе: – если вызовут к следователям, то обязательно быть с адвокатом. Здесь наши интересы тоже совпадали. Тем более, что у самих у нас денег на адвокатов не было. К тому же, нас заверяли, что адвокаты нас вытянут. Потому что это лучшие адвокаты Москвы, а может быть и всей России. Не Падвы, не Резники, но тем не менее. И третье: – отвечать на вопросы по той схеме, которую нам адвокаты наработают. И, если мы будем вести себя, как надо, давать правильные показания, то, когда все это закончится, получим премии по пятьдесят тысяч зеленых. Ну, об этом я уже говорила. В том, что нашего олигарха, в конце концов, освободят ни у кого не было сомнений. За ним могучей стеной стоят наши продвинутые либералы, все наши и западные СМИ, да и вся международная общественность. Руководство страны никуда не денется, и пойдет на попятную. Ведь так уже было с Березовским и Гусинским. И те благополучно, со своими миллиардами и семьями перекочевали на Запад.

Наш кабинет находится на пятом этаже. Вообще-то, моя фирма зарегистрирована в Мордовии, в Саранске. Там даже имеется комнатка под офис на улице Ленина, это юридический адрес фирмы. В этой комнатке, два стола и три стула, которые находятся у фирмы на балансе. Я же все эти три года нахожусь на Гусарском. Здесь в каком-либо кабинете мне выделяются стол и стул. Я сообщаю в ЦБК свое местонахождение, и мне приносят сюда договоры, контракты и другие документы, на которых уже стоят положенные визы высшего руководства, бухгалтерии, юристов. На каждый документ утвержденное количество виз. В бумаги я не вникаю, потому что ничего в них не понимаю, да и смысла нет понимать, потому что везде уже стоят визы, уже все решено. Тех, с кем подписывались договора и контракты, я в глаза не видела. Всю бухгалтерию ведет ЦБК, они же делают баланс и отправляют его в налоговую. У меня в моем столе нет ни одной бумажки. Иногда в связи с перестановками в офисе, меня переводят за другой стол и дают другой стул, но это не очень часто. В этот занюханный и цветущий Саранск я ни разу не ездила.

Печать и учредительные документы находятся в ЦБК. Но с того времени, когда на нашу НК наехали, печать и учредительные документы передали мне, выделив небольшой металлический ящик. И за такую работу я получала неплохие деньги, в настоящее время нам всем со страху прибавили вполовину (сколько – по финансовым соображениям – не могу сказать), а на финише обещали по пятьдесят тысяч зеленых. Ну, про это я уже говорила.

Когда я вошла в кабинет, там уже все были в сборе. Три дочери НК: у меня ЗАО, у Альки ООО, у Светки – тоже ООО. У обеих были заплаканные рожи, Светка рыдает, а Алька ее отпаивает какой-то гадостью, и трет ей виски. Я даже удивилась, у Альки уже было время оплакаться, а Светке – отчего рыдать?

– Чего она заходится? – спросила я у Альки.

– Чего, чего! – вопила Светка. – Ты что, не понимаешь что ли ничего? Простота библейская.

Она так вопила, что я даже разозлилась. Простотой библейской они меня называли в исключительных случаях. Из-за того, что когда я пришла в НК работать после гибели.

Игоря, я была, так скажем, слегка заторможена, со своеобразной реакцией.

– Перестаньте собачиться. Не до того сейчас. Вы что, сдурели обе?

Алька как всегда была рассудительна.

– Да я что ли начала? Мы все в одном очень интересном положении, как говорили наши бабушки. Ожидаем повышения зарплаты, премий, или камеры с видом на тундру.

– Все, да не все! – вопила Светка. – Вас еще не допрашивали, а меня уже допросили!

Ее действительно, уже вызывали на Технический переулок. И она там давала показания с участием адвоката. Но все было как-то просто и буднично и мы не обратили на это внимание. Да и она сама говорила, что обращались вежливо, предупредительно, с учетом ее внешности (она у нас чистая блондинка, очень симпатичная). И пришла она с допроса вся вдохновенная, почти восторженная.

– Ну, ты же отвечала, как тебя наставлял адвокат, – говорю я. – Чего тебе бояться?

– Вот этого я и боюсь.

– Тебе же обещали...

– Володьке тоже обещали, – говорит Алька. Тут она тоже слезу пустила.

И тут до нас до всех окончательно дошел ужас положения. У меня холодный пот по спине побежал, честно слово. Ноги стали ватными, я уже не могла стоять и опустилась на этот гребаный стул, который у меня даже на балансе не стоял, мне как генеральному его выделили в этом офисе.

Мы как-то одновременно примолкли. Наконец, я произнесла:

– А что же теперь нам делать?

Светка горько вздохнула, и произнесла сокровенное:

– Сушить сухари.

Лондон. Вице-президент Чайка

Весть об аресте Макаровского долетела и до туманного Лондона – основного убежища российского бизнес-ворья, бывших и действующих террористов.

Вице-президент компании, Чайка Полина Ивановна, задумчиво стояла у окна своей шикарной квартиры на Бейкер-стрит и раздумывала, стоит ли звонить главному юристу НК Твердолобову, или ждать его звонка, пока он обдумывает последствия этого шага прокуратуры. Она понимала, что арест Макаровского означал, что следствие решило все-таки довести дело до конца, то есть до суда.

Полина Ивановна не боялась, что Володька Макаровский даст на нее показания. И не потому, что были они родственники, и он должен быть благодарен ей за это теплое место. Ведь, в конце концов, никто не думал, что с НК может произойти подобное. Просто она знала, что он порядочный человек и никогда этого не сделает – характер у него такой. Но остальные дочери

НК ее беспокоили. Девочкам хотя и обещали вознаграждение за нужные показания, прибавили им заработную плату, но нельзя сказать, что следствие не умеет работать. Они все-таки вычертили схему хищений. Пусть вначале они слабо разбирались в делах НК, но у них есть хорошие специалисты, которые вывели, откуда, как на дрожжах, растут прибыли руководства. Она держала под контролем весь ход следствия и была в курсе всего. Все соглашения с адвокатами по делам НК проходили через нее и с ее согласия. Соглашения заключались с фирмами НК, гонорары адвокатам определяла тоже она. Так было выгодно самим работникам НК, поскольку свои деньги на оплату адвокатов они в этом случае не тратили. НК это тоже было выгодно, в конце концов тратились деньги акционеров, а не личные деньги руководителей, и все нити следствия находились у НК под контролем. Чайка обязала адвокатов делать выписки из материалов дела и показаний, как свидетелей, так и обвиняемых, и эти выписки предоставлялись ей. Так что у следствия было свое дело, а у нее параллельно свое, и она была в курсе всех событий. Конечно, адвокаты предупреждались следствием об ответственности за разглашение материалов, но проверить это практически было невозможно. Следствие не имело право проверять досье адвокатов. А ради хорошего гонорара, чтобы угодить клиенту, адвокаты соглашались и на более серьезные нарушения.

А все это чрезмерное тщеславие хозяина. После того, как прошел закон о недрах, он где-то на пиру заявил, что не так и дорого обошлись ему эти недра. Пришлось, конечно, потратиться, но даже коммунисты, и те не побрезговали. Они немного поупирались, но ничего, купились.

Это их деды разжигали пламя из искры в Шушенском и прочих достопримечательностях Сибири, а нынешние неплохо греются в Думе. Тогда вот хозяин и сказал в шутку: «А во сколько мне обойдется вся Дума?» Ему ответили: «Ну не меньше, чем по миллиону долларов за депутата». «И всего-то...», – молвил хозяин.

Он был, конечно, прав – это для олигарха не сумма. Но зачем об этом говорить вслух, даже в шутку? И его слышали, в том числе и в Кремле.

Ну, и еще говорят, он неудачно пошутил в США, когда встречался там с сенаторами, будто молвил: «Зачем, мол, России ядерное оружие?» А так как уже прошел слух, что он готовится в президенты, к нему снова прислушались. И как оказалось не только в Америке.

Полина Ивановна еще некоторое время стояла у окна, потом взяла трубку телефона. Надо все-таки посоветоваться с Твердолобовым. Все-таки, он главный юрист. Надо что-то придумать. Хотя она в нем после всех этих событий разочаровалась.

Твердолобов, конечно, тоже уже все знал. По телефону такие дела они не обсуждали, поэтому договорились встретиться в кафе на Бейкер-стрит.

Она как всегда чуть припоздала. Поэтому, когда вошла в кафе, он уже сидел за столом, и даже успел, зная ее вкусы, заказать вино и клубнику. Твердолобов встал к ней из-за стола. Дорогой костюм, как всегда, сидел на нем отлично. Такой человек мог позволить себе, как и все они, дорогие галстуки, дорогие рубашки, дорогой парфюм. Одним словом, весь он был... дорогим. Все они были дорогие. Время уравниловки закончилось, можно себе и позволить. Они могли себе позволить.

– Ну и что теперь делать? – спросила она.

Он молча пожал плечами.

– Ты же у нас смотрящий, – Чайка улыбнулась, увидев, как он поморщился. – У кого мне еще совета просить, как не у тебя. Да ты не хмурься, я же пошутила. Ты, конечно, не смотрящий, ты наш щит. Прокуратура у нас меч, а ты у нас щит.

А про себя подумала: «Дырявый щит». Он это понял. Да и трудно было не понять.

– Надо подумать, так сразу не ответишь.

– Коля, ну скажи, так вот, между нами. Прошляпил ты, со своими схемами, очень большую подводную скалу. Пробоина такая, что, по всей видимости, ко дну идем. Ведь прошляпил, смотрящий.

– Да все у нас было нормально. У налоговых к нам не было никаких претензий. Это же не один год, это же больше десяти лет. Неужели ты не понимаешь, что это все из-за хозяина. Из-за его непомерных амбиций. Деньги ему уже стали неинтересны. В президенты захотелось. А властью никто не делится. Деньгами еще можно поделиться, а властью – никто и никогда. А эти его неосторожные заявления в сенате США...

– А что, действительно были такие заявления?

– Ты имеешь в виду, что России не нужно ядерного оружия?

– Ну да. Я как-то не верила в такую неосторожность.

– Говорят, он это брякнул ради пиара, чтобы, так сказать, было больше доверия у мировой общественности к нему, как к будущему президенту.

– Ничего себе, пиар. Мы еще не забыли, как Ельцин предлагал республикам брать самостоятельности, сколько смогут, на рельсы хотел ложиться в случае повышения цен. Думали, что это тоже пиар. А потом бац – и распустил СССР. Выполнил, так сказать, план «Барбаросса» – и цены взлетели выше кремлевской стены. Вот тебе и пиар. А ведь если у России не будет ядерного оружия, они же нас разорвут, как разорвали на части Югославию. В центре Европы – и рука не дрогнула, совесть не мучила бомбить и уничтожать. В целях, конечно, соблюдения прав человека. И у нас мгновенно найдут в какой-нибудь республике желающих отделиться. Тут же, в целях защиты этих самых человек, и начнут рвать на части.

– Ладно, хватит об этом, какой смысл сейчас кого-то винить? Что нам с дочками делать? Ведь если начнут говорить...

– Понятно, что тогда ничего хорошего ожидать не приходится, – согласилась она.

– А Макаровский, думаешь, будет отвечать по схеме?

– Конечно. Ему обещано возместить все потери и даже более. К тому же он понимает, что, в конце концов, они вынуждены будут все это прекратить. Ну а тогда тех, кто выдержал...

– Ожидает светлое будущее, – усмехнулся он. – Ты же с ним на Кипре разговаривала. Какое у него было настроение? И почему он не остался? Как некоторые другие?

– Вот он на некоторых других посмотрел и сказал, что его такая жизнь не устраивает. Ведь он со многими встречался.

– А ты его пыталась уговорить?

– Если говорить откровенно – и да, и нет. С одной стороны, он много знает. И ему лучше было не возвращаться. С другой – с его фирмы поступали значительные суммы на содержание тех, кто сбежал. Вот и выбирай.

– Но ведь не такие они лопухи, чтобы не выведать все это рано или поздно.

– Да, все так, конечно. Но ведь надеялись на поддержку либералов и Запада. И он надеялся, что не осмелятся.

Они снова замолчали. Потом она заговорила:

– А с их стороны это хороший ход, и многозначительный, ничего не скажешь. Они ведь до этого привлекли и арестовали только хозяина. Дочек не трогали. И вот теперь как бы вся система, организованная нами, не рухнула. Дочки сейчас в панике, и понятно почему. Чем они отличаются от Макаровского?

– Ну, Макаровского с ними не сравнишь.

– А чем они от него отличаются? Только объемом оборота. Ну вот ты – главный юрист. С правовой точки зрения – чем они от него отличаются?

– С правовой точки зрения они все невиновны, – чуть ли не завопил он. – Тебе ли это объяснять! Все балансы через тебя проходили, все под твоим контролем.

– Да не кипятись ты. Без тебя все знаю. Но вот то, что все балансы сосредоточились в ЦКБ, вот это и дало им повод взяться за НК. А ты: «Право, право!» Право как дышло, ты не хуже меня знаешь.

– Но мы же живем в правовом государстве...

– Ты об этом в суде расскажешь. Если, конечно, хочешь вернуться. Так что будем делать?

– Вызывать всех генеральных надо на Кипр, на базу. И быстрее – как бы нас не опередили.

– Ну, мы с тобой вдвоем такое решение принять не можем. Главное, чтобы был Лобов, он все-таки отвечает за безопасность. Кстати – где он? Ему лондонский суд еще позволяет свободно перемещаться.

– Пока позволяет. Но формально может, конечно, и запретить. Маловероятно, что суд даст разрешение на депортацию. Если уж Березовского и Ахмедова защитили, то Лобова они ни за что не выдадут. Он сейчас у жены в Канаде. Звони ему.

Гусарский переулок

Наконец, мы немного успокоились, и начали расспрашивать Альку, что ей рассказывал Макаровский перед тем, как его взяли.

– Ну, когда он прилетел с Кипра, я его спросила, почему он там не остался. Он ответил, что там нашему брату, рядовому генеральному директору самой прозрачной в мире корпорации, ничего не светит. Доходов у него с гулькин нос. Есть подержанный БМВ, вот и все доходы, квартиру купить детям и то пока не смог, все уходит им на учебу. А тем, кто сбежал на Запад, выплачивают деньги на содержание, небольшие, только на прожитье, на большее не хватит. Но до каких пор будут выплачивать – тоже неизвестно. Никаких сроков, никаких гарантий. Распределяет там финансы Чайка.

– При этом платят тем, – продолжала Алька. – Кто еще нужен. Ну а другие сбежавшие получают копейки. Вот он и говорит: «Я посмотрел, подумал и пришел к выводу, что на Западе я никому не нужен. К тому же он надеется, как и мы все, что нашего олигарха все же освободят.

– А по делу что?

– Он давал показания, как учил адвокат. Но, говорит, там сразу возникают некоторые моменты, на которые невозможно ответить. На первом допросе они его спрашивали без всяких каверзных вопросов, а вот на этот раз началось.

– Чего началось-то? Били что ли? – спросила я, а у самой опять мурашки по коже.

– Никто его не бил. Там же адвокат рядом, – с видом опытного рецидивиста промолвила Светка.

– А что адвокат? Дадут ему в пятак – вот тебе и адвокат, – говорю я.

– Ну ты не знаешь – не вступай, – взвилась опять Светка. – Чушь не пори. При адвокате не бьют. Бьют до адвоката. Вот когда адвоката у тебя нет – тогда начинают бить. А появился адвокат – начинают задавать вопросы.

– Ладно вам, – опять разняла нас Алька и продолжала. – Спрашивали конкретно, по договорам. С контрагентом встречались? Где? При каких обстоятельствах? Как решался вопрос с ценами? А что мы можем ответить? Вот он и поплыл. Говорит, с контрагентом переговоры вел по телефону. Он же понимал, что контрагента могут допросить, если уже не допросили. А они ему: «Это о сделке на несколько десятков миллионов? И по телефону?» А у него были сделки и на сотни миллионов. «А где о ценах узнавали?» Он ответил: «Из печати. Из «Ведомостей»

– Охерел он что ли! – не выдержала я. – А куда же адвокат смотрел?

– А что ответишь? – говорит Алька. – А адвокат успокоил его первыми спокойными вопросами.

– Вот козел!

– А с другой стороны, что адвокат может придумать, если это действительно так? Если у нас всю работу проводят другие службы? Ну вот и другие вопросы – такого же плана. Он говорит, что понял, что дело швах. В конце ему говорят: «Мы вам, пожалуй, Владимир Ива-

нович, после этих ваших ответов назначим психиатрическую экспертизу». Он на самом деле думал, что назначат. А вышло – вместо экспертизы в Матросскую Тишину. Его, конечно, там о многом спрашивали, но я всего не запомнила. Да чуть не забыла. Про нас тоже спрашивали, знает ли он нас, в каких взаимоотношениях.

– Ну а он чего? – спросила я.

– А что он скажет? Видел в коридорах на Гусарском. Иногда курили вместе. Вот и все взаимоотношения.

Алька встала, закурила. Подошла к окну. Видно было, что она очень переживала. Мы тоже задымили. У всех настроение – как на похоронах.

2

Мы еще около часа находились в офисе. Никто не звонил. В другие дни за это время бывали десятки звонков. Сейчас тишина. Наверное, эта новость уже дошла до всех подразделений нашей НК. Решив, что сегодня не будет никакой работы, мы отправились по своим делам.

Когда проходили внизу мимо охраны, заметили, что смотрят ребята на нас как-то особенно. За многие годы они нас всех знали в лицо. На улице чудесная зимняя погода, шел легкий снег, начало уже темнеть.

– Кого куда подвезти? – сказала Аллька, подходя к своему задрипанному «опелю», и уточнила. – Я в сторону центра сейчас.

Нам надо было на метро. Так быстрее. Договорились, что как только какая новость, вмиг звонить. Выйдя из метро, я зашла в универсам «Пятерочка». Сосиски, кое-что из мяса, сыр, немного фруктов, хлеб. Вот тебе и тысяча рублей. И как при таких ценах было отказываться от этого места? Да я молилась на Ленку Кедрову, когда она мне его предложила. Были, конечно, сомнения. Образование – только колледж. Но она сказала, что мне надо будет лишь смотреть за документами. И главное – не потерять печать. Остальное не моя забота. Там есть соответствующие службы, которые все будут делать. У меня тогда еще что-то неприятное колыхнулось. Платят неплохие деньги и ничего не делать, ни за что не отвечать. Конечно, как-то подозрительно.

Но НК знала вся страна, да что там страна – весь мир. А наш олигарх в Кремль дверь ногой открывал. Это же было всем известно. Правда, тогда еще про самую прозрачную в мире не говорили. Это недавно накаркали газетные каркуши.

Но, в общем, расскажу все по порядку. То было жуткое для меня время. Покончил с собой Игорь. Думаю, и я в этом виновата. По крайней мере, не смогла его поддержать, почувствовать, что он на грани срыва. Он окончил Физтех и работал в каком-то НИИ около метро «Калужская». Закончить Физтех – это было так престижно. И он гордился этим. Я думаю, меня-то он заметил из-за внешности, потому что по уму я ему не ровня. Я это видела. У меня есть одно хорошее качество: я никогда не переоценивала свою личность. А в отношениях с мужчинами, я заметила, что личность эта не имеет никакого значения. Надо только уловить, что ему родному нравится. А некоторых это даже очень и очень устраивает. Ну, конечно, я не совсем тупая. Просто я необразованная. И все мои знания – это то, что показывают по телеку. Но память, при этом, у меня хорошая. И мы с ним первый год жили нормально. Родился Степка, как положено. Правда рожать дальше я не хотела. И одного оказалось многовато. И все дело, конечно, в деньгах. Игорь получал немного, но надеялся на свои достижения и успехи. Я тоже думала, что все пойдет нормально, но их институт начал разваливаться. И ученый народ стал разбегаться. У кого были какие-то разработки, побежал за границу, некоторые занялись торговлей. Возили шмотки из Турции, из Китая. Некоторые пошли в бизнес, некоторые в рэкет. В общем, как у всех, так и у них. Тот, кто возил шмотки, неплохо даже зарабатывали. Но Игорь считал эти занятия ниже своего достоинства. Мне, откровенно говоря, все равно было чем он занимался, лишь бы деньги приносил. А поскольку он приносил копейки, я естественно его упрекала. И даже не по злобе, я по натуре-то не злая. Просто, действительно, не хватало денег

на еду, на Степку. Про шмотки и говорить нечего. И, бывало, иногда ляпнешь ему что-нибудь обидное, когда не в духе.

Сама-то я закончила художественный колледж на мастера причесок – так моя специальность значилась в дипломе. Насмотрелась разной телевизионной мути. Ну там конкурсы, Слава Зайцев, другие мартышки. Думала, что из колледжа – прямо в салон. Конкурсы, телевидение, приличные доходы, может быть даже слава. А как дошло до суровой действительности – устроиться даже в более-менее приличную парикмахерскую следовало считать за счастье. А про салон только в мечтах и во сне. И, конечно, с утра до вечера на ногах, а зарплата кошкины слезки. Тут еще и владелец салона стал приставать. Я его отшила, но пришлось уйти. А я уже была беременна. Этот гад отказался выплачивать отпуск по беременности и прочее, я ведь ушла по собственному желанию. Надо было в суд подавать, но попробуй что-нибудь докажи. Еле уговорила Игоря, чтобы он этого гада не прибил. А когда это случилось с Игорем, мы с отцом вообще остались на бобах, я ничего не получаю, у него пенсия. Как он, смеясь, говорил, хорошая, но очень маленькая. Он бомбил на нашей «копейке», а я иногда подрабатывала на дому.

И вот, однажды, у нашего дома встретила Ленку Кедрову. Мы с ней раньше в параллельных классах учились. Жила она в соседнем подъезде, училась в каком-то экономическом институте и работала на фирме. И, я слышала, вышла замуж, и очень удачно. Мне рассказывали, что ее муж очень даже состоятельный мужик. Сейчас, к подъезду дома она подъехала на БМВ. Сама за рулем. Она изредка навещала родителей. Увидев меня, она остановилась. Поздоровались. Она, наверное, слышала, что случилось с моим мужем, и выразила, конечно, соболезнование. Потом разговорились про школу, про учителей, но вдруг она заторопилась. А то, говорит, мне в салон нужно, а затем с мужем на званый обед успеть. Вот к маме заехала, лекарства завести. В пробках простояла, а в салон далеко, пожалуй, не успею.

– У тебя вроде нормальная голова. Так, подправить немного.

– Да неудобно лишь бы как. Там этот бомонд гребанный, все замечает.

Она уже пошла к подъезду, но вдруг остановилась и говорит:

– Ты же парикмахер прирожденный, помню в девках прически всем делала. Вкус у тебя безупречный. Ты сейчас в салоне работаешь?

– В салон черта с два устроишься. Вообще нигде не работаю, но навыки не потеряла. Если хочешь, могу подправить.

– Ну, я сейчас матери лекарства занесу, потом к тебе. Номер квартиры не изменился?

Моя работа ей понравилась. Она стала деньги предлагать, но я отказалась, хотя деньги были нужны, и она предлагала хорошую сумму. Сказала, чтобы я не удивлялась, в салоне за такую работу в несколько раз больше взяли бы. Но я отказалась. И правильно сделала. Не забыла она этого. Ну и работа моя понравилась. После этого она иногда заезжала ко мне, но здесь по части оплаты была уже настойчива. Говорила, что для нее это не деньги, а мне в моем положении любой рубль в строку. Ну и когда работаешь, как обычно, с клиентами, болтали много. Работа у нас такая. А с ней было о чем поговорить, все-таки в одном дворе выросли. И вот однажды она мне говорит:

– У мужа в компании освободилась должность генерального директора одной из фирм. У них этих фирм, так называемых дочерних, несколько десятков. Все они, конечно, находятся под присмотром, хотя вроде бы формально самостоятельны. Этих фирм у всех больших компаний по несколько десятков, а у Лукойла, например, говорит муж, так под сотню. Созданы они в основном, чтобы уходить от налогов. Сейчас ведь все от налогов стремятся убежать. Даже ты не хочешь платить.

– А за что я должна платить?

– За работу на дому.

– Ты что, серьезно?

- Конечно. Где-нибудь в проклятых Штатах, если бы узнали, тебе срок светил бы.
- Да ты что? Тут и так жить не на что, и еще за свое же срок. С ума можно сойти!
- Это называется: «развитый капитализм», дорогая.

– А я думала капитализм, это свобода слова, свобода еще черт знает чего. А, оказывается, капитализм это еще и срок за свое же. Вот нам сразу бы эти гребанные либералы объяснили, что такое на самом деле капитализм, их бы дружно и весело отправили строить этот самый капитализм в холодные края. А то свобода слова, свобода слова. А кому она нужна, если есть ничего.

Мы с ней вместе расхохотались.

– Вот такой им генеральный директор и нужен, – сказала она, смеясь. Красивый и веселый. Я тебя мужу так и рекомендовала.

Я думала, она просто так – посмеялись и разошлись. Но через два дня звонит она мне и говорит:

– Одевайся попримечнее и постройнее, завтра пойдешь на собеседование. Спросишь по телефону Валерия Михайловича. Это мой муж. Он тебе скажет куда, к кому и во сколько. Да, и еще одно. Ничему и никому не удивляйся. Веди себя спокойно и с достоинством. Тебя рекомендует очень уважаемый в этой фирме человек. Поняла?

3

Я позвонила ее мужу, а он дал телефон Дятлова, начальника отдела безопасности НК, и тот встретил меня в этот же день. О моей работе спросил лишь вскользь, для сведения. Спросил про доходы. Подробно расспрашивал про Игоря, про наши с ним взаимоотношения, как все произошло.

– Так из-за чего, ты думаешь, он покончил с собой? – спросил он. – Так вот, честно и откровенно. Ведь постороннему человеку можно сказать. Я не настаиваю, но хотелось бы знать. Впрочем, можешь и не отвечать.

– Если отвечу, что не знаю, вы поверите?

– Могу и поверить. Время сейчас такое – неопределенное во всем.

– Так вот, скажу, что и вправду не знаю. Он Физтех закончил, работы никакой, с деньгами трудно. Я не работаю, маленький ребенок. И никакого просвета.

– Может быть, он ревновал вас? Вы женщина красивая...

– Мне в то время не до этого было, не до любви на стороне. Маленький ребенок, денег нет. Муж почти всегда дома.

– Он что, не пытался устроиться? Пошел бы шмотками торговать. Извоз из-за рубежа и прочее. Они, говорят, очень неплохо зарабатывают.

– Я ему раз об этом сказала. Он стал будто чужой. Что-то я в нем не поняла.

– Да, вот они. Порядочные, интеллигентные и способные мальчики. Другой бы мог просто сбежать. А он, выходит, осудил себя. А на поклон к судьбе не захотел пойти. Как вы считаете?

– Может и так.

– Плохо сейчас с деньгами? Так, откровенно.

– Не то слово.

– А замуж не собираетесь? Извините, но нам это нужно знать.

– Кому я с ребенком нужна. Да и не могу я сейчас.

На этом беседа закончилась. И через два недели меня пригласили на беседу к Лобову, вице-президенту НК по безопасности. Как я потом узнала из опыта других, они проверяли меня по своим каналам – через милицию, через ФСБ и даже через свои связи в среде воров в законе.

Лобов уже ни о чем не спрашивал. Просто слушал повторение моих сведений о биографии. Слушал и внимательно смотрел. Я бы даже сказала, смотрел с удовольствием. Потом вдруг сказал:

– Ваше дело я у секретаря оставил. Если Вам не трудно, сходите в приемную, возьмите у нее.

Я встала и пошла. Я уже поняла по его взгляду, по его лицу, по улыбке, что я ему симпатична. И дело он забыл у секретаря не просто так, ему приятно было посмотреть, как я иду, приятна моя фигура.

Когда я вернулась, он с кем-то разговаривал по телефону. Я передала ему папку. Он положил папку перед собой, и так и не открыл ее. Жестом руки предложил мне приземлиться на стул. Закончив разговор, весело посмотрел на меня и сказал:

– Мы вас принимаем на должность генерального директора ЗАО.

– И все? – удивилась я. Он рассмеялся.

– Что значит все?

– Ну, там, какие-то должны быть процедуры. Ну, не знаю.

– С вами будет заключен контракт. Там будет все прописано, и вам все объяснят.

Когда вышла из офиса, подумала, что он ничего, очень даже ничего. Высокий, стройный и улыбка у него приятная. И вроде меня оглядывал по-мужски, и я ему понравилась. Это даже греет. Но я уже это проходила, с хозяином салона. И меня еще одно удивило – ни Дятлов, ни Лобов, ни словом не обмолвились о моей будущей работе. Ну просто – ни словом.

4

Затем, в конце недели, меня пригласили в офис на Гусарской. Там начальник управления Кондрашев Михаил Федорович вручил мне контракт и показал протокол собрания акционеров, в котором пунктом один было определено, что я назначаюсь генеральным директором ЗАО с таким-то окладом. При этом я чуть не ошалела от радости – в своем занюханном салоне я получала в несколько раз меньше. Но виду не показала, так меня инструктировала Ленка. Кондрашов вручил мне устав, учредительный договор, печать и рассказал, в чем будут заключаться мои обязанности.

– Все ваши обязанности отражены в уставе, – сказал он. – Вы его прочитайте, на всякий случай. Ну а на деле будет следующее. Вот вам стол, вот вам стул. К вам будут приходиться из различных подразделений НК с проектами договоров и другими документами. При договорах будет бумажка с фамилиями лиц, обязанных этот документ завизировать. Когда все подписи будут собраны, подписываете вы, как генеральный директор и сдаете в ЦБК. Это я коротко. А так в процессе потихоньку сами все узнаете.

Как он сказал, так и получилось, в процессе работы постепенно, со временем, я все узнала. И неплохо все усвоила.

5

По установленному порядку, следующим утром я зашла в ЦБК, к своему бухгалтеру Елене Федоровне. Она уже, конечно, все знала. Между прочим, свежие новости по делу компании в ЦБК узнавали сразу, и эти новости мгновенно разлетались по всем кабинетам. Откуда они это сразу узнавали – совершенно непонятно.

– За что же Володьку? – удивлялась она. – Ну совершенно непонятно. Он же, как все генеральные, все вы одинаковы.

И тут до нее, наверно, дошло, что я тоже генеральный. Она с ужасом посмотрела на меня.

– Да ты не волнуйся, все будет нормально. Вы же не при чем. Вам что предписывали, то вы и делали. Это всем ясно и понятно.

Видя мое невеселое настроение участливо спросила:

– Дома-то как?

– Дома все нормально. Степка в сад ходит. Его там хвалят за поведение, за успехи в пении и рисовании.

– Певун значит.

– Певун.

– А отец? Как со здоровьем?

Я как-то ей рассказывала, что у отца нелады с сердцем.

– Вроде все нормально, стараюсь его не волновать. Я ему даже про наши дела в НК ничего не говорю. Конечно он телевизор смотрит и в курсе общих дел с НК, но я ему говорю, что я мелкая сошка, и нас все эти ужасы не касаются. Наше ЗАО пока нигде не мелькает.

– Слава богу, слава богу, – говорит Федоровна. – Как говорят: тьфу, тьфу, тьфу. А вот фирма Макаровского уже по телеку, и в газетах засветилась. Уже журналоги верещат – разгром НК начался.

Я уже думала, что сегодня ничего не будет, как вдруг она говорит:

– Вот тебе тут управление по ценным бумагам договор приготовили, по векселю, по ООО «Нафта-Ю». Сказали – срочно.

Я взяла договор. Раньше я бы даже его и не смотрела, проверила бы, все ли визы на месте и подписала. Но когда все это завертелось, я тоже начала смотреть документы. Алька мне разъяснила, что ответственность несут не эти подписанты, а генеральный директор, то есть я. И сидеть в случае чего не подписантам, а мне.

Я взяла договор и направилась к выходу.

– Они просили срочно. Это по векселю. И срок оплаты по нему где-то через неделю, – вслед мне говорит Федоровна.

– Ладно, я посмотрю. Завтра решим, если срочно.

Я не хотела при Федоровне смотреть договор, поэтому вернулась в наш кабинет и стала читать. За эти три года работы я все-таки кое-чему научилась. По крайней мере, в вопросах оформления документов, ну и уже простейшие операции понимала. Это был договор новаций. Речь шла о векселе по ООО «Нафта-Ю» на сумму миллиард двести миллионов рублей. «Нафта-Ю» – это одна из фирм НК. У меня на фирме этих векселей значилось на несколько миллиардов рублей. Когда приходило время платить по векселю или получать, то управление по ценным бумагам готовило соответствующий документ, и я, после того как все кто указан в приложении завизируют, подписывала этот документ. Раньше я и не вникала в эти векселя. Я и сейчас не знаю, сколько их и от кого они. Этими вопросами занималось руководство и «Управление по ценным бумагам». Но после всех этих событий я начала смотреть, чтобы не влипнуть. При этом советовалась с Алькой. Она уже хорошо разбирается во многих вопросах. Она больше меня работает, да еще юридический факультет заканчивает.

Алька посмотрела договор и говорит:

– Подписывать нельзя. Они тебя подставляют.

– Но ведь визы всех заинтересованных подразделений есть. Даже вот юристы подписали.

– Не имеет никакого значения. Ты пойми, когда дойдет до разборок, подписанты скажут – то не учли, это не учли, может быть и ошиблись. Но ведь не мы принимаем решения. Есть генеральный, и он должен был не согласиться. Это ведь наше мнение по этому вопросу, и только. Понимаешь, мнение – и только. И они чисты. Главное они чисты перед законом. За все по договору отвечает генеральный директор. А ты смотри, что здесь получается. «Нафта» согласна заплатить по векселю триста миллионов – четверть цены, объясняя это тяжелым финансовым положением, мол, фирма на грани разорения. Не то, мол, через некоторое время и этого не получите.

Это самое жалостливое письмо было приложено к договору.

– Может так и есть на самом деле?

– А тебе какое дело?

– Но «Нафта» ведь наша фирма.

– Юридически «Нафта» – это самостоятельное предприятие, которое к твоей фирме не имеет никакого отношения. И уступать просто так девятьсот миллионов ты не имеешь права.

– Но ведь все завизировали. Они же там все эти вопросы, вероятно, учли. Согласовали. У «Нафты» может правда тяжелое положение?

– А ты откуда знаешь? У тебя ведь нет никаких данных на этот счет. Между прочим, подписанты, раз они подписали, должны были предоставить тебе полное экономическое обоснование своих выводов, а не просто подписи. И не просто бумагу, что «Нафте» плохо, а соответствующие балансы за последнее время. Здесь же ничего нет.

– Ну а как не подписывать – выгонят ведь.

– А отказать нужно по-умному. Ты потребуй от них полное экономическое обоснование с приложением соответствующих документов.

– Слушай Алька, ты – гений.

– Только ты невозмутимо, спокойно и твердо. Понимаешь, ты же генеральный директор. Где обоснование, такие-разэтакые? Хозяин в Матроской Тишине, так вы вообще перестали мышей ловить? Вот так их.

Так и решили сделать.

На следующий день я как ни в чем не бывало подхожу к Федоровне. Спокойно усаживаюсь на свой стульчик и кладу договор перед собой.

– Я сейчас, – говорит она, копаясь в документах. Я спокойно и невозмутимо жду, посматривая по сторонам. В комнате сидят еще два бухгалтера. Они вели самые значительные фирмы компании.

– Вероника, о Макаровском есть какие новости? – спросила одна из них, она вела фирму Макаровского.

– К нам приходили и изъяли все документы по фирме с 2001 года. Что самое странное, изъяли документы по заработной плате. Это-то зачем? У него на фирме он, да его юрист, которого никто не видел. У него юристом адвокат какой-то работает.

– Какие новости? Всего три дня прошло. Я слышала от жены, что адвокат жалобу подал.

– А что адвокат? Раз взяли, теперь до суда не освободят. Конечно, адвокат обязан жалобу подать. Но это бесполезно. Они же его взяли не для того, чтобы выпустить.

– Я слышала, что ему в течении десяти дней должны предъявить обвинение, – говорит другая. – Если не предъявят, должны будут выпустить. Так с шефом было.

– Никто его не выпустит. Если взяли, будет до суда сидеть.

– Жене то, каково и детям.

Вот гримзы старые! Все знают. Наконец Елена Федоровна закончила со своими делами и мне:

– Подписала?

– Нет, – ответила я. – Договор сырой. Соответствующих материалов к нему нет. Пусть доработают.

– Но просили срочно. Там сроки подходят. Ты видела?

– Видела, но договор сырой.

Я положила ей на стол договор и встала.

– Но просили срочно.

– Им раньше надо было суетиться. В общем пусть доработают.

– И я пошла к выходу. Главное не поворачиваться. Спокойно и независимо. И я вышла.

6

На следующий день Федоровна позвонила и просила срочно зайти.

– Слушай, что ты делаешь? Тут столько звону было, требуют, чтобы немедленно подписала. Сама Чайка звонила.

– Пусть те, кто визировал, те и подписывают. Могу доверенность дать на эту операцию. Удивлению Федоровны не было предела. У нее даже стекла очков запотели. Конечно, женщина она было хорошая, но и дисциплина в НК была жесткая. Даже после того как хозяин в Матросскую тишину загремел.

Я наклонилась к ней:

– По договору мы продаем векселя в четыре раза дешевле их номинала.

– Тебе-то какое дело? Они твои что ли? Хозяева так решили.

– Хозяева решили. А сидеть мне. Как Володьке Макаровскому. По его делу сидят не те, кто визы ставил. А он – генеральный директор.

Федоровна с удивлением смотрела на меня. И, вроде бы, до неё стало доходить... Она растерянно сказала:

– Но сроки подходят.

А мы с Алькой эти моменты уже проработали:

– Передай им, что фирма подаст иск в арбитраж. Вот и все.

Я спокойно встала и под ее изумленным взглядом почти величаво вышла из кабинета.

Лондон, офис НК.

С миру по нитке – нищему петля

Вице-президент НК по безопасности Лобов сумел прилететь лишь через два дня. Из-за забастовки летного состава ему пришлось ехать автомобилем в США, а уж оттуда в Лондон. Лондонское руководство НК сразу же собралось у президента Тэди Сэма в кабинете. Был так же приглашен Управляющий адвокатского бюро, взявшего на себя защиту генеральных НК, Деревянченко.

– Задерживаешься, – укорила его Чайка.

– Эти чертовы забастовщики.

– Еще скажи – этот чертов капитализм.

– И скажу. Этот чертов капитализм. С его дурацкими свободами и еще более дурацким общественным мнением. Чайка подумала, что у него опять что-то с женой. После того как в печати появились статьи о деятельности Лобова как главного киллера НК, родственники жены и сама жена, перебравшиеся в Канаду несколько лет назад, перестали смотреть на него как на бога и благодетеля и между ними стали возникать конфликты. Но вслух она сказала:

– Ну, по какому случаю мы здесь все срочно собрались, я думаю вам известно, поэтому приступим к обсуждению без вступлений.

– А что скажет наш главный адвокат? – демонстративно громко произнес Лобов. Куда смотрела наша защита?

– Олег Игоревич, я понимаю ваше раздражение. Но все-таки просил бы изменить тональность высказываний в наш адрес, – вскинулся Деревянченко.

– Ну, извини, извини. Погорячился. Но ведь и есть отчего.

– Это временные неудачи. Арест Макаровского, конечно, незаконен. И мы принимаем все меры, чтобы добиться его освобождения.

– Давайте сразу договоримся без всей этой мишуры разговаривать. Законен – не законен. Есть силы добра, и силы зла. Давайте вернемся к правде жизни. А она такова: Макаровский арестован, хозяин сидит. Спрашивается – почему хозяин все еще в Матросской Тишине, и почему там же оказался Макаровский? Ваше просвещенное мнение.

– Ну, если без мишуры, то следует признать, что силы зла, как вы соизволили выразиться, которые работают против НК, активизировались и это их второй серьезный знак, в том числе и в отношении хозяина.

– Вот это серьезный разговор. Но пока не совсем. А эти силы зла имеют фамилии, должности?

– Имеют. Их, к сожалению, достаточно, но назову лишь основного, фамилии других потом могу представить отдельным списком. Президент.

– Да, проморгали мы этого кэгэбешника. Скажем прямо, не уделили достаточно внимания в свое время. В том числе и хозяин. Никто не мог и подумать, что этот полковник с лицом нелегала – ведь его и в толпе людской не сразу обнаружишь – вдруг начнет проявлять характер.

– Он ведь не был нелегалом, – вмешался Сэм Тэди, назначенный после ареста хозяина президентом НК. По мнению нашей печати он работал официально.

Лобов поморщился. Все знали, что он терпеть не мог Тэди, которого назначили, чтобы прикрыть англичанином НК в глазах Запада, но уважением у них он не пользовался. Его недолюбливали и работники НК в Москве. И Лобову уже не раз приходилось улаживать конфликты, возникающие между руководством московским и лондонским. Все присутствовавшие на реплику Тэди сдержанно усмехнулись.

– Спасибо, Сэм, за ценные сведения, – произнес Лобов. И продолжал:

– Мер никаких реальных не принимали. А он поначалу был очень даже покладист. Чего стоит выполнение желаний всех олигархов оставить во главе правительства «Мишу два процента». Хозяин наш успокоился – с Мишей мы работали исключительно плодотворно. И надеялись на такую же работу в будущем. Это же второе лицо в государстве.

– И что же сейчас Миша? – молвил Тэди. – Ему следует напомнить, как порядочному человеку, о его обязательствах перед НК.

Лобов покосился в сторону Тэди и покачал головой под усмешки остальных.

– Напоминаем, напоминаем. Он даже в ответ публично высказывает свое недовольство решением правоохранительных органов.

– У нас высказывание главы правительства... – тут уж Лобов не выдержал окончательно:

– Тэди, извини, конечно, но по поводу наших российских разборок помолчи. У каждого народа свои герои, и свои полудурки. Кстати о полудурках. – и он обратился к Твердолобову. – Вот объясни нам, как так получилось, что процветающая компания, с прозрачностью, заявленной всему миру – ведь мы перед этими событиями заявили, что мы самая прозрачная компания в мире – вдруг оказалась преступной организацией, структура которой направлена на кражу средств у народа и акционеров. Я видел, такое обвинение предъявляют хозяину: хищение у государства и акционеров.

– В общем смысл обвинения именно таков.

– Ну, государство, это понятно. А чем мы акционеров обидели? И где был ты – главный юрист НК?

Твердолобов молчал.

– Если говорить об акционерах, – вмешалась Чайка. – То тоже все понятно. Хозяин по версии следствия присваивал деньги, часть которых должна была идти в виде налогов государству, а часть должны были получить акционеры по акциям.

– Так где был ты, главный юрист?

– У нас не было никаких проблем с налоговыми. Ведь мы сдавали балансы предприятий НК не в одну налоговую, а во многие и нигде никаких проблем. Я скажу не оправдываясь: мы работали по нормам гражданского и налогового кодексов.

Лобов усмехнулся.

– Значит, работали по нормам гражданского и налогового кодексов, а вот сажать нас будут по нормам уголовного кодекса. Ответь мне, юрист, как это может быть? Работаем по одному кодексу – а сажают по-другому. Ну, говорю проще, объясни нам, что твои люди в управлении не знали уголовного кодекса, что у тебя не было специалистов знающих уголовный кодекс.

– Почему не было, – растерялся Твердолобов. – У меня мой заместитель Паршина писала диплом по уголовному праву. Мой заместитель.

И тут реплику снова подала Чайка:

– Валерий Степанович, Ты что, не в курсе?

– Что такое? – недоуменно уставился на нее Твердолобов.

– Паршину сегодня утром арестовали. Мне перед уходом позвонили. Но как-то не успела вам сообщить.

– Вот он твой специалист. Пошла, по всей видимости, собирать в Матросскую Тишину материал для кандидатской диссертации. Диплом уже есть.

– Олег Игоревич! Я бы просил все-таки...

– Ну извини, извини, – раздраженно развел руками Лобов. – Просто уже нет сил смотреть на эту некомпетентность и безграмотность. Сам-то ты на всякий случай рванул в Лондон и, думаю, возвращаться в Россию, чтобы доказать следствию и всему миру, что наезд на НК не обоснован, не собираешься.

– Я все-таки просил бы... Я ведь не говорю, с чего начались все эти наезды на НК.

– А ты скажи, мы все здесь почти свои.

– Мы, из СМИ, конечно, знаем про события в Тульской области и другие происшествия.

– Бывает, что какие-то странные люди и болтают черт знает что. Но что они могут сказать о работе НК? – Лобов сделал паузу и в наступившей тишине. – Вот я тебя спрашиваю, главный юрист, что они могут сказать? А вот Паршина и генеральные директора дочек могут.

Твердолобов в растерянности пожал плечами.

– Я так просто. Я не имел в виду ничего...

И тут Чайка встала с кресла.

– Вот что, мужики, обижаться на то, что уже произошло, смысла нет. Кто больше допустил ошибок, кто меньше. Надо сказать, хозяин тоже многое не так понимал, как хотелось бы. Сейчас надо думать, как быть, когда начали брать генеральных.

– Как всегда ты права, – согласился Лобов. И обращаясь к Деревянченко спросил:

– Ну, что сейчас можно предпринять?

Деревянченко встал.

– Нами разработана концепция правовой защиты хозяина. Я думаю, что не будет ни у кого возражений, что это наша основная задача. Генеральных тоже следует защищать, но главное – хозяин. Иногда, чтобы выручить главнокомандующего, приходится жертвовать рядовыми и даже офицерами. Поэтому концепция защиты такова. Ведь хозяин является президентом НК. Осуществляет так сказать общее руководство. И если в армии главнокомандующий отвечает за действия своих подчиненных в соответствии с уставом, кроме, конечно, преступных, то у нас в НК каждое ООО, ЗАО и прочая правовая единица, являются в соответствии с законом, я подчеркиваю, в соответствии с законом, самостоятельной единицей. У каждого свой устав, в соответствии с которым и обязан действовать генеральный директор. Они совершают сделки, они подписывают все документы, в том числе договоры и контракты. Президент НК не подписывает ни одной сделки, по которой были совершены кражи и неуплата налогов, а также обналичка и прочее. Ни одного документа. Отсюда вывод – да, генеральные иногда совершали нарушения и даже преступления, но при чем тут президент? И вот сейчас задача защиты состоит в том, чтобы генеральные директора давали показания, что они работали, как и положено по закону в соответствии с уставом. Поскольку с адвокатами заключают на ведение дела соглашение по указанию руководства, в данном случае этим занимается Чайка Полина Ивановна, то у всех генеральных будет адвокат, который и будет готовить генерального согласно нашей концепции. И тогда по закону, подчеркиваю, по закону, хозяин невиновен.

Лобов с интересом смотрел на Деревянченко. И оживленно спросил:

– Неужели так можно сделать?

– Конечно можно, если поработать, как следует с генеральными. Большинство из них не знают норм права, не знают своих законных прав и обязанностей. Извините, так уж вы их всех

подобрали и всех воспитали. Повторяю, почти всех. По крайней мере, тех, с кем мы сталкивались. У них соответствующее образование, как правило, невысокое. По существу они привыкли, что они только исполнители, что они никто. Мы и раньше проводили с некоторыми соответствующую работу. Но сейчас нужно все делать быстро и более эффективно.

– Что предлагаете?

– Как можно быстрее собрать всех директоров на Кипре, в вашем отеле. Там адвокаты будут с ними работать. Все это можно оформить под предлогом – нахождение в отпуске. И это будет нормально. Потому что мы заметили по документам, что почти все они в течении нескольких лет не оформляли себе официально отпуска по работе. Им на это было плевать. Они отдыхали, когда это было возможно, не принося хлопот компании.

– Полина Ивановна, доведите это до ЦБК, пусть готовятся генеральные к отдыху. Что еще?

– Самое рациональное, если бы они вообще не давали показаний. Потому что среди следователей есть и умные и опытные. А руководитель этой группы Бажов, это тот еще волчище. Группа подчиняется только высшему руководству генеральной прокуратуры, а высшее руководство имеет наверняка прямое задание с самой крыши.

– Вы его знаете. Подойти к нему можно.

– Мы его, конечно, знаем. Он работает не один десяток лет. Подойти к нему можно. Но только поздороваться – не больше.

– Неужели такие еще сохранились? Мы же тоже не один год работаем со следствием, с прокурорами.

– Подойти можно, поздороваться – но не больше.

– Ну это вы говорили. О рациональном – чтобы вообще не давали показания. Что имели в виду?

Лобов смотрел на Деревянченко с очевидным удивлением.

– Не пугайтесь. Ничего криминального. Они должны остаться за границей. Например, как Антонио Вега. Остался – и все с ним спокойно. Вот с Макаровским это не получилось. Он наотрез отказался остаться. К тому же его допрашивали, все шло нормально. Даже отпустили в отпуск на Кипр. Он уверился, что все будет нормально. С женщинами все в этом плане будет гораздо проще. Нас в основном интересуют несколько фирм, генеральные директора которых живут в Москве и имеют фактический офис на Гусарском. Директора пяти основных фирм, через которые шли потоки денег – Макаровский, Вега, Астахова, Корнева, Звонцова. У остальных фирм, особенно в провинции, обороты небольшие. Макаровский дает нужные показания, Вега им не достать – никто никогда его не выдаст России. Остались три очень молодые женщины. И, надо сказать, красивые женщины. Не представит большого труда выдать их замуж на Кипре за иностранцев. Они все незамужние. Красивые женщины. Как их кадры подбирали?

– Дятлов их подбирал, – сказал, хмурясь, Лобов. И спросил. – Это что, обязательно?

– Конечно, нет. Но это самый простой способ, чтобы решить вопрос – они не возвращаются, никаких показаний. А если их попытаются привлечь, объявят в розыск как Вега, то их по делу НК никто не выдаст. У вас имеются какие-либо возражения?

– Нет, что вы. Никаких возражений. Но это действенные меры? Я имею в виду – замуж и прочее?

– Самое простое и самое верное. И самое безопасное. Кто из наших женщин не желает в настоящее время выйти замуж за иностранца? Они все незамужние.

– Полина Ивановна, может быть, издать приказ по НК?

Все рассмеялись.

– Приказом, пожалуй, не получится, но вот создать на Кипре условия, при которых они будут иметь возможность знакомиться с иностранцами как бы во время отдыха между заня-

тиями – это возможно. Пригласим самую высокую местную элиту по какому-нибудь случаю. В гости к работникам НК.

– Надеюсь не бомжей портовых, – не унимался Лобов.

– Что вы, Олег Игоревич. А вы видели этих генеральных?

– Видел издали. На совещаниях, иногда.

– Это же красавицы. При закоренелом советизме Дятлова удивляешься, как он сумел таких подобрать. На них наверняка будет спрос, и очень немалый. Как бы среди местных дуэли не начались.

– А они согласятся?

– Конечно, если прямо заявить, отвергнут предложение, да еще скандала не избежать. Среди них есть девочки с характером. Например, Астахова. Та умеет за себя постоять. Да и другие тоже с достоинством. Они в НК не замечены в шашнях ни с кем. Кроме того, Дятлов докладывал, что в связях порочащих их честь и достоинство не замечены. К тому девочки сейчас материально себя нормально чувствуют. Я откровенно говоря не очень верю в успех операции, но попробовать можно.

– Обязательно нужно пробовать, – говорит Деревянченко. – И если этот вариант работает, то у нас выходит очень неплохая картина с отсутствием доказательств. Макаровский показывает так, как надо по схеме.

– Это точно, Полина Ивановна?

– Точно. Мы обязали всех адвокатов делать выписки из протоколов допроса. Это, оказывается, по закону можно. Ну, они, конечно, переписывают протокол полностью. Поэтому у меня имеются все протоколы допросов. Нет, в Макаровском я уверена. Володька – он такой человек.

– Какой?

– Старой закалки.

– Советской что ли.

– Советской.

– Вот и выходит, – продолжал Деревянченко. – Макаровский показывает как надо. Антонио Вега никогда у них не будет. И если девочки еще останутся за границей – у них нет прямых доказательств. А по документам хозяин лишь осуществлял общее руководство НК. Такова вот концепция защиты.

– А Падалка сотоварищи согласен с вашей концепцией?

– Надо сказать, что идея о концепции, исходила именно от адвокатов хозяина. У них это официальная правовая позиция, как мы адвокаты говорим.

– А у защиты генеральных – у вас какая должна быть официальная правовая позиция, как вы изволите говорить? – спросила Чайка.

– Откровенно?

– Конечно, откровенно, мы здесь все свои и нам интересно знать все.

– Если говорить откровенно, генеральным выгодно будет, если их признают подписантами.

– Что это за подписанты?

– Ну, есть такой термин. Это те, кто лишь подписывает документы, которые им приносят на подпись, независимо от занимаемой должности.

– То есть как там у классиков: «Я Фунт».

– Это не совсем верно. Фунт сознательно готов был отвечать за других. Сознательно. А у генеральных нет никакого желания отвечать за других.

– Вы хотите сказать, что они могут взбунтоваться?

– Если узнают – могут. Но они у вас в правовом плане практически беспомощны. Ничего не знают. Правда тут есть и другой момент. Это позиция следствия по этому вопросу. След-

ствие может обосновать все так, что независимо от того знали генеральные о том, что они подписывали, или не знали – они несут ответственность в соответствии с законом.

– Это мы знаем, – сказал Лобов. – Незнание закона не освобождает от ответственности.

– Вот именно. Тут вы совершенно правы.

– А нельзя ли как-нибудь повлиять на эту самую позицию следствия?

– По многим делам это получалось. Но тут дело на контроле у самого нелегала, как говорит дорогой Сэм.

– Я говорил, что он не был нелегалом.

– Ты можешь помолчать? – опять не сдержался Лобов, и к Деревянченко. – И нельзя ничего сделать?

Деревянченко развел руками.

– Стараемся.

– Это, конечно, замечательно, – согласился Лобов. – Но по делу мэра и по тамбовскому мы видим, как концепции иногда рушатся по совершенно непонятным причинам.

– Это верно, – подтвердил Деревянченко. – Самые на первый взгляд верные дела, бывало, кончались катастрофами. Я это по адвокатскому опыту знаю. Поэтому вам следует будоражить всю западную общественность, все СМИ.

– Это мы будоражим, – усмехнулся Лобов. – Вот надеемся на приезд в Россию на восьмерку Буша и прочих лидеров западных стран. Они, конечно, все возмущены преследованием хозяина и считают, что дело носит политический характер. Может быть, навалится весь мир, как говорят на Руси, и выйдет хозяин. Деревянченко – в России, ты Сэм здесь – в Лондоне, другие наши друзья в восьмерке. По ниточке, по ниточке – глядишь что-то и совется.

– Как говорят на Руси, с миру по нитке – нищему кафтан, – улыбается Тэди.

– Отстал ты здесь, в Лондоне, дорогой Сэм от российской действительности. Теперь в России говорят по-другому: «С миру по нитке – нищему петля».

– Однако, горькие шутки, – говорит Чайка.

– Согласен. Горькие. Ну, пошутили и за дело, дорогие соратники. Или как там у следователей? А, Деревянченко?

– У следователей по делам говорят: «подельники».

– Вот, вот, дорогие подельники. Или еще – братаны.

– Что-то у вас с настроением сегодня, Олег Игоревич.

– Это ты, верно, заметила, Полина Ивановна. Настроение – неважно.

Гусарский переулок

Я со страхом ждала, чем закончится это мое неповиновение. Но страх влипнуть и оказаться в Магроской Тишине, как Макаровский, был еще сильнее. И вдруг через неделю Федорова подает мне договор по этому же векселю. Читаю, и там написано, что мы по просьбе «Нафта» даем им отсрочку по выплате по векселю на полгода под те же проценты и, конечно, их письмо на ту же тему. И визы всех подразделений. Я не выдержала и спрашиваю Федоровну:

– Ты читала?

– Ознакомилась. И скажу тебе, Вероника Николаевна, изумлена.

– Чего это ты меня так официально?

– А потому что ты – генеральный директор. Положено так.

– Ну на ты мы все-таки останемся.

– Останемся. Чего нам с тобой делить? Знаешь, я думаю они сейчас перепуганы. При хозяине этот договор был обычным делом. «Нафта» ведь наша фирма. А сейчас все эти службы могли и вправду тебя подставить. Хотя думаю вряд ли, но чем черт не шутит. Так что считаю, что ты была права.

Альку такой оборот событий прямо так вдохновил. Открытый бунт и никаких последствий. Действительно в НК что-то происходит фундаментальное.

– Это на них повлиял арест Макаровского, – предположила я.

– Я тоже так думаю, – согласилась она. Они видят, что к нам подобрались вплотную. И, наверное, скоро начнут допрашивать. Могут возникнуть разные вопросы, в том числе и по твоим векселям. Надо нам с тобой готовиться.

– А как?

– Если говорить о документах, то это уже поздно. И не от нас зависит. Документы в ЦБК и следствие про них все знает. Надо себя психологически подготовить.

– Ну а как?

– Как готовятся преступнички к тому, чтобы держать ответ и, возможно, к наказанию?

– Я где-то читала, что их тянет на место преступления. У нас место преступления – ЦБК.

– Верно, – смеется Алька. – Но там мы и так каждый день бываем.

– А не пойти ли нам к Генеральной прокуратуре? Мой отец туда чуть ли не каждый день ходит. Я по телеку видела, как там кучкуются противники и защитники нашего хозяина. Отец, конечно, противник, а вот за хозяина – студенты с плакатами и либералы.

– Ну в защиту Володьки Макаровского никто не ходит.

– Вот мы и пойдем. Не с плакатом, так с горячими слезами.

2

Алька оставила свой «опель» в переулке, и мы направились к зданию генеральной прокуратуры. Мы по телеку видели, что протестующий народ там собирается. И точно видим, стоит толпа человек пятьдесят-семьдесят с плакатами разного характера. Причем было видно по плакатам, где стоят те, кто за нашего олигарха, а где те, кто против. За нашего олигарха – народ молодой, наверное, студенты и либералы, а с другой стороны – трудящиеся и пенсионеры. Одни требуют, чтобы освободили безвинно арестованного, другие требуют сурового наказания. Между ними наряды милиции, человек двадцать, не меньше. С одной стороны плакаты, требующие свободу нашему шефу. Там про Басманное правосудие и прочее, прочее. С другой стороны плакаты: «Мошенников и воров – к ответственности», «Плати налоги и сиди спокойно», и прочее. Мы искали хоть один плакатик с требованием освободить Володьку Макаровского. Ни одного плаката. Вдруг Алька толкает меня:

– Смотри. Да ты вон туда, туда смотри.

Я посмотрела, куда она указывала и, бог ты мой! Стоит мой папаня, рядом с ним крепкий мужичок, а папаня держит плакат, на котором вдохновляющий всех трудящихся лозунг: «Вор должен сидеть в тюрьме».

Стоит так гордо, подбоченясь, и что-то кричит в сторону студентов и либералов. Чтобы расслышать, мы подошли ближе. Папаня много чего кричал, но все сводилось к следующему:

– Почем совесть? Сколько нынче стоят тридцать серебрянников? Долой олигархию!

И столько в нем ярости, что если бы не менты, которые эти два лагеря сдерживали, папаня точно ринулся бы в бой.

– Вот так папаня, – говорю я Альке.

– Праведный народный гнев. А студентам платят – он прав. Я сама переводила университету деньги с моей фирмы. А ты что не переводила?

– Переводила. И фондам каким-то, и управлениям внутренних дел, и еще каких-то дел, и ассоциациям бывших прокурорских работников, и бывших кэзэбистов, и бывших грушников. Я удивляюсь, что наш олигарх еще сидит. Все-таки его должны отпустить. Ведь всем платил, кого же он обидеть мог? Или кому-то показалось мало, и они решили заработать еще?

Мы с Алькой потолкались еще некоторое время и пошли к ее машине.

– Ну, папаня, ну, папаня, – удивлялась я. Ну я с ним вечером разберусь.

3

У меня с отцом были непростые отношения. И он, и мама, но особенно он, хотели, чтобы я поступила в институт. А я никуда не хотела поступать, ну в институт, конечно. Училась

я очень хорошо. И отец надеялся, что я поступлю и был очень недоволен, когда я вместо девятого класса, пошла в этот колледж. Но я посмотрелась разных передач по телеку. Слава Зайцев и прочее. Конкурсы мастеров, модные прически. А у меня был неплохой вкус. Еще в школе все это замечали. И это мне нравилось. Это потом суровая действительность прояснила мне кое-что, но отец этого своеволия мне простить не мог. И когда что-нибудь возникало, какой-нибудь спор, он с чувством говорил:

– Да что с тебя взять, пэтэушница.

Этот колледж в советское время был ПТУ. Я ему пыталась объяснить, что работа мастера по прическам – это искусство. Но он на это говорил:

– Грязные головы и сальные волосы обрезать – вот все твое искусство. Скажи, что лень учиться было, а ведь не совсем дура, хорошо ведь училась.

Ему, конечно, обидно было. Сам он закончил инструментальный институт. Был начальником цеха. Это сейчас у них все развалилось, завод закрыли и продали, а так он был уважаемый человек.

Но после смерти мамы отец стал мягче. Я очень боялась, что он еще раз женится, ведь он не старый, и я со страхом ожидала, что появится какая-нибудь чужая женщина. Я видела, что у отца есть женщины, но домой он никого не приводил. А я бы точно ушла от него, если бы он кого-нибудь привел. А когда я вышла замуж, мы с Игорем жили у нас. И отец с Игорем нормально ладил. У нас туго было с деньгами, и отец бомбил на нашей «копейке», которую ему в свое время выделил профком за хорошую работу. И хотя Игорь приносил домой совсем мало денег, он к этому терпеливо относился и никогда его не упрекал. Даже защищал, если я порой высказывала свое недовольство.

Но когда я после поступления на работу в НК стала приносить очень неплохие деньги, у нас вообще с ним не возникало проблем. Он водил Степку в детский сад, ходил по магазинам. И даже как-то мне сказал, что он не против, если я вдруг приду домой со знакомым мужчиной. Я же говорит, понимаю, что ты молодая красивая женщина. У тебя должны быть мужчины. Я ему:

– А ты почему женщин не приводишь?

– Сравнила. Я уже старый. А у тебя все еще впереди. Ну случилось так с Игорем, не выдержал. Замечательный был парень, мне его искренне жаль. Хотя считаю, что он не должен был опускать руки. А вот ты у меня молодец. Барахтаешься отчаянно, как та лягушка в кувшине с молоком. Всю округу перестригла и перебрила, этими грязными головами не гнушалась. И у тебя выходит.

– Мне нельзя руки опускать, у меня Степка, ты.

Но вот в отношении новых порядков, либералов и олигархов, а также журналюг, он был непримирим. Особенно не любил журналюг. Считал, что от этих холуев Запада и олигархов все зло. Запад он люто не любил. Говорил:

– Мы этих сопливых демократов спасли от Гитлера, а они теперь над нами изгаляются с помощью наших журналюг.

Домой я пришла раньше отца, приготовила ужин. А отец сегодня должен был зайти в садик за Степкой.

Наконец они со Степкой пришли, и с ними наш сосед Сергей Сергеевич.

Отец часто его к нам приглашал, смотрели вместе телевизор, и напряженно спорили по разным вопросам, по поводу какого-нибудь сообщения или передачи. Сергей Сергеевич жил один в трехкомнатной, такой же как у нас, квартире. У него лет пять назад умерла жена, единственный сын погиб в Афганистане, и родственников никаких в Москве не было. Он был профессором, преподавал историю в институте, но в институте были большие сокращения и он оказался на пенсии.

Сергей Сергеевич пытался отказаться от ужина, но отец был неумолим. Ему нравилось спорить с Сергеем Сергеевичем, им вдвоем и вправду было лучше. По случаю гостя, я поставила на стол бутылку виски.

– По какому случаю такая щедрость? – улыбнулся отец. – Олигарх премию выписал?

– Ну да, из Матросской Тишины.

Отец усмехнулся. Мы выпили и он говорит:

– Знаешь, что Сергей Сергеевич, сегодня стою я на своем посту со своим плакатом. На нем цитата из любимого всем народом сериала...

– Какой сериал? Рабыня Изаура?

– Какая рабыня... Ну наш сериал, с Жегловым и Шараповым. Помнишь там его классическую формулировку.

– Помню, помню. Вор должен сидеть в тюрьме. И каким способом я его туда упеку, для народа не имеет значения.

– Вот, вот, – сказал отец. – Стою я с соратниками с этим плакатом у уважаемой народом генеральной прокуратуры. Стою я там и гляжу – бочком, бочком, в толпе пробираются два генеральных директора известной теперь всему миру нефтяной компании. Причем без охраны и, как я понимаю, инкогнито.

Сергей Сергеевич с улыбкой смотрит на меня.

– Ты что ли, Вероника? С кем это ты?

– С кем, с кем. Да с Алькой Астаховой.

Алька бывала у нас, и Сергей Сергеевич тоже от нас слышал о ней.

– А ты значит – часто бываешь? – спрашиваю у отца.

– Как только студенты и либералы собираются, так и я там с соратниками на боевой пост выражать свой пролетарский гнев против этого вора и мошенника. Нас даже по телевизору показывали в новостях. Но я в экран не попал. Наверное, их мой плакат пугает. Эти проклятые журналоги снимают там разную чушь. В основном наших противников с той стороны, да ментов. А настоящий пролетарский гнев остается за экраном. Я думаю потому, чтобы других олигархов не пугать. Ну и народ на бунт не поднимать.

– Ты хоть понимаешь, что ты делаешь? – вскипела я.

– Это я-то не понимаю, что делаю?

– Да, ты не понимаешь.

– Нет. Этот генеральный директор нашего криминального времени, учит меня – начальника крупнейшего в Европе инструментального завода.

– Ты понимаешь, что если посадят нашего олигарха, то примутся и за нас.

– Да кому вы нужны... На вас лишь посмотреть и любому следователю сразу станет ясно, какие вы генеральные директора, да еще нефтяных компаний. Видите ли они нефть в Москве добывают. Скважины пробурили в районе Красной площади. Прямо под Кремлем.

– Ты не понимаешь элементарных простых вещей. Я же не добываю нефть, это делают другие фирмы, я продаю нефть. Поэтому у меня офис здесь в Москве.

– Она продает нефть, – ухмыльнулся отец и продолжал с сарказмом. – Она – Рокфеллер. Или кто там еще из нефтебаронов.

– Ну нефтебарон у нас, конечно, хозяин, а мы так, исполнительные директора в его структуре. Ты вот смеешься, а как бы мы жили, если бы не моя зарплата.

– Да я разве про твою заплату говорю? Я про то, как вас всех нещадно эксплуатируют. Вас самих ведь дурят. Ну откуда у него миллиарды?

– Он зарабатывает.

– Не зарабатывает, а ворует. А вы все у него в подручных ходите. Но до вас тупых и смешных это дойдет, когда на вас наручники наденут, да и то не до всех. И не случайно у вас боль-

шинство генеральных директоров бабы. Баб легче дурить. Ну скажи мне вот честно и откровенно, чтобы управлять такой фирмой как твоя, достаточно ПТУ закончить?

Во первых не ПТУ, а колледж. А во вторых – в компании полно разных управлений, они все готовят соответствующие документы. А я потом проверяю и подписываю. У каждого в системе НК свой участок.

– Скажи мне откровенно, вот если шимпанзе обучить расписываться. Справилась бы она с твоей работой?

– Ну ты и загнул, – рассердилась я. Хотя он пожалуй прав. Шимпанзе очень даже неплохо справилась бы на моем месте. Кроме, правда, одного обстоятельства.

Он усмехнулся, засмеялся. И тут же про это и выложил.

– Кстати не случайно вас красивых принимают, очень не случайно. Им же не мозги ваши нужны. А кое-что другое. У вас и Алька красивая, и Светка. Про тебя и говорить нечего. Ума немного, но все остальное очень даже ничего.

Но тут за меня вступился Сергей Сергеевич:

– Тут вы не правы, Николай Иванович. Просто у них в компании руководство рационально мыслит, и на должности подбирает людей, которые этой должности соответствуют. Капиталист просто так деньги платить не будет.

– Я про них что ли? Их вроде еще личными самолетами по Куршавелям не возят на потеху, да на веселье. Это Прохоров – как молодой еще олигарх – осторожность потерял. Нашим журналистам и прокурорам все равно. Лишь бы платили. Если сам генеральный прокурор с проститутками в бане веселится, ну куда еще дальше? У нас совсем стыд потеряли. Хорошо, что французы на это беспредельное блядство всему миру указали. А наши либералы и журналисты ни слова у себя дома. А то юристы, экономисты, менеджеры. А это менеджеры, но своеобразные – ночные. Числятся в штате, деньги получают, кое-какую работу выполняют, где мозгов не надо. А на самом деле для утех и блядства хозяев. Так сказать, российское ноу-хау. Так дешевле обходится для олигархов, чем дорогих проституток заводить. Сейчас везде эти ночные менеджеры – на телевидении, в банках, в нефтяных компаниях, в редакциях. Прохоров по молодости их даже за полярный круг заманил. Вместо белых медведей разводит. Куда не посмотри, в любой области. Я так считаю, что ночные менеджеры – это и есть наш средний класс, который так напряженно выискивает и ждет наша либеральная общественность. Посмотрите, зарплата у них очень даже неплохая, по Куршавелям разъезжают, образование у всех высшее, дипломы сейчас легко покупаются. Вот тебе и средний класс.

– Ну Куршавель – это один такой случай, – заступился за нашу сестру Сергей Сергеевич.

– Это один, который засветился. А сколько их, что в тумане. А наши журналисты сразу кричать: «Политика, политика!» Какая там политика! Самое простое и настоящее блядство и воровство. А то политика, политика. Вот про вашего олигарха тоже... политика. А он обыкновенный вор, воруга. А вор должен сидеть в тюрьме.

– Все так работают, – говорю я.

– Ну всех и нужно сажать, – кипел отец. – А то политика, политика. Вот за что я этих либералов ненавижу – это за лицемерие. Начинали неплохо: «Свобода слова, свобода печати, правду народу!» А как до власти дорвались, стали хуже коммунистов – воруют гораздо больше. И врут. Только Геббельс с ними может сравниться. Кто больше платит, за того и жопу рвут. Тошно на все это смотреть.

– Ну ты все-таки не так азартно около генеральной прокуратуры, – говорю я.

– А я у вас в штате не состою.

– Неделю тому назад Володьку Макаровского арестовали.

Отец из моих рассказов знал о Володьке. Знал, что тот работает генеральным директором.

Отец даже побледнел и притих.

- Он же пешка, как и вы все. За что вы Ваньку-то Морозова, ведь он ни в чем не виноват.
- Вот тебе и не виноват.
- А ты менеджеры, менеджеры. Вот тебе и менеджеры ночные.
- Ну вас то не трогают? – осторожно спросил отец.
- Пока не трогают.

4

Их почему-то было трое. Я хотела закричать, что так не договаривались, но не смогла, не получается почему-то, хочу закричать, а не получается. И мне стало страшно. Ну и другое странно – нет изготовленных оборонкой масок. Я совершенно свободна. В квартире почему-то полумрак. Я еще подумала «Зачем это? Я ведь все равно не вижу?» Это я подумала, а потом до меня дошло – я же вижу. Выходит, правила изменились. Я боялась, что сейчас начнется как обычно, а их трое. И к тому же я не знаю программы действий. Они двигались по квартире, но не разговаривали и никаких действий не предпринимали. И вдруг я с ужасом обнаружила, что это происходит в моей квартире, рядом в комнате отец, а в маленькой комнате Степка. А может быть это просто обыкновенные грабители. Ужас охватил меня. Я осторожно села на кровати, соображая, что предпринять. Даже встала. И тут они стали исчезать. Как бы растворяться в воздухе квартиры. Я осторожно заглянула в комнату Степки. Прошла на кухню. Подошла к двери входной и потрогала замки. И тут до меня стало доходить, что это, наверное, сон. Но я же точно видела мужские фигуры. Правда они не разговаривали, и совершенно не обращали на меня внимание. Наконец я полностью пришла в себя, выглянула на улицу. Уже начало светать, на улице ни живой души. Весь двор засыпан снегом, свежим, белым, снег на крышах припаркованных автомашин. Из соседнего подъезда вышел мужчина и пошел в сторону остановки. Я пригляделась внимательнее. Нет. На моих гостей не похож – рост меньше почти на голову, к тому же мои были без верхней одежды. И тут до меня дошло окончательно. Ведь если бы это были грабители, они должны были быть в верхней одежде. На улице зима все-таки.

Наверное, это у меня со страху глюки начались.

В офисе за чаем я рассказала о ночных пришельцах. Все естественно хохотали до упаду.

- На кого же они похожи, симпатичные хоть были? – смеялась Светка.
- Лиц-то я не разглядела. Все как в немом кино. Вот точно, как в немом.
- А к тебе они приставали? – поинтересовалась Алька.
- В том-то и дело, что нет. Будто они сами по себе, а я сама по себе. Будто мы в разных пространствах. Но я же села на диван, смотрела на них. Я помню, что очнулась уже в сознании.
- Пора к психиатру, – сказала Алька.
- Экспертизу назначат, как Володьке Макаровскому – откликнулась Светка.
- Не каркай, – оборвала ее Алька и вдруг сказала. – А знаете что, девки, пора нам с вами в церковь сходить. Самое вроде время. Кто-нибудь из вас хоть раз был там? Хотя бы из любопытства?

– Я была, – сказала Светка. – Когда мой благоверный начал пить запойно. Ходила несколько раз, свечки ставила. А однажды в церковь в Серпухов ездила. Там какая-то икона стоит в храме. Бабы, когда мужики в запое к ней обращаются с просьбами. Говорили, помогает. Но мне не помогла. Поэтому я больше в храм не пойду. К тому же меня ужасно раздражают разные бабки при храме. Глядя на них еще несчастнее становишься. Так что вы идите, а я не пойду.

– А что, – говорит Алька мне. – Давай сейчас и поедем. Пока пробок на улицах не очень. Какая тут ближайшая?

Она открыла интернет. Ближайшая к нам церковь была на Варварке. Удобней всего – и Красная площадь рядом, и мавзолей Ленина. И мы с ней поехали. Она припарковала свой «опель» в переулке. Мы вошли в церквушку – совершенно простая, без византийского излишества. И как раз происходило крещение младенца. Нам сказали, что можно присутствовать.

Младенец – девчушка, очевидно, возраста около года плакала навзрыд, обняв за шею молодого парня. По всей видимости, отца. Потом оказалось, что это приятель отца, а отец в числе других стоял рядом и снимал все на камеру. Мне священник понравился. Лицо у него молодое, высокий, стройный, но борода уже седоватая. Он что-то там читал. Но мне больше всего понравилось, как он подходил к этой девчушке. И как-то просто говорил: «Анюта, ну хватит тебе. Ну что ты так испугалась. Ты же уже большая девочка. Ну, поплакала и хватит»

Девчушка удивлено смотрела на него, но продолжала плакать. Священник сделал еще два круга. Он ходил с кадилом. И подошел опять к девчушке. И тут она замолчала. Он улыбнулся и пошел дальше по кругу. Мне лицо его понравилось, и глаза умные.

– Ну, вот видишь, – говорит он. – Господь тебя видит и принимает.

Когда они закончили крещение, мы подошли к священнику.

– Святой отец, – обратилась к нему Алька. – Перед вами две заблудшие овцы ни разу в церковь не ходившие. О боге слышали лишь по телевидению. Да когда отцы наши матом его поминали. А вот пришло время, жизнь так повернулась, что хотелось бы услышать о нем, и может быть такое понять, что помогло бы нам.

Она, конечно, говорила с иронией. Но как-то сразу, мне кажется, батюшка понял, что это далеко не шуточки.

– С чего бы нам начать святой отец? Может нам какую-нибудь службу послушать?

– Вы крещеные? Работаете? – спросил священник.

– Как и многих крестили нас родители на всякий случай. Работаем. Это просто у нас время получилось, чтобы подъехать.

– Службу можно послушать. У нас там внизу расписание имеется. Посмотрите и узнаете, когда вам удобнее. Есть вечерние службы. Есть и дневные. Послушайте, конечно. Но я почему-то думаю, что этого вам недостаточно.

– А что вы нам посоветуете?

– Приходите ко мне на беседу.

5

После того, как хозяина поместили в Матросскую Тишину, руководство компании разделилось. Одна часть сбежала в туманный Лондон, там был назначен президент английского происхождения. Основная часть руководящего аппарата, так сказать рабочая его часть, осталась в России на Гусарском. И здесь был назначен вице-президент. Но основные команды мы получали из Лондона. А до нас руководящие указания доводили через ЦБК. Нас все эти перемещения совершенно не касались. Все работали, как и ранее, только, конечно, контрактов и прочей документации стало гораздо меньше, просто гораздо. Нас это вполне устраивало. Зарплату нам прибавили почти вдвое, а если будем давать правильные показания, обещали по пятьдесят тысяч зеленых. Ну об этом я уже говорила. Здесь, правда, была одна существенная неясность. Что будет, если нашего хозяина все-таки посадят, несмотря на наши правильные показания. Как-то имелось в виду, что его не посадят.

И вот как-то утром позвонили из ЦБК и попросили зайти к ним. Причем и меня и Альку. Там Елена Федоровна нам объявила, что нам следует заключить договор с адвокатской конторой на ведение дела. Такое поступило указание из Лондона. Договор будут заключать наши фирмы. Эти адвокаты будут вести дела фирм и наши, если нас будут вызывать в прокуратуру, одним словом защищать нас. Поскольку все было за счет наших фирм, то это нас устраивало и возражений у нас не было. Адвокатам дали наши телефоны, и они будут нам звонить.

– А у тебя уже есть для них первое дело, – говорит мне Елена Федоровна и передает мне какие-то бумаги. – Сказали, что надо срочно подать иск в арбитраж.

Я посмотрела в своей комнате бумаги. Это было какое-то постановление налоговой инспекции. И уже через час по мобильному адвокат позвонил мне и предложил встретиться

у нас на Гусарском. Он уже знал об этом постановлении. И Алька сказала, что ее адвокат тоже в это же время будет у нее.

Они пришли оба и одновременно.

Адвокату было где-то на вид лет тридцать пять. Росту чуть выше среднего, довольно приятное лицо. В короткой дубленке, и костюм не от «Большевички», баксов так на тысячу потянет, белая рубашечка, галстук тоже не дешевый.

– Адвокатское бюро «Деревянченко и партнеры», – представился он. – Адвокат Анатолий Сергеевич Шнырь, – и продолжал. – Адвокаты нашего бюро уже занимаются с вашими работниками.

– Макаровского не ваши защищают? – спросила я.

– Да, наш адвокат, Снуров Сергей Васильевич.

– Не очень хорошо у вашего коллеги с ним получается.

– Ну этот арест совершенно незаконный, совершенно незаконный. Снуров его, конечно, обжаловал в кассационную инстанцию. Совершенно незаконный арест.

– Когда хозяина взяли, тоже обжаловали и не раз. Толку-то от этого...

Он покраснел, пошел пятнами. Видно ему это было неприятно.

– К сожалению справедливости добиться в наших судах нелегко. Но и вашего хозяина, и Макаровского, несомненно, оправдают. У нас нет никаких сомнений.

– А в отношении нас есть какие-нибудь сомнения? Ведь мы не совершали никаких краж, присвоений. Получаем заработную плату, вот и все наши доходы.

– Вот и мы про это же говорим, – вдохновился он. – Ведь в вашей фирме на протяжении ряда лет был ежегодный аудит. Причем иностранные фирмы делали. И в налоговую вы все эти годы аккуратно сдавали отчетность, и к вам уже несколько лет ни разу не было претензий.

– Даже замечаний не было, – говорю я. – Меня даже ни разу в налоговую инспекцию не вызывали. ЦБК ведь сдавала отчетность по почте. Я не знаю, где эта налоговая находится. Знаю, что в Саранске, но на какой улице – не знаю.

– Вот, вот, я про это же самое говорю, – вдохновенно продолжал Шнырь. – Здесь очевидный политический заказ. Поэтому, на мой взгляд, уж вам-то во всяком случае нечего бояться.

– Как же, нечего, – подумала я. – А Володька Макаровский? – но я ему ничего не сказала. Уж очень он вдохновился. Вдруг поверила, может и правда сумеет помочь.

Я подписала договор о юридических услугах. Он у него был с собой, и уже была проставлена сумма, о ее размере мне дала указание Федоровна. Она сказала, что все это с Лондоном уже согласовано. Сумма была впечатляющая, в разы выше нашей зарплаты, но мне было все равно, деньги не мои.

– Мне в ЦБК сказали, что вы займетесь вот этим постановлением из налоговой, – и я передала ему все бумаги.

– Жалобу в арбитраж я подготовлю в течении нескольких дней. Срок еще имеется.

– Какой срок? – не поняла я.

– Я имею в виду срок обжалования.

– Вот я одного не понимаю, – говорю я. – Что тут плохого, что налоговая нас освобождает от взыскания санкций? Правда, я не юрист.

– Видите ли, это уловка. Признав это обстоятельство, они как бы лишают вашу фирму самостоятельности. И тогда выходит, что вы причастны ко всему, что происходит в компании. Широкий простор для привлечения вас к уголовной ответственности. Понимаете?

Я, конечно, ничего не поняла. Но ведь он адвокат, должен защищать мои интересы. И раз он так считает, значит так и есть.

– Выходит все это – хитрая уловка коварных следователей?

– Вот именно. Вы все отлично сами понимаете, – польстил он мне.

Тут я почти совсем успокоилась. На каждого коварного следователя, есть не менее изощренный адвокат. Одним словом нас не проведешь.

6

Когда они ушли, мы с Алькой сели их пообсуждать, и к нам присоединилась Светка.

– Ну как они вам? – поинтересовалась она.

– Вроде ничего, – говорю я. – Сказал, что он уверен, что все обойдется.

– Как в песне. Все хорошо у нас с тобой, – говорит Алька.

– Вечно ты всем недовольная, – рассердилась я на ее замечание. Потому что на самом деле успокоилась после беседы со Шнырем. Лучше скажи как у тебя с твоим Плевако.

У Альки как обычно был свой взгляд на все эти вещи.

– Меня мой Александр Васильевич тоже успокаивает. Вы, мол, работали в соответствии с уставом, никогда и никаких законов не нарушали, и вам по моему глубочайшему убеждению, Алевтина Ивановна, беспокоиться не следует. Володьке тоже говорили, что беспокоиться не стоит. Кстати тебе твой что пел? – спросила она у Светки. – Ты же с ним уже была у следователя.

– Тоже, что и вам. И у следователя он держал себя достойно. Не давал меня в обиду. Как какой вопрос, у него сразу возражения. И следователю: «Будьте добры, запишите в протокол»

– А следователь?

– Следователь все записывал. Потом мы читали протокол. И какие у него были замечания, следователь их исправлял.

– И у Володьки Макаровского, наверное, так было, – не унималась Алька.

И тут мы со Светкой возмутились разом.

– Ты пойми, Фома неверующий, – горячилась Светка. – Мы же не знаем, что там у Макаровского. Может быть такое, чего у нас нет. Что ни говори, но у него фирма не нам чета. У него свои дела с начальством. Меня допросили почти в одно время с Макаровским. И пока никаких последствий. Никто не трогает.

Видно было, что со Светкой ее адвокат уже поработал, она немного успокоилась и уже не впадала в истерику.

И тут зазвонил мой мобильник. Елена Федоровна просила зайти к ней.

– Я в ЦБК, – сказала я вставая. – Что-то просят.

Федоровна, ни слова не говоря, подала мне письмо за подписью самого Сэма Тэди из Лондона о проведении сделки с векселем. Я взяла бумаги. Тут же за них расписалась, но письмо оставила у себя.

– Письмо давай сюда, я его в дело подошью.

– Я его себе оставлю. У меня тоже сейчас сейф есть.

Федоровна с удивлением смотрела на меня:

– Все документы у нас хранятся. Такой порядок.

– Ну а этот пусть у меня будет.

– Тебе видней, Вероника Николаевна, – сказала она и спросила. – Ну как тебе адвокат?

– Ему бы священником работать.

– Главное, платит фирма, а не вы сами. А адвокаты – они все одинаковые. Вон хозяина какие тузы защищают, а что-то больших достижений не видно. И видя, что я вот-вот опять расстроюсь, сказала:

– Ну хозяин не вы, голытьба. Так что ты не расстраивайся. У вас совсем другое дело.

Я вернулась к Альке, и мы с ней отправились на Варварку послушать службу.

Народу в церквушке было немного. И в основном пожилые женщины. Мы, как полагаются, поставили свечки, Алька еще там чего-то делала с церковными бабками. Эти бабки меня страшно раздражали своими постными лицами и бегающими глазками. Какие-то они все озабоченные, суетливые. И запах от них кладбищенский. И все суетятся, суетятся. Наконец служба началась.

Вышел батюшка с кадилом и понеслось. Господи, помилуй, господи, помилуй. И так всю службу. Из того, что он говорил, я ничего не поняла. Только, господи, помилуй. Правда хор пел более менее ничего. Но опять я ничего не поняла. Может у них язык этот старославянский специально для служб, чтобы ничего не было понятно. Потому что вся просьба к господе в двух словах: «Господи, помилуй» И все. А когда много и непонятно говорят, вроде бы служба выходит. Вроде бы и попы заняты. Не зря хлеб свой едят.

В общем, меня эта служба совсем не впечатлила. И Альку тоже. Она предложила сходить на беседу к отцу Арсению. Он нам надо сказать очень понравился, да и нас пригласил. На следующий день мы направились на беседу.

7

Отец Арсений, наверное, как и полагается священнослужителю, встретил нас исключительно приветливо. Доброжелательная улыбка, приветливый взгляд. Начала конечно, как всегда, Алька.

– Отец Арсений, вот стоят перед вами две заблудшие овцы. В недоумении и отчаянии.

– Каждый человек это целый мир, и горе у каждого свое, хотя бы по тому, как человек к этому горю относится. Не лучше ли вам поговорить со мной поодиночке?

– Беседовать поодиночке мы пока не готовы, в частности я, – говорю ему. – Может быть, после беседы с вами мы и придем к этому выводу. Но сейчас у нас один вопрос. Главный для нас, и общий в данное время. Поэтому нам удобнее выслушать ваше мнение обеим. Да и смелее так.

А я и вправду была не готова говорить с отцом Арсением с глазу на глаз. Потому что тут следовало бы говорить всю правду, которая меня беспокоила. А главное – мне было неприятно обо всем этом говорить, потому что я не верила, что может получиться что-то хорошее.

– Воля ваша. Я вас слушаю. Кто же будет излагать суть проблемы?

– Решили, что буду я, – говорит Алька. И смотрит на меня вопросительно. Я молча киваю головой.

– Мы работаем руководителями фирм в большой компании. Там кроме нас еще десятки фирм. Сейчас по компании возбудили уголовное дело. Некоторые руководители и директора фирм арестованы. Сейчас будут вызывать на допросы и нас. От наших показаний зависит наша судьба. Причем мы сами не видим, какие-такие преступления мы совершили. Мы работали, сдавали балансы в налоговые, и к нам не было никаких претензий. А сейчас руководство обвиняют в мошенничестве, неуплате налогов. Пока не нас, а руководство компании. Но мы боимся, что и нас могут пристегнуть к этому делу. Уже некоторых директоров арестовали. И вот здесь руководство и наши адвокаты советуют нам давать показания о том, как мы управляли фирмами. Но не так как было на самом деле, а как предусмотрено законом. Они говорят, что в этом наше спасение. А если мы будем говорить правду, то вот тут-то нас и привлекут. А мы видим, что уже двух директоров, которые показывали так, как их просили, арестовали. Они нам заявляют, что это мол запугивают, это такой ход следствия. Подержат в тюрьме некоторое время и вынуждены будут отпустить. И если мы будем давать показания как советуют, то в конце концов будет все нормально. Вот такая отец Арсений у нас дилемма.

Отец Арсений слушает внимательно, смотрит на нас с искренним интересом, и за все время ни разу не перебил Альку. Сразу видно хорошую школу.

– Откровенно говорю, не знаю, что вам и посоветовать. Одно могу сказать – искренность и правда, они никогда никому не мешали и приветствуются господом нашим.

– А если эта искренность и правда нам не выгодны, если они вредят нам? – вставила я слово.

– Искренность и правда, никогда никому не приносили вреда. Тем более, что вы не знаете в чем ваша выгода сейчас. Вы же сами сказали, что не знаете. Я правильно вас понял?

– Правильно, – говорит Алька. – Не знаем, потому и пришли. А правда в судебных делах не всегда бывает на пользу человеку. Закон он формален, а жизнь разнообразна. И закон не всегда за ней поспевает. А где правда знает лишь господь. Вот мы и пришли к вам.

– Но я ведь лишь слуга господа. Не знаю, чем вам тут помочь. Могу лишь повторить – правда и только правда. И то, что кажется невозможным, даже опасным, с божьей помощью станет благом.

– Мы понимаем, – вздохнула Алька. – Понимаем. А вот второй вопрос. Как просить бога о помощи, чтобы он услышал нас? И помог нам.

– Все тот же ответ. Искренне. Но тут сразу возникает вопрос: «Вы в господа нашего верите?»

– Говоря откровенно... не можем никак уверовать. Пытаемся, искренне пытаемся, но ничего не получается.

– Тогда и просьбы ваши бесполезны.

– Но ведь все просят, – опять вставила слово и я.

– Это не просят, это произносят слова просьбы. Просить надо всем сердцем, всей душой. А это возможно лишь, уверовав во всевышнего.

– Значит бесполезно. И мы тоже видим, что просят многие, а он отзывается лишь на единичные случаи.

– Не единичные, а искренние, идущие из глубины души. – он смотрит на нас и, видя наше полное разочарование, продолжает. – Конечно, таких вот ярких случаев божьей милости действительно немного. В основном, когда люди просят и у них все идет хорошо, это воспринимается как должное. И когда они другим рассказывают об этом, те за обыденностью ситуации не особенно им верят. Случилось – ну так и должно было случиться. Но вот недавно в моем приходе произошел такой случай. Приходит один бизнесмен, среднего, наверное, достатка. И говорит – хочу построить небольшую часовню. Как бы это сделать? И рассказывает мне свою историю. Ехал он на автомобиле на высокой скорости. Дорога была скользкая, и вдруг его начало заносить. И сложилась обстановка, когда понятно, что выхода нет. И охватил его, как он говорит ужас до самых ногтей. Думал – все. Конец. И последняя мысль, как крик: «Господи, помоги!» Автомобиль вдребезги, а у самого лишь ушибы и небольшие повреждения. Хочу, говорит, часовенку в честь такой милости поставить. И сам буду молиться, и другие пусть видят.

– Понимаем, отец Арсений, но нас этот случай не очень все-таки впечатляет, – говорит Алька.

– Конечно, если смотреть обыкновенным взглядом, можно сказать, что парню просто повезло. Это с вашей точки зрения, как бы со стороны. Но с его позиции, когда он был в ужасе – это чудо. Он считает, что господь услышал его крик.

– Значит мы еще не достигли того ужаса.

– Может да, а может нет. Ведь это крик души. У кого как кричит душа.

Мы поговорили еще минут пять. Так, о разной ерунде. Разговор дальше как-то не получился. И мы с Алькой откланялись. Уже сев в машину, Алька сказала.

– Я так понимаю, что нам с тобой бог не помощник, не дает он успокоения. Прости меня, господи, за эти мысли глупые и слова грешные. Будем надеяться на адвокатов...

8

Шнырь сдержал слово и через два дня жалоба в арбитражный суд была готова. Я особенно в нее не вникала, тем более, что все-таки адвокат составил, и поставила свою подпись. Подписала у Федоровны платежку на пошлину, и Шнырь с доверенностью фирмы помчался в Саранск.

По Володьке Макаровскому мы знали, что его адвокат обжаловал постановление об аресте, и мы совершенно не исключали, что Володьку может быть и отпустят.

Отец, несмотря на мое негодование, продолжал ходить к генеральной прокуратуре со своими соратниками по борьбе и со своим плакатом и все жалел, что им не удастся схлестнуться со студентами в рукопашной – менты не дают.

– Нет, ты понимаешь, как мир перевернулся? Раньше студенты ходили на митинги и демонстрации в защиту народа, а сейчас – в защиту олигархов, миллиардеров, ворюг. Ведь любому нормальному человеку на Руси понятно, что олигархи обчистили народ. Ну кем станут эти студенты, если они защищают ворюг? Тоже ворюгами, а как иначе? Вот их кумиры – кто больше наворовал – тот и герой. Куда мы катимся? – вопрошал он.

На мои вопли о том, что осуждение хозяина может повредить и мне он отвечал:

– Да кому вы, полуночные менеджеры, нужны? На следствии тоже сидят понимающие люди. Вы же пешки. У нас согласно марксизму-ленинизму сейчас образовался новый класс – прослойка между бедными и богатыми. Это полуночные менеджеры. Вам следует создать свою партию во главе с Прохоровым. У него богатый опыт.

Ситуация с нами была по-прежнему спокойной, я даже начала думать что может быть действительно все образуется. Может быть прав отец, кому мы нужны, менеджеры несчастные. А как это он, хрен старый по части профдеятельности, нас верно определил. В старое доброе время сказали бы – пролетарское чутье.

Электроугли

Алька пригласила меня поехать отдохнуть с детьми к ее матери в Подмоскowie. У них там был дом в поселке и Алькина мама жила там одна, отец умер несколько лет назад. Алька была разведена с мужем и воспитывала дочь одна. Муж был мужик нормальный и помогал ей. Почему они расстались, я особенно не вникала. А она на эту тему не любила распространяться.

Степка такому сюрпризу ужасно обрадовался. Я со всеми этими делами не особенно занималась им. С Алькиной дочкой Леночкой, она была на два года старше Степки, они хорошо играли. Мы не раз уже вместе что-нибудь устраивали. Когда Степка узнал, что едем в деревню, да еще на машине, восторгу его не было удержу. Он с воодушевлением начал собирать вещи. Решили взять с собой санки, потому что Степка на лыжах еще не умел кататься.

Утром, в 10 часов, Алька подъехала к нашему дому. Мы погрузили наше имущество в багажник и поехали. Алька хорошо водит машину, она уже несколько лет за рулем. Кстати они с Макаровским на этой почве и сошлись, так сказать, интересами, он тоже большой автолюбитель.

– Что-нибудь есть от Макаровского? – спросила я.

– Все по-прежнему. В суде все это сразу не решается. Адвокаты твердят, что все это незаконно. Но я им особенно не доверяю. Они то же самое твердили и твердят по поводу хозяина. Но хозяин уже сидит больше года, несмотря на их ходатайства и заявления. Твердят, что дело политическое, мол хозяина судят за то, что поссорился с властью. Но ведь с акциями действительно шельмовали, я сама это видела. Ну а неуплата налогов, мы же с тобой знаем, что это делается всеми. Мы с тобой сколько раз переводили деньги на обналичку. Десятки, если не сотни. Конечно, все по договорам, все формально правильно, но когда захотели поглубже копнуть, тут все и поплыло.

– Тебя слушаешь, так действительно пора сушить сухари. Но я слышала, что все так работают. И работали.

– Ну, наверное, решили наводить порядок. И начали с самых богатых. Заметь, мы с тобой, как только хозяина взяли, средства на обналичку по наглому не посылаем.

– Ну не хватало еще сейчас рисковать.

– Но ведь кто-то продолжает это делать.

По дороге заехали в «Метро». Карточки от фирм у нас были с собой. Все дешевле. Ребята, конечно, увязались за нами. Они там бегали между рядами как бесенята. Пришлось на них

покрикивать то мне, то Альке. Но на мои замечания Степка на минуту притих, а потом опять будто и не слышал, а вот Леночка после замечаний Альки стала как шелковая.

– Крепко ты ее в узде держишь, – заметила я.

– А с этими зверьками иначе нельзя, – серьезно так заметила Алька.

Нет, все-таки молодец она. Умеет себя поставить как нужно. И на работе. И с детьми. А я совсем другая. Может быть поэтому мы и подружились.

Мы купили продуктов, кое-что из вещей по мелочи, и пожалуйста, двух тысяч как не бывало. Ребятам купили хрустящую картошку и жвачку. Я просила Леночку присматривать за Степкой, поскольку она старше его и та с гордостью и по-моему с удовольствием делала ему различные указания. И важно, ну почти как Алька, объясняла, что это магазин не простой, а потому что наши родители руководят фирмами. Здесь покупателя с улицы не пустят. Здесь по специальным пропускам. А пропуск даже с фотографией. В простых магазинах того, что здесь нет. К тому же здесь очень высокое качество товара, – важно заявила она. Ну Алька, да и только.

– Вся в маму, – говорю я Альке.

– Любит поруководить, – смеется та.

В автомашине Леночка важно объясняла Степке:

– Понимаешь, это «опель», объем двигателя одна целая шесть десятых литра. Он трех-годовалый. Мама его на вторичном рынке купила.

– А что это за вторичный рынок? – удивился Степка. – Разве есть такой? Я такого названия не слышал.

– Это не название. Это такой рынок, понимаешь. На этом рынке продаются не новые автомобили, а уже поддержанные. Но в хорошем состоянии. Как у нас с мамой. Ты же видишь, он почти как новый.

– А у нас машина у дедушки «копейка» называется. Только дедушка редко ездит.

– Копейка, – смеется Леночка.

– Так называется. Правда, мама?

– Правда, правда. Это первая модель Жигулей. В народе зовут «копейка».

– А почему вы с мамой не ездите на ней?

– Мама не хочет.

Мы с Алькой молча переглянулись.

– Кстати, а чего ты курсы вождения не окончишь? – говорит Алька. – На права сейчас сдать проще простого. Платишь – и все обеспечено. Они так и пишут в объявлениях: «Помощь в сдаче экзаменов в ГИБДД».

– Боюсь я наших сумасшедших водителей и наглых гаишников. Боюсь, Степка один останется. Хотя у отца здоровье уже не ахти, он стал реже за руль садиться.

– Тем более. Тебе придется волей-неволей все равно за руль садиться. Как Степку на дачу возить будешь? – тут Алька вдруг как закричит. – Ну куда прешь, урод! – и ко мне. – Ну куда он прет!

Нас пытался обогнать какой-то джип. И очевидно притирал нас к обочине. Алька сбавила скорость и пропустила джип вперед.

– Если бы не дети я бы этим сволочам показала! – она вся огнем полыхала от возмущения.

– Вот такого дерьма я и боюсь, – сказала я.

– Это верно, – согласилась Алька. – Как увидят, что за рулем женщина, так и начинают изгаляться. Дети в машине – им плевать. Подонков на дороге больше чем в любой другой сфере. И тут, как и везде, мы беззащитны.

Когда отъехали от Москвы километров двадцать, движение стало свободным, и мы ехали уже спокойно. Ребята на заднем сиденье даже дружно вздремнули. Мама Альки жила в поселке в пяти километрах от Электроуглей. Недалеко от деревни был пруд, вокруг горки, с которых

хорошо было кататься и на лыжах и на санках. Иногда даже пруд расчищали, тогда можно было кататься и на коньках. Но это не всегда. Сюда приезжали кататься и из Электроуглей и даже из Москвы. Через час мы были на месте. Дом как у многих в Подмоскowie – четыре окна, две веранды и огород обнесенный забором, соток на десять.

2

Мама Альки Наталья Сергеевна была дома. Ей сейчас около пятидесяти. Она еще не на пенсии и работает на каком-то механическом заводе в Электроуглях. Но этот завод только называется «механический», а самом дела там происходит обогащение урана или что-то в этом роде. В общем ужасно вредное производство, и она должна уже через год уйти на льготную пенсию. У нее и график работы странный – рабочий день начинается в пять часов утра – и до двух часов дня. В общем, сплошная секретность и вредность. Алька ей с дороги звонила, и когда мы подъехали, ужин уже был готов. А отца своего Алька даже не вспоминает. Он ушел от них, когда ей было семь, и она о нем даже и говорить не хочет. Мать после этого так замуж и не вышла.

У Натальи Сергеевны был свой огород, сад, она даже кроликов держала.

Ребята, как только выпрыгнули из машины побежали кроликов смотреть. Те находились в клетках в углу участка. К ним вела протоптанная в снегу дорожка, и они наперегонки помчались к этим клеткам.

Мы разгрузили автомашину, внесли пакеты и наше снаряжение в веранду. Дом был старый, но крепкий, добротный, с отоплением на батареях. Я несколько раз бывала у Альки, и мне нравился запах в доме – свежий, деревенский. В Москве в квартирах такого запаха нет.

– Пусть только потом не забудут клетки закрыть, когда будут уходить. А то сбегут и бродячие собаки их быстро оприходуют. Даже шерсти не останется. И ты смотри чтобы они осторожнее с ними, а то бывает они начинают лапами драться. Особенно один белый, он в крайней клетке. Пусть осторожнее с ним. А лапы у них сильные. Это они на вид тихие и ласковые, – наставляла Альку Наталья Сергеевна.

Я пошла к клеткам посмотреть за ребятами, да и самой интересно, а Алька стала помогать накрывать на стол. Снег на участке был чистый-чистый, а по сторонам тропинки, которая вела к клеткам, лежали крошки от комбикорма, нити и пучки сена, попавшие туда, наверное, когда несли корм к клеткам. Наталья Алексеевна держала пять кроликов. Ребята суетились около клеток, кормили кроликов пучками сена. Гладили их руками. Двое кроликов были белыми, три серыми.

Я тоже включилась в это веселое занятие. Пошла к драчливому белому кролику. На вид обыкновенный, тихий, ласковый. Уши прижал и тянется мордочкой к пучку сена, который я пыталась просунуть через металлическую решетку. Рука свободно пролезала в ячейку сетки, и я погладила кролика между пушистых ушей.

Ребята перебежали от клетки к клетке, просовывая пучки сена сквозь ячейки сетки. Подошла Алька и тоже включилась в общее веселье.

– Они их не перекомят? – спросила я.

– С кроликами такого не бывает.

– А маме содержать и ухаживать за ними не хлопотно?

– Она говорит, что без них и без кур, она бы не знала, что делать, как и без огорода. Говорит, что не представляет, как бы она в городе жила. Тоска, да и только, – и продолжала. – Сейчас с кормами налажено. И для кур и для кроликов. Заказываешь – и прямо к дому привозят. А большого ухода они не требуют. Она раньше держала кабанчика. Вот с тем хлопот было предостаточно. И все равно держала. Это я, когда стала в компании сносно зарабатывать, настояла, чтобы она отказалась, – Алька повернулась к ребятам. – Ну ладно, ребятки. Пора и самим кушать. С кроликами еще успеете пообщаться. Только проверьте клетки, чтобы были закрыты.

3

Стол у Натальи Сергеевны был накрыт по-нашенски, по-деревенски. Горячая картошечка, грибки, квашеная капуста, соленые огурцы и помидоры. Еще картошка под шубой, селедочка. Ну и из Москвы мы привезли разные деликатесы, нарезали, как положено на стол, но для нас с Алькой главное, конечно, домашнее.

– Ну что, девоньки, вино или нашу водочку?

– Водочку, водочку! – заголосили мы в один голос с Алькой. Чтобы стрессы снять и настроение поднять.

– Фанта, фанта! – завопила молодежь.

Наполнили рюмки, заполнили бокалы и первый тост как положено:

– За встречу!

Лихо опрокинули рюмки, с удовольствием набросились на закуску. Конечно, грибки, картошечка-рассыпуха, и селедочка. Особенно хороша селедочка, стареем, наверное. Я помню, когда меня маленькую отец привозил в деревню к бабушке, то основным лакомством у нее была селедочка. Тогда я удивлялась, как же так – есть же столько вкусовостей – шоколад, зефир, торты. А она именно – селедочка. А сейчас вот начинаешь понимать...

Между первой и второй промежутков небольшой. Наталья Сергеевна взяла рюмку и встала:

– Ну, девоньки, выпьем за то, чтобы у вас у всех вся эта карусель закончилась благополучно.

Алька, конечно, делилась с ней нашими проблемами, и она была в курсе наших забот. Да и телевизор, как и все наши граждане, смотрела каждый вечер. Потом выпили еще по одной и еще по одной. Стало тепло и уютно, на душе как-то полегчало.

– Как вы считаете, – говорит Наталья Сергеевна. – Пройдет лихо мимо вас или все-таки заденет каким-либо краем?

– Думаю, пройдет мимо, – говорю я. – А что? – повернулась я к Альке. – Во-первых, мы все-таки не Володька Макаровский. Он хоть и такой как мы, да не такой. Если нас к хозяину и на порог за все эти годы не пускали, то Володька там бывал иногда. Не исключено поэтому, что у него свои дела были с руководством. Может даже помимо фирмы. Откуда мы знаем? К тому же у него и у Антона Веги самые большие фирмы. Правильно я говорю? А, Альк?

– Конечно у Володьки и у Антона самые большие фирмы, так сказать, основные, – согласилась Алька. – И не случайно с них начали дочерние фирмы шерстить.

– Ну а дальше смотри, – продолжала я. – Светку хоть и вызывали на допрос, но документы ее фирмы не изымали. Это же тоже показатель. Допросили как свидетеля – и все. А?

– А кто такие Вега, Светка? – спросила Наталья Сергеевна.

– Антонио Вега – это генеральной директор одной из наших фирм, – говорит Алька. – Он испанец, а Антоном мы его зовем по-нашему, по-русски. Кстати обожатель Верунчика. Как начались эти события, уехал опять на Запад.

– С чего ты взяла? – стала я отнекиваться.

– Да весь наш этаж видел, что он с тебя глаз не сводит. А ты: «С чего взяла?» Я не пойму, Верунчик, чего ты его отваживала? Симпатичный, можно сказать красивый мужик. А по манерам, ну прямо идальго, да и только.

– А как же испанец у вас оказался? – удивилась Наталья Сергеевна.

– У нас много иностранцев работает, – говорит Алька. – Он вначале в Лондоне сидел, потом года три как в Москву его перевели. Он Латинской Америкой занимается, ну и, конечно, Испанией. Он с Верунчика глаз не сводил. И такой спокойный, сдержанный, ну прямо идальго.

– Ладно тебе, – говорю я. Уже почти сердито.

– Не кипятись, не кипятись. Дело твое, конечно. Но сейчас, глядишь, была бы синьора Вега и жила бы в Испании. Я думаю он в Россию уже не вернется. Тем более после ареста Макаровского. У них фирмы одинаковые по значению.

– А Светка тоже ваша?

– Еще один ночной менеджер, вроде нас, – говорю я.

– Что еще за ночной менеджер? – не поняла Наталья Сергеевна. – И вы тут при чем?

– Да это отец у меня так ласково меня называет. Ну вроде бы и генеральный директор, а по существу пешка. Он считает, что держать нас на должности генерального директора и платить нам такие деньги за просто так никто не будет, мол или трахают вас, или в самодеятельности принимаете участие. Телевизор насмотрелся, хрен старый. Он как увидел про Прохорова и куршевельских блядей и их аресты, так и завопил сразу и радостно, вот, мол. все вы такие – менеджеры ночные.

– А что это означает – «ночной менеджер», – не поняла и Алька.

– А я откуда знаю? Придумал старый хрен, да и все тут. Он по-моему и сам объяснить не может. Говорит, что у нас везде ночные менеджеры: на телевидении, на радио, в кино и говорить нечего, у них давние традиции, на эстраде, в думе и в бизнесе. Полуночные менеджеры, да и все тут. Говорит, это образовался целый класс зарабатывающих интересным местом менеджеров, но класс очень своеобразный, характерный только для России. И он считает, что по своему социальному положению полуночные менеджеры относятся к среднему классу. Он у меня марксист и верный ленинец.

Мы приняли еще немного ну и, как водится, запели. Хорошо пели, честное слово. Потом уложили ребят спать и теперь уж одни сели за стол. Выпили еще по рюмочке, Наталья Сергеевна заявила, что ей тоже пора ко сну. Она показала нам наши кровати и пошла к себе. Мы с Алькой опять устроились за столом.

– Давай, подруга, еще по одной, – говорит Алька. Она подняла рюмку и продолжала. – Давай выпьем за то, чтобы держаться вместе. Чтобы у нас с тобой не было бы никаких недоумков, противоречий и разногласий. Как у тебя, так и у меня. Со Светкой надо быть осторожней. Она все-таки по-моему стучит потихоньку и не только Дятлу, но и к Чайке заходит. Она девка хорошая, я ничего не могу сказать. В конце концов, это ее личное дело. Но к руководству она поближе, чем мы с тобой. Давай, чтоб никаких тайн, а то можем совершенно нечаянно по незнанию допустить ошибки и влипнуть. И очень серьезно влипнуть. Я думаю нас тоже скоро начнут вызывать.

Мы чокнулись рюмками и с чувством выпили. Я подхватила огурчик и со вкусом стала хрустеть им. И тут вдруг Алька придвинулась ко мне, смотрит мне прямо в глаза и понизив голос спрашивает:

– Тебе те маски, которые давал Дятел, удобны были?

Я чуть огурцом не подавилась. Смотрю в тарелку и боюсь на нее глаза поднять. И еле смогла удивиться, но горло перехватило.

– Ты о чем, Алька?

Алька смотрит на меня в упор. И не дав опомниться:

– Как о чем? О полуночных менеджерах.

Смотрит на меня, зараза, как Мюллер на Штирлица в том сериале, ну или удав на кролика.

– Это отец говорил, – замямила я. – Я же объясняла. А у него язык как помело.

– Не темни, Верунчик. Я давно это замечала. По отдельным приметам. А сейчас уверена на сто процентов. Раньше это было как-то все равно, а теперь надо быть очень осторожными.

– Да ты про что? Я что-то не понимаю.

– Про ООО «Елки-Палки». Про быстрое питание. Про тридцать шесть поз для наслаждений и удовольствий. Повторяю тебе, я давно все поняла. Потому что я сама такой же полу-

ночный менеджер. Думаю что и Светка тоже. Я тут как-то встретила Ивакину Катю, помнишь ее? Она мне так с ехидцей говорит: «Как вы там, не скучаете? Я имею в виду девочек...» И рожа такая, глумливая. Помнишь у нее ООО-шка тоже была. А потом она ушла, причем как-то быстро ушла. Думаю, что она не согласилась на условия Дятла. Колись подруга. Как говорят в наших органах – вместе легче будет. А то бог знает, что впереди. Я совершенно не исключаю, что может быть, на все это расколется Дятел. Хотя он вроде по слухам молчит как партизан. Но сейчас молчит, потом скажет. На нем ведь два убийства висят. А это пожизненное. Так что колись, колись. подруга.

Вот Алька, ну прямо папа Мюллер из того же сериала. У меня тоже были, конечно, подозрения в отношении нее и Светки, но неопределенные. Я считала, что и Светка и Алька – красивые девчонки. И почему бы Дятлу не надавить на них, как на меня? А с другой стороны, это были только предположения. Алька же все вычислила. Упереться было бесполезно. Да и она сама про себя сказала. Это меня даже обрадовало, легче стало, честное слово, не я одна. И, несмотря на страхи, я подумала, что будет нечестно, если я упрюсь. Последнюю подругу потеряю, лучшую подругу. Алька мне очень нравилась. Правда.

– Ну ты, подруга, как Штирлиц, – выдохнула я. – Как же ты вычислила меня?

– Да ты не волнуйся. Если бы я сама этим не занималась – не вычислила бы.

– А маски все-таки были удобные.

И мы с ней вместе рассмеялись. Хотя самое время было заплакать.

А мне даже как-то легче стало. Не одна я выходит такая. Это удивительное чувство, я бы даже сказала восторг – не одна ты в дерьме.

Ночные менеджеры

Ну а теперь пришло время каяться в грехах. Я не хотела про это вообще говорить. Ну, срам, конечно, да и только. Но что случилось, то случилось. Как говорят: «из песни слов не выкинешь». Да иначе и не поймешь наше положение в компании. Мы с Алькой потом много об этом и обо всей нашей ситуации говорили. Ладно, начну по порядку.

Несколько месяцев я спокойно жила и работала, и счастью своему не верила. Зарплата очень даже неплохая, ответственности никакой и работа практически не бей лежачего. Ну разве это работа – подписывать документы, которые завизированы десятками подписей руководителей компании и подразделений. Я единственно должна была выучить их фамилии, должности, которые они занимали в компании, узнавать их подписи. Причем к каждому документу шел лист, который выдавала канцелярия компании, на котором было обозначено, чьи визы и какого подразделения должны быть приложены к документу, который я должна была подписать. И моя подпись была последней. Собирали подписи помощники руководителей или кто-нибудь из канцелярии. Я лишь подписывала как генеральный директор. Делалось это, наверное, потому, чтобы я меньше знала. Мне объяснили, что главное в моей работе, чтобы я внимательно смотрела список с визами, никого не пропускала, была пунктуальной и аккуратной. Остальное меня не должно интересовать – ошибок здесь не бывает. И действительно ошибок не было. Ко мне ни разу никаких претензий не возникало. Да и какие могут быть претензии к человеку, который ничего не знает. Единственно, что когда нужно было срочно подписать какой-нибудь документ, исполнитель звонил мне на мобильник и просил срочно подъехать в указанное место.

Мне определили место в главном офисе. Это были стол и стул, потом я подыскала себе кресло. У меня была красивая бирка, ну по телевизору, наверное, видели, с моей фамилией, названием фирмы и должности. В общем, солидно, не хуже чем у людей. Некоторых контрагентов я все-таки запоминала, потому что возникали разные вопросы, иногда какие-то документы переделывались и тогда я непосредственно с ними общалась. Они относились ко мне с большим уважением. Во-первых, все понимали, что такую должность просто так не получишь. Значит у меня солидные связи. Во-вторых, не все контрагенты знали истинное положение

ние дел. А моя фирма по оборотам средств, была не самая последняя в НК. А о порядках наших немногие были в курсе. И контрагенты передо мной расшаркивались в любезностях и уважении. И я быстро приспособилась. Выработала осанку. Неторопливую речь. Значительные жесты и взгляды. Причем удивительно, как быстро во мне произошло это превращение. Я как-то поделилась об этом с Володькой Макаровским, а он мне говорит, что это как в армии, стоит рядовому присвоить сержанта, дать ему должность и из милого паренька мгновенно вырастает держиморда: власть меняет человека. В общем, я была так довольна, что не верила, что это происходит со мной.

Платили мне нормально, на эти средства можно было жить. Я кое-что купила себе из шмоток, о чем мечтала, Степку одела как картинку. Сейчас очень много хороших и удобных детских вещей. Отец, правда, считал, что здесь все-таки что-то не так, но от моих денег не отказывался.

И вот однажды звонит мне Дятел и просит зайти к нему. А я уже и забыла о его существовании.

Прихожу. Он начал издали, сказал, что руководство моей работой довольно:

– Ты быстро освоилась, заняла правильную линию общения с сотрудниками и с нашими контрагентами. О тебе от всех очень хорошие отзывы. Скажу тебе откровенно, поскольку фирма твоя крупная, мы на всякий случай, наблюдали тебя и в быту и, так сказать, в личной жизни. Ты не удивляйся и не обижайся, мы вынуждены за всеми так присматривать и за людьми на более высоких должностях. Сама понимаешь – конкуренты не дремлют, ну и бандиты иногда шалят. Повторяю, мы так за всеми присматриваем, – откровенно говоря, меня это несколько не оскорбило, за такие деньги и за такую работу пусть наблюдают.

– И тут у меня, Вероника Николаевна, к тебе такой вопрос.

Я насторожилась. Думаю, что еще за вопрос. И лихорадочно вспоминаю, чем я их удивила.

– Мы заметили, что ты с мужчинами не встречаешься. Я понимаю, у тебя было горе, но жизнь продолжается. Сейчас не старые времена. На интимных отношениях никто не зацикливается. Секс есть секс – он даже, говорят, для здоровья необходим. Ты сейчас неплохо зарабатываешь. А вот с мужиками не встречаешься. Или я ошибаюсь?

– Не ошибаетесь. Так оно и есть. Никак не оттаю после смерти мужа, даже не пойму почему. Мужики меня что-то не особенно интересуют.

– Ты меня не пугай, – засмеялся он. – Молодая, красивая женщина и вдруг – мужики не особенно волнуют. Ты ведь нормальной ориентации?

– В общем волнуют, конечно, но не до такой степени, чтобы я этим была озабочена.

Он вдруг как бы задумался. И довольно долго молчал. Молчал и все тут. А у меня в голове мелькали разные мысли. Некоторые просто дурацкие. Но одна утвердилась точно – он, наверное, хочет мне предложить встречаться с ним. Я даже стала внимательней к нему приглядываться. И даже в голове мелькнуло, что он не такой уж и противный. Но стать его, как бы отец сказал полуночным менеджером, не хотелось. Наконец он вздохнул тяжело и начал говорить:

– Я тебе сейчас кое-что скажу. А ты молчи, ничего не отвечай. Ни слова не произноси. Только слушай. А ответишь через несколько дней. А сейчас ни слова.

Он опять вздохнул, как старый мерин в упряжке.

– В общем так. Я по поручению нашего руководства, подчеркиваю только руководства, предлагаю тебе следующее. Ты очень и очень нравишься нашему руководству. Они просто балдеют от тебя. И они предлагают тебе стать их любовницей. Но не просто любовницей, а немного своеобразно. – он заметил, что я резко отреагировала на его слова, даже привстала невольно, и говорит. – Мы с тобой договорились – ты ничего не говоришь. Только слушаешь. Договорились? Если поняла, кивни головой.

Я кивнула. Он продолжал:

– В чем своеобразие этих отношений? Ты будешь вступать с ними в интимные отношения, не видя их. Как это будет происходить, и почему не видя их? Первое. Почему они не хотят, чтобы их видели? Некоторые из них предполагают в дальнейшем пойти в политику. Естественно они будут претендовать на серьезные посты. И они не хотят, на всякий случай, в дальнейшем шантажа. Ну ты смотрела, наверное, как весь мир радовался по поводу президента Клинтона и Моника Левински. Вот они учитывают и этот бесценный зарубежный опыт. Ну а не видеть их – это просто. Одним нашим оборонным КБ разработаны маски из дорогого и чудесного материала, очень удобные. В них даже лучше чем без них. Это первое. Второе. Их будет двое или трое, ни в коем случае не одновременно, им совсем это не нравится. Они обыкновенные, без отклонений, нормальные мужики. У всех есть семьи. Но иногда нормальному мужику хочется чего-то такого. Денег у них – куры не клюют. Купят любых женщин, но им нужны домашние женщины. Понимаешь. Не голливудские телки, пусть и сногшибательные, с ногами от плеч. А домашние, которые молоком и пеленками пахнут.

Я пыталась встать и убежать, так я была возмущена и напугана. Но он силой удержал меня за плечи. И опять напомнил, что он меня предупредил.

– Почему двое или трое? – продолжал он. – Это не потому, что они тебя не уважают. Это опять ради всё той же безопасности. Одного ты рано или поздно вычислишь. У вас, у женщин, богатая интуиция. А двоих-троих уже сложнее. Да такому абсурду, пожалуй, никто и не поверит. Конечно, ты будешь получать дополнительные деньги. И, конечно, об этом кроме меня и их никто не знает и не узнает. Я уже давно могила. А им в силу того, что я тебе поведал, нет смысла болтать. Да, еще, эти двое или трое – одни и те же лица. Всегда одни и те же. И никогда вместе. Они и сами не хотят, чтобы вместе. Им это нужно не для веселья, этого хочет их грешная натура. Тебе для этого выделяется квартира со всем обеспечением. И питание и лучший парфюм и лучшие напитки. И лучшее белье. Все лучшее.

Обида и страх сдавливали меня как обручем. Страх оказаться опять в нищете, считать копейки, отказывать во всем и себе и Степке. Унижаться по поводу устройства на работу. Все это мгновенно пронеслось у меня в сознании и придавило к креслу. Я перестала слышать Дятла. И тупо покачивалась в кресле, стараясь не смотреть на него. Дятлов вдруг замолк, и молча смотрел на меня. Ко мне он почему-то больше не подходил. Наконец я встала и пошла к двери кабинета. И слышу вслед:

– Ты подумай. Сколько хочешь, столько и думай. Работай по-прежнему, ничего не бойся. Ты подумай.

Я не оборачиваясь вышла из кабинета.

2

По дороге домой я соображала, сколько времени я смогу продержаться на те деньги, что мне удалось отложить за эти месяцы. Пожалуй, полгода продержусь. А там может быть повезет с работой. Вдруг вспомнила про эту дурацкую присказку, про сыр и мышеловку. И даже стало как-то легче. Завтра же не пойду в офис. Но потом вспомнила, что Дятел сказал, что не будет меня торопить. Ну и решила, что не буду уходить сама, сколько пробуду, столько и пробуду. Все какие-то деньги. Так я и сделала. Месяц прошел и меня никто не беспокоил. У меня даже стала появляться надежда, что все образуется. Ну, как-то рассосется. Вроде бы все по-прежнему. Помощники и секретари в ЦБК учтивы, улыбчивы; контрагенты по контрактам и договорам, с которыми иногда приходилось сталкиваться, сама любезность. Все идет хорошо и надежно. И тут впервые стали мелькать эти предательские мыслишки, что и дальше может быть так же, может даже лучше, если плюнуть на все и согласиться. У меня даже стали появляться такие мысли: «Мне же все равно нужен какой никакой мужик, а тут даже сразу три». И смешно и грустно. И никто не узнает. Вот это при остальных условиях, было самое главное и успокоительное – никто ничего не узнает. И Степка веселый и хорошенький как картинка,

и отец ворчащий, но довольный и спокойный. Мысли мыслями, но пойти к Дятлу и заявить, что я согласна – да ни за что.

И вот однажды подхожу я к нашему дому и вижу – стоит БМВ. Из него выходит Дятел. Ни слова не говоря открывает передо мной переднюю дверцу. Я молча сажусь. Он огибаёт автомашину и садится за руль. И сидим, молчим. Думаю, он гад понял, что мне не хочется отказываться. А сказать: «согласна» – язык не поворачивается.

Сидели так молча, сидели, и первым начал он:

– Вот ты, наверное, считаешь меня сволочью. Раз я предлагаю тебе такую гнусность. Молчи, молчи, знаю, что считаешь. Скажу тебе, как на допросе в НКВД. Я и сам себя так оцениваю. Может еще даже круче, потому что я в этой жизни кое-что повидал и, бывало, делал хорошее кое-что. Случалось, ради спасения человеческих жизней и своей жизнью рисковал и ранен был дважды. Я ведь в конторе с юных лет. И в Афгане был, и в горячих точках. Правда, в Чечне не был. Уже занимался безопасностью компании. Искренне так говорю. Ты не думай. Я прежде чем это сделал, всю твою жизнь пересмотрел. И даже твои ссоры с мужем выяснял. Знаю, что ты винишь себя. А я так подумал, в чем твоя вина? Ты, как обыкновенная нормальная женщина, просила мужа обеспечить тебя и сына. Все. Обыкновенное человеческое требование к тому, кто взял на себя обязанность быть главой семьи. Ну а он растерялся. В наших условиях многие растерялись. Вот он и сиганул с крыши. Я думаю, что он сделал это из гордости. Осудил и себя и окружающий мир. Ведь он гордо вошел в жизнь. Я знаю, как чувствуют себя ребята, которые поступили в престижные вузы и закончили их. Интеллектуальная элита страны, а их мордой об стол. Полное равнодушие, никому не нужны. И вдруг он не в состоянии заработать на жизнь своему ребенку и любимой жене. А он тебя любил. Но опуститься до торговли тряпками – мотаться в Турцию, Китай – гордость не позволяла. Как же, мы ребята из физтеха, нам все это не помеха. А вот если бы не любил, просто сбежал бы. Одному легче. Пересидел бы лихие годы, глядишь и выжил бы, но тут любовь, сын, а ты ничего для них не можешь сделать. Вот и не выдержал. Я знаю у меня сын такого же воспитания и такого же возраста. Так что не кори себя. Не кори.

– Легко сказать, – думала я. – Не кори. А если вся натура только этим и занята? Но я молчала, а он и не ожидал ответа.

– Вот, ты Библию не читала, – продолжал он. – Вижу, что не читала. А про Марию Магдалину слышала? Вижу, что слышала.

Я вспомнила картину, которую я видела в какой-то репродукции, помню ее поднятое лицо в слезах. У нее еще нос покраснел от слез. И губы такие сочные.

– Известная грешница. И что-то как-то не сказано – она по нужде, или просто так любила мужиков. А Христу это было даже и не важно. И тем не менее он ее простил. Понимаешь, простил. Сам Христос. Не тройка из НКВД, не общественная палата, не особая тройка, а сам Христос. А почему? Если говорить откровенно, я не могу ответить на этот вопрос. И разве это можно сравнить с положением, в котором ты оказалась? Ты отнеси это к форс-мажорным обстоятельствам. Ты ведь в бога не веруешь. Кстати, я тоже. Так уж мы воспитаны. А если в бога не веруешь, то для тебя греха не существует, я имею ввиду интимные отношения. Для тебя что главное, что тебя волнует? Не отвечай, сам скажу. Для тебя главное, чтобы люди этого не узнали. Не знают и все нормально. Так вот про это никто никогда не узнает, потому что знаю только я и они. Я уже давно могила. И эти два или три козла, бывшие комсомольские работники, боятся огласки больше чем ты. Так что с этой стороны полная безопасность.

– Слушай дальше. Если греха нет, ну что он сам по себе, этот самый половой акт? Есть, конечно, некоторые физические неудобства. Так ведь иногда и мужа не любят. А спят с ним, живут с ним, бывает и всю жизнь. Ну а они ребята молодые в расцвете сил. Без вредных привычек. Это я тебе гарантирую, я ведь их тоже всех изучил. Работа такая. Ну не понравились они тебе... Сходила после этого козла в туалет, приняла ванну. Да, и не забудь плюнуть ему

в спину, когда он будет уходить. Ну и еще одно – это из области почти невозможного, но я сам знаю, такие случаи бывают. Не говоря уже о кино и литературе. Помнишь американский фильм «Красотка»? Там еще известные актеры играют. Ну ты, конечно, знаешь. А кто такая красотка? Это в нашем понимании – трассовая девочка. Или как еще говорят: «линейная». А ты – генеральный директор одной из крупнейших фирм в России, или даже в Европе. Ты это зацени.

Короче, уговорил он меня. Уговорил.

3

Через несколько дней я с Дятлом поехала на квартиру, то есть на объект, как он мне сказал. За рулем был он сам. Это было на Фрунзенской набережной, в кирпичных домах, подъезд пятый, этаж восьмой. Дятел открывает дверь квартиры. И бог ты мой! На пороге стоит здоровенный негр и широко улыбается. Ну прямо как Поль Робсон в кинохронике.

Я чуть не ошалела от неожиданности и невольно воскликнула:

– Бог ты мой, что это такое?

– Не бойся, не бойся, – смеется Дятел. – Я сейчас.

Он что-то сказал негру по-английски, и они отошли в другую комнату. Потом Дятел тут же вернулся.

– Между прочим, – смеялся он. – Это охрана, ну и заодно он будет все здесь убирать. Зовут этого негра – Матрена. Он по-русски ни хрена не понимает. Но он смысленный – на пальцах все понимает.

– Почему Матрена?

– Он сам так захотел. А как на самом деле зовут, не имеет значение. Его здесь не будет, у него рядом квартира. И великолепная связь. В случае чего, он тут как тут.

– Но он же здоровенный. А вдруг...

– Этого вдруг не может быть. Приняты все меры медицинского характера. Временно, конечно. Но на те деньги, которые он здесь получает, он у себя дома кормит всю деревню.

– Но неужели нельзя было найти другую охрану?

– Можно. Но с этим никаких проблем на будущее. Опять все та же безопасность. Да ты не бойся, пойдем, я вас познакомлю. Между прочим, ты ему представлена, как одна из жен. А у него в деревне их несколько, так что для него это обыкновенное явление.

Мы познакомились. Матрена доброжелательно улыбался мне своей замечательной улыбкой. Потом кивнул головой и вышел.

– Еще сюрпризы будут?

– Это последний, – смеется Дятел. – Увидишь, Матрена тебе понравится.

4

Передохнув от неожиданности, я стала знакомиться с квартирой. Видно, что квартира после евроремонта. Все в блеске и подобрано со вкусом. Новая мебель, новая кухня. Новый холодильник. Новые гардины. По сравнению с нашей квартирой – роскошь, да и только. Открыли холодильник – деликатесы на каждой полке. Икра черная, икра красная, балыки и дорогие колбасы, сыры французские и итальянские.

– Все это будет систематически обновляться, – сказал Дятел. Ну и, естественно, какие у тебя будут пожелания – составишь заявку. Сейчас пожелания есть?

– Хлеба не вижу.

– Верно! – воскликнул он. – Вот что значит хозяйка, женский глаз. Тебе какого?

– Обыкновенного: черный, дарницкий, белый – нарезные батоны.

– Заявка принята. Кстати, я бы тебе самой поручал все закупать. Просто это утомительно, с сумками таскаться опять же. Водителя привлечь, чтобы он тебя возил. Все это лишние хлопоты. Ну а вдруг сама что-нибудь купишь. Все будет оплачено.

Вот так я стала полуночным менеджером. Не хочется как-то называть себя проституткой. Пусть все-таки будет – полуночный менеджер. Чуть-чуть непонятно, ну и не так оскорбительно.

5

Помню в школе, когда писали сочинение по «Войне и Миру» Льва Толстого, я выбрала тему: первый бал Наташи Ростовской. Наверное, тот бал запомнился Наташе на всю жизнь. Ну и мой первый бал тоже запомнился мне на всю жизнь. Хотя никаких ярких впечатлений. Все произошло быстро и скучно. Конечно, перед этим я волновалась, а вот когда меня трахали, была спокойна и безразлична. Клиент был неловок и тороплив. Поза была обыкновенная, лежа на спине, колени согнуты. С моей стороны преимуществом было то, что я ничего не должна была выдумывать. Проявлять инициативу. Да я и не знала, как ее проявлять эту самую инициативу. Я разделась, надела маску и села на краешек сексодрома. И ждала. Тот, кто вошел, чтобы возбуждаться, трогал меня руками, ну как обычно. И я заметила, что ему тоже не очень. Это меня даже успокоило. Потом он сделал свое дело, пискнул как кролик в анекдоте, и отпал. Причем я его почти не чувствовала. Он полежал несколько минут рядом. Затем поднялся, почему-то тихо, и вышел из спальни. Он даже не делал попытки на второй раз. Бал кончился, пора и душ принять.

Так вот это и началось – буднично и скучно.

Меня вызывали на сексодром два-три раза в неделю – не больше. Звонил сам Дятел на специальный телефон. И только он. И он не обманул – клиентами были только два человека. И я все-таки постепенно установила, кто приходил. Опознала их. Приходилось их обнимать, целовать, а плечи, руки губы и прочее у каждого индивидуальны. Ну и голос тоже. Они никогда со мной не разговаривали. Но возгласы от удовольствия и наслаждения – куда же от них денешься. Хотя они пытались изменить голос – но иногда забывались. И я установила, что один из них – это Лобов, второй – наш олигарх. Ну, с Лобовым было несложно. Я его видела, с ним разговаривала. Голос его. И как он меня рассматривал, я это тоже отметила. Со вторым было сложнее. По фигуре, по телу – это был он. Хозяин. Ну а голос его я запомнила по собранию акционеров, где он делал доклад, а я как генеральный директор не последней в НК фирмы, присутствовала.

Дятел как-то спросил, не узнала ли я кого-нибудь из них – троих. Конечно, я ответила, что не узнала. И чуть не болтнула – их же, мол, двое. Но во время догадалась, что этого не надо делать. Он загадочно усмехнулся, но оставил все без комментариев. И больше ни разу не спрашивал.

6

И вот примерно через месяц Дятел дал мне ознакомиться со списком поз, как он мне сказал, разработанных лучшими индийскими специалистами. Всего было тридцать шесть поз. С описанием и рисунками.

– Почитай и посмотри, Вероника Николаевна, рекомендовали на всякий случай, для разнообразия.

Я посмотрела позы: Лунный свет, поза Ромберга, санитарный вагон, ковбой Миша, ночь олигарха и другие. Но одна поза по названию просто ужасная, хотя по содержанию обыкновенная. Но название – ужас: «Не бзди дорогая». Это только изощренный грушный ум Дятла, мог такое придумать. Ну и прочая мерзость.

Я прочитала все это и вдруг мне стало так тоскливо, просто жуть. Я на следующий день пришла к Дятлу и говорю:

– Не буду.

Он стал меня убеждать, что позы нормальные, ничего в них особенного, это просто так на всякий случай. Они рекомендовали.

– Не буду.

– Я не понимаю твоего упрямства. Не понимаю. Ну какая тебе разница? Но если эти уроды просят...

Но мне было так обидно, причем я сама толком не понимала почему. Слезы само собой наплыли на глаза. Стало трудно дышать. Я встала и пошла к выходу.

Он догнал меня у дверей и, так как я не останавливалась, схватил меня, взял меня за предплечье, чтобы задержать. И у меня вдруг как рефлекс такая злость нахлынула, что я с силой вырвала у него руку и толкнула его к двери передо мной. Я уже хотела его отпихнуть, чтобы выйти и тут он резко говорит:

– Вероника. Не торопись.

Я остановилась и стою, но стараюсь на него не смотреть.

– Вероника, ну что ты?

– Да что я, не человек что ли? Эти пакостники член не могут вставить, как следует без посторонней помощи, а туда же – позы. Сволочи!

Он как принялся хохотать. Но все-таки стоит передо мной, загораживая дверь – опасается, что сейчас уйду. Потом вдруг говорит серьезно:

– Так. Я тебе обещаю, что приму все меры, чтобы этой хреновины не было. Ты меня поняла?

Я молчу. Лишь дышу через нос, потому что боюсь расплакаться.

– Ты меня поняла? Я приму все меры.

Я стою в нерешительности, сама не знаю, что делать.

Он вдруг говорит:

– Вероника, ну потерпи немного, потерпи. Ну. Будет и на нашей улице праздник. Потерпи.

Надо сказать этих списков я больше не видела. И каких-либо изменений и безобразий не случилось.

Электроугли

Утром меня разбудил Степка по своим надобностям. Один он боялся, и пришлось его сопровождать. У тети Натальи Сергеевны все это было в сенцах. Туалет почти городской, но, конечно, холодно.

Когда вернулись в теплую избу, все уже встали.

– Все в деревне хорошо, а вот в туалет вдвоем приходится ходить. Как на Крайнем Севере.

– Избаловали вас. – говорит Наталья Сергеевна. – Раньше ведь вообще на улицу бегали. Туалет в углу участка стоял, где сейчас кролики. Не то, что теперь.

Мы не спеша позавтракали, а потом Наталья Сергеевна попросила меня постричь ее. Мы об этом с Алькой еще в Москве договаривались. Я, когда к ней приезжала, всегда ее подстригала. Не любят наши женщины по парикмахерским и салонам ходить.

Инструмент у меня был с собой.

– Ты меня как обычно, и покороче, – будто извиняясь, сказала она.

– Сделаем как в лучших салонах Москвы и Московской области. Все мужики не старше пятидесяти будут вашими.

– Да вы сами, когда замуж выйдете? – ответила она. Обидно просто. Красивые девки, просто на загляденье. По телевизору разных там светских львиц показывают. Так ведь лахудры затасканные. А вы? Любо дорого посмотреть. Да и работа у вас теперь нормальная. Когда я отвечаю, кем у меня работает дочь, так ведь не верят. Глаза от зависти квадратными становятся. Тут как-то ко мне подходит начальник нашего цеха Валерий Аркадьевич. Молодой мужик, чуть старше тридцати. Но уже разведенный. Ну у нас там свой разговор был, по части повышенной кислотности заготовок. Ну, это наши дела. И вдруг он мне говорит.

– Наталья Сергеевна, а что это за девушка с вами была?

– Когда? – спрашиваю.

– Ну вы с ней в опеле ехали, она за рулем сидела.

– Я вспоминала, вспоминала, где он нас с Алькой мог видеть? Но так и не вспомнила. А он говорит: «Я вас на улице Куусинена на светофоре видел. Вы рядом сидели» И тут я вспомнила. Мы тогда с тобой, помнишь, – повернулась она к Альке. – тогда в универмаг наш ездили. Мы еще там Леночке джинсы покупали и коричневый комбинезончик. Помнишь?

– Не помню, – отвечала Алька, но видно было, что помнит.

– Ну как же не помнишь? Мы еще после этого около рынка нашего соседа подхватили. До дома довели. Нет, ну как ты не помнишь?

– Не помню, – стояла на своем Алька.

– Вы не отклоняйтесь от интересной темы, – говорю я, не отрываясь от работы. – Нам ведь главное, что этот мужик говорил.

– Ну так вот, он спрашивает, что это за девушка с вами была. Я и отвечаю, что это моя дочь. Она говорит, в Москве работает, генеральным директором. Фирма нефтью торгует.

– Такая молодая, красивая и нефтью занимается. Способная, наверное.

– Ты, конечно, и разболтала все, – накинулась на нее Алька. – Сколько раз тебе говорила – меньше болтай.

– Да я только одному человеку и сказала. Ну что тут такого? – возмутилась Наталья Сергеевна.

– Да ладно вам, дальше то что? – говорю я. Мне и правда стало интересно.

– Что, что. Он как услышал, что она генеральный директор, так чуть ли не по стойке смирно передо мной встал. А после этого ко мне с таким почтением. Будто я это и есть генеральный. И знаешь, что еще. Я его несколько раз видела в наших краях. Он на наших горках катается, тоже на какой-то иномарке приезжает.

– Ну, приезжает, – недовольно бурчала Алька. – Ну и что?

– Что, что! До этого я его почему-то у нас не видела. А как узнал от меня, что ты кататься приезжаешь, так сразу лыжи наострил. А что, мужик он молодой. Зарплата высокая. Ты знаешь, сколько у нас начальник цеха получает?

– И знать не хочу.

– Не меньше может, чем у вас. У нас же вредное производство. И мы единственные в России эту херню производим. Это они рабочим платят копейки. А сами гребут тысячами. И в зеленых.

– А вы, сколько получаете? – спрашиваю я.

– Пятнадцать тысяч. Да за вредность доплачивают. Ну, правда, у нас отпуск сорок пять дней, и санаторные путевки бесплатно дают. Тут ничего не скажешь. Ну а сами получают по две, по три тысячи долларов. Это начальник цеха. А руководство – те гребут лопатой. И никуда не денешься. Другой работы здесь нет. Этой не нарадуемся. А что вредность – так бог с ней, с вредностью, может и пронесет. Мы ко всему привычные.

– Знаешь, маманя, – донесся с кухни голос Альки. – Перестань сводничеством заниматься.

Наталья Сергеевна подняла ко мне лицо и сказала негромко:

– Не нравится ей. Я же ей не о бомже говорю, а о положительном человеке. Ведь просто обидно за вас. Девки на загляденье, а не замужем. Нельзя же так. Пусть у вас и зарплата хорошая, и обеспечены вы, и работа серьезная. Но не должна женщина без мужчины. Не должна. Я на себе это почувствовала. Мне чуть за пятьдесят, а что и кто я? Да никто. Единственная радость – Алька, да внучка. Выходить сейчас замуж поздно. Моего возраста мужики или женаты, или пьющие. Сходиться с человеком на всю жизнь надо молодыми.

Я закончила работу. Еще раз проверила со всех сторон, как уложены волосы. Причесала легкими штрихами и сбоку и сзади.

– Челочку сделать?

– Да не надо ничего. Все вроде великолепно. Хорошо это у тебя получается. Мастер, да и только. Тебе бы не нефтью торговать, а салон организовать. От клиентов отбою бы не было.

Наталья Сергеевна встала, повертелась перед зеркалом в прихожей, перед зеркалом у гардероба. Повернулась опять ко мне:

– С меня причитается, герр мастер.

Вообще-то и у меня самой бродят эти мысли – создать небольшой салон. Но я этим ни с кем никогда не делилась и боюсь даже вслух говорить. Я и на этот раз ничего не сказала.

Мы стали собираться на горку. Снаряжение у нас самое простейшее – санки. Одни санки у Леночки и вторые у Степки. У Альки были слаломные лыжи, она же здесь выросла и хорошо каталась. Каждый сезон она ездила в Куршавель на две недели. Ну а я на лыжах в жизни не стояла. Лыжные спортивные костюмы у нас великолепно. Погода была нормальная – мороз где-то градусов восемь и солнце нет-нет да и появляется из-за туч. Мы вышли за калитку и тут за нами появилась Наталья Сергеевна. В спортивном костюме, который очень даже неплохо на ней сидел.

– И я с вами, – радостно улыбалась она. – Молодость вспомнила. Я в молодости очень даже неплохо на лыжах каталась. Я же здесь выросла. А замуж вышла и лыжи забросила. За мной, молодежь, – и она с ребятами пошла вперед.

Алька, глядя на нее с улыбкой, повернулась ко мне.

– Неспроста она идет с нами. Что-то задумала, вот увидишь.

– Да ладно тебе... Ты все время ее в чем-то подозреваешь.

– Вот увидишь.

Алька не ошиблась. Мы с полчаса повозись на горке с Натальей Сергеевной и с ребятами, Алька дважды съездила на подъемнике на вершину и лихо скатилась к нам. На этих лыжах в модном костюме выглядела она великолепно. Я даже ей слегка завидовала. Хорошо бы так, да не дано. Народу на горке было много, сюда часто даже из Москвы приезжают. Только Алька собралась на подъемник в третий раз, как к нам лихо подкатил парень. в классной экипировке. Он остановился недалеко от нас. И смотрел, как Наталья Сергеевна поднимается с санками и ребятами. Она увидела его и радостно закричала:

– Валерий Николаевич, и вы здесь!

– Да, я иногда сюда приезжаю. Хорошие здесь места и погода сегодня хорошая.

Они стали беседовать. Алька повернулась ко мне:

– Ну что я тебе говорила! Наверняка тот самый «мен» с их предприятия, про которого она рассказывала.

– А вроде ничего парень.

– Сейчас к нам его подведет. Вот увидишь.

– А это вот мои девочки, – улыбалась Наталья Сергеевна. – Идите, я вас познакомлю.

Мен подкатил к нам, и мы представились друг к другу.

– Вы давно катаетесь? – улыбался мен.

– С час, не больше, – ответила я. – А вы?

– Чуть меньше, – улыбался он. – Только один раз успел спустить на подъемнике. А вы? – спросил он у Альки.

– И я только раз. Там очередь большая.

– Если хотите, пойдемте. Я занял. Наверное, уже подходит.

И они с Алькой поехали к подъемнику. Хорошо они выглядели. Мне даже чуть завидно стало. Спортом надо заниматься, курица домашняя.

2

Мы с Натальей Сергеевной по очереди скатывались с ребятами вниз, а потом тащили санки вверх. Одна с ребятами, а другая в это время наверху отдыхала и поглядывала по сторонам, наблюдала за окружающими и обстановкой. Я высматривала Альку с Валерием, но так

и не заметила, где они спускались. Вместо этого заметила по привычке еще одного молодого парня. Очень даже ничего, таскает на санках, как и мы, мальчишку лет двух-трех. И как бы нечаянно все кругами ходит около нашего места. Наталья Сергеевна поднялась с ребятишками. Вся запыхалась. Спрашивает:

– Ты их видела?

– Высматриваю, но что-то не вижу. Там другого спуска нет?

– Ну, там несколько склонов, неужели они на самый крутой пошли? – забеспокоилась

Наталья Сергеевна.

Ребята опять запросились вниз, но мы уже чуть подустали.

– Покатайтесь здесь, – говорит им Наталья Сергеевна, с тревогой вглядываясь в сторону склона. Потом говорит мне. – Вот этот парень, – кивнула она на парня с мальчиком. – Точно на тебя запал. Уже около часа возле нашего места вертится. И с этого бока скатится, и с другого. Но от нас не отходит. Точно, он на тебя запал.

– Не может быть.

– Точно тебе говорю, не на меня же он глаз положил. Да и грех такую девку, как ты, не заметить. Вам же с Алькой, ну хоть сейчас на этот, как его... ну подиум, что ли.

Я засмеялась, а сама краем глаза слежу за парнем. Судя по всему, и впрямь я его впечатлила. Как бы он мальчишку не потерял, раззява. Тот в это время тянул его вниз, а он все старался задержаться недалеко от нас. Но было видно по нему – не решится подойти. Глазами ест объект, как верующий икону, но не решится. И это хорошо – не до него сейчас. Тут откуда-то сверху подкатили из-за спин веселящегося народа Алька и Валерий. И Валерий предложил нам поехать в город в кафе «Шоколадница». Полакомиться кофе и мороженым-пирожным. Видно было, что они Алькой по этому вопросу уже договорились. Ребята, конечно, с восторгом приняли это предложение. Смотрю на Наталью Сергеевну – та от умиления чуть не прослезилась.

У Валерия на площадке была припаркована машина. Мы оставили санки Наталье Сергеевне, а сами весело втиснулись в автомашину – черный Ниссан. До города добрались быстро, минут за десять.

В «Шоколаднице» оказалось несколько родительских пар с детишками возраста наших паршивцев. Мы заказали по крем-брюле, пирожные, фанту и кофе, чай, который просили принести по окончании, чтобы ребятам горлышко согреть. Валерий заказал нам с Алькой шампанского. Сам отказался. Говорит, что за рулем. Оркестр исполнял спокойное танго и Валерий пригласил Альку. Он как-то подчеркнуто ухаживал за ней. Все внимание ей и Леночке. И тут я заметила, что Степка как-то с обидой смотрит, что Валерий не уделяет ему внимания. Неужели возникает какая-то тоска по мужскому вниманию? Конечно, есть дедушка, но, наверное, этого мало. Тут Валерий, очевидно, из вежливости, пригласил и меня на танец. Вблизи он тоже был ничего парень. Волосы мягкие, русые, прическа – вперед на лоб. По виду не был в парикмахерской дольше месяца: волосы за ушами уже колечками, но волосы, хотя и примяты от спортивной шапочки, но чистые – кажется, утром душ принимал. И туалетная вода у него хорошая.

– Вы тоже генеральный директор? – спрашивает.

Я кивнула головой.

– У вас как генеральных директоров подбирают? Какие критерии?

– Это надо учредителей спрашивать.

– Я к тому, что очень вы с Алевтиной заметны. Даже для такой, как ваша НК, два таких генеральных директора – это уже немало. Все-таки НК не Голливуд. Повезло учредителям.

– Да и нам тоже.

Гусарский переулок

В понедельник мы как всегда собрались в офисе на Гусарском. Там за нами наконец-то окончательно закрепили комнату на всех оставшихся на свободе московских генеральных

директоров, и Светка нам объявила, что нам следует готовиться в отпуск, который мы проведем на нашей базе на Кипре. Все вместе.

Нет все-таки Алька права. Все важнейшие события мы узнаем через Светку. Точно, она, наверное, стучит.

– Все одновременно и вместе? – удивилась Алька.

– Ну да, все. А что тут такого? – ответила Светка. – Решили порадовать личный состав.

– А с детьми можно? – спросила я.

– Нет. Потому что там будем сочетать приятное с полезным. Нам будут читать лекции.

По бизнесу и праву.

– Вообще-то странно, – не унималась Алька.

– А чего тут странного? – говорит Светка.

– А то. Всех генеральных одновременно никогда в отпуск не отправляли. Это арестовать нас всех одновременно могут, а вот в отпуск одновременно – это в ущерб для дела.

– Да хватит уже про аресты! – взвилась Светка. Ну взяли Володьку Макаровского. А в основном-то все спокойно.

И тут подал голос мой мобильник. Звонила Федоровна.

– Слушай, Вероника Николаевна, зайди ко мне. Тут документ надо подписать. Да. И вы слышали или нет?

– А что такое? – у меня все похолодело.

– Перелезина арестовали. Жена позвонила, что взяли прямо в аэропорту. Стал проходить пограничный контроль, и его задержали.

– Да вы что! У него же фирма не в России, а на Кипре.

– Не успел. Оставалось всего два часа до вылета.

И Светка и Алька, слушая мой разговор, застыли как борзые на утиной охоте. Я где-то такое сравнение вычитала.

– Кого там еще? – выдохнули они одновременно.

– Перелезина.

– У него же фирма зарегистрирована на Кипре? – опять одновременно.

– Два часа до рейса. Прямо в аэропорту, на регистрации.

Я оставила Светку и Альку в расстроенных чувствах, а сама побежала в ЦБК. И всю дорогу думала об этом аресте. У Перелезина фирма на Кипре. Его-то, почему за российские дела? И на кой черт он прилетел? Сидел бы себе на теплом морском берегу. Может я чего не понимаю? Тарабарщина какая-то. В ЦБК находился и Шнырь. Я до того была напугана, что решила первый раз в жизни прочитать документ, который подписывала. Эту самую жалобу. Речь в ней шла о том, что мою фирму освободили от уплаты штрафов и прочих санкций, поскольку мы являемся дочерними предприятиями НК. И Шнырь писал в жалобе, что это самое освобождение является неправильным и незаконным. Мне все это как-то было не совсем понятно. И я спросила у него, чего нам жаловаться, если нас освобождают. Для нас же это благо.

Он, надо сказать, удивился моему вопросу и говорит:

– Это ловушка.

– Какая ловушка, если освобождают? Вот если бы на нас наложили какие-либо санкции, тогда понятно надо жаловаться. Но если освобождают... Тут и гусю понятно, что не следует возникать.

– Вероника Николаевна, вы не понимаете. Они этим хотят объединить дочки и НК.

– Так мы и так едины. Это и ежику понятно.

– Ежику может и понятно, а вот по закону это не так. И моя задача это доказать. Поэтому я и составил эту жалобу. Это же общая стратегия защиты.

– И Чайка это знает?

– А как же. Это все исходит от вашего руководства.

– Ну, думаю, руководству виднее. И я подписала эту жалобу. Хотя я была в последнее время осторожна, но тут подумала, что подписать жалобу, это ведь не деньги переводить.

– Вы как-то недоверчивы сегодня, – произнес с удивлением Шнырь.

– Вы знаете, что Перелезина арестовали?

– Конечно, знаю. Мне коллеги сказали. Его наш адвокат защищает.

– Что-то плохо защищает.

– Да уж, – говорит Федоровна. – Его то за что? У него бизнес на Кипре. С нефтью он не связан.

Мои слова явно уязвили Шныря.

– Конечно, это все незаконно. Адвокат арест обжалует.

– Ну и что толку? – не унималась я. – По Володьке Макаровскому адвокат пишет и пишет.

А он все сидит и сидит, – я говорила раздражено, уж очень погано было на душе.

– Вы же знаете, какое у нас беззаконие, – кипел Шнырь. Но мы все равно добьемся освобождения. Примем все меры. Поднимем все связи. Это просто дело времени, – раздражено говорил он, собирая листки жалобы. – Это только дело времени.

Федоровна шлепнула на жалобу печать и Шнырь сунул ее в свой портфельчик, он у него такой как папка, маленький небольшой, вежливо попрощался с нами и удалился.

– Что ты так его? – удивилась Федоровна.

– Не нравится он мне.

Федоровна пожала плечами.

– Ну я тебе так скажу: в наших вопросах он все-таки разбирается.

– Слушай, дай мне это постановление, которое он обжалует.

Она протянула мне постановление налоговой инспекции, и с удивлением смотрит на меня. Потом пожала плечами.

– Знакомься. Когда ознакомишься, вернешь. Мне к делу надо подшить.

2

Отец, узнав о моем отпуске сразу запаниковал.

– Не справлюсь я, не справлюсь, – вопил он. – Чего хочешь, но только не это. Давай попросим Анну Егоровну, – предложил он. Она же обожает Степку, и всегда с удовольствием берет его к себе. А я буду у нее на подмоге. В садик буду его водить, в магазин бегать. Ну а дома с ним – она.

Анна Егоровна – это моя свекровь. Она относилась ко мне крайне враждебно. Когда мы поженились с Игорем, она этого и не скрывала. Она считала, что ее Игоречку с его образованием и способностями была нужна другая жена. Как же – закончил физтех чуть ли не с красным дипломом. Подавал большие надежды, а тут какая-то парикмахерша. Она считала, что это какой-то рок, что он в меня влюбился. Ну а после того, как он прыгнул с крыши, для нее не было никаких сомнений, что это я довела его до такого состояния. Конечно, я тогда злилась на нее. А сейчас, пройдя через всю эту свистопляску, пожалуй, с ней и соглашусь. Мне было все равно, что он окончил престижный институт, что его считали способным. Меня интересовал лишь он сам. Но тогда я думала, что раз престижный институт, значит, будем материально нормально жить. Вот и все. И тут я сразу же забеременела по неопытности. Сказала ему об этом. Он уперся: будешь рожать и под венец. Так и поженились. Теперь, оглядываясь и имея весь этот сволочной опыт, скажу, что его сгубила порядочность. Другой бы на его месте, сказал бы: «Это твои дела, дорогая. Надо было думать» А он не сказал. Наверное, он действительно меня любил. Мы ведь могли и потом развестись, уже после рождения Степки. А один он точно бы выжил, мама бы прокормила. А он этого не сделал. Мне так его жаль. Правда, жаль. Со мной все ясно. А вот его жаль.

Я позвонила Анне Егоровне, и мы договорились вечером встретиться.

3

Она открыла мне дверь, окинула критическим взглядом и с порога, как всегда язвительно:

– Отлично выглядите, бизнес-леди.

В голосе столько желчи, не поймешь, ненависть это, или презрение, или то и другое вместе.

– Проходите, раздевайтесь, туфельки можете не снимать. Она стала называть меня на «вы» после того, как узнала, что меня назначили генеральным директором.

Я разделась, туфли все-таки сняла и прошла за ней на кухню. У нее небольшая двухкомнатная квартирка со смежными комнатами, еще той, хрущевской постройки. Кухонька тоже небольшая – пять или шесть метров.

– Чай будете или кофе? Наверное, кофе – вы же в офисах привыкли. Но коньяка у меня нет. Вы уж извините за скромность. Доходы не позволяют.

Я ко всему этому уже привыкла, поэтому молчу. После смерти Игоря она со мною не общалась, даже к могилке мы старались пойти в разное время, чтобы не дай бог не встретиться. Но однажды отец гулял со Степкой и встретил ее. Отец рассказывал, что она как увидела Степку, так не хотела с ним расставаться. Ее поразило, что он очень похож на Игоря и по характеру такой же – спокойный какой-то, негромкий. Глаза теплые, внимательные. Обычно мальчишки на маму похожи, а вот он на Игоря. После этого она часто стала звонить отцу, не мне, конечно. И просила отца приводить Стёпку к себе. Со мной, при этом, все равно не общалась.

Она так предлагала кофе или чай, что я в другой бы раз отказалась, но сейчас мне было не до обид. И я согласилась на чай. Она быстро вскипятила чайник, поставила чашки, вазочку с печеньем. Пока она все это делала, я сидела молча. А она вдруг почему-то притихла и как-то настороженно поглядывает на меня изредка.

Когда она расставила чашки на столе, я без предисловий сказала:

– Вы ведь по телевизору смотрели, что происходит с нашей компанией. И вот сейчас очередь дошла и до таких мелких сошек как я. Одного из наших генеральных директоров даже арестовали, вы, наверное, слышали. На мой взгляд, я никаких преступлений не совершала. У нас все договора проходят с десятками виз. В том числе с визами юристов. По крайней мере, я не вижу, что я могла нарушить. Но вот этот генеральный такой-же как мы, а ведь арестовали.

Она слушала молча, не перебивая и не задавая вопросов. Такое впечатление, что она действительно внимательно смотрит телевизор. И все знает. Наконец она произнесла:

– У тебя есть какие-то опасения?

– Ну вот Макаровский – это кого арестовали – такой же как мы, ну точно такой же. И вдруг арестовали. Мы все в шоке. На этой неделе нас всех собирают на Кипре. Уехать придется, как сказали, недели на две. Вроде как в отпуск. Но как все сложится, я не знаю. Если я там задержусь, не знаю, справится ли отец. Все-таки мужчина. Неделю он сможет, а если вдруг дольше...

И вдруг неожиданно для меня самой у меня полились слезы. Никак я не хотела, чтобы она видела мою слабость, но вышло как-то само собой. Я замолчала. Сажу, смотрю в чашку, на нее глаз не поднимаю.

Наконец она произнесла:

– Пусть Николай Иванович приведет Степку ко мне, – и больше ни слова.

– Я вам вещи соберу. И денег, конечно, оставлю.

Она ни слова.

Я встала из-за стола, и быстро в прихожую. В туалет ужасно хотелось из-за всех этих волнений и переживаний. Но я решила, что потерплю, в крайнем случае, возле метро что-нибудь найду. Быстро надела сапоги, накинула шубейку. И тут она появилась в дверях кухни. Я стала открывать запоры ее двери. Как обычно в них запуталась. Она подошла, открыла дверь.

Я на нее все не смотрю, шагнула в коридор, что-то пробормотала по части «до свидания». И тут, вслед, услышала:

– За Степку не беспокойся, – она помедлила и добавила, когда я уже стояла возле лифта. – При всех вариантах, не беспокойся. Слышишь. При всех.

4

Ну, слава богу, со Степой все нормально. Я и предполагала, что так и будет. Свекровь хотя и ненавидела меня, но человек, несомненно, порядочный. И Степку обожает.

Затем я отвезла заявление в академию управления на случай, если придется на Кипре задержаться. Я уже училась на последнем курсе и не хотелось, чтобы отчислили. Посадят или не посадят – еще неизвестно, но диплом надо было получать. В конце концов, он пригодится и после отсидки. Не век же мне сидеть придется.

И с этой академией, опять спасибо Альке. Я после смерти Игоря была в таком состоянии, что моя заторможенность была заметна. И когда мы подружились с Алькой, она, конечно, это видела и говорит:

– Подруга, тебе надо отвлечься от тяжелых воспоминаний. Тебе нужны дополнительные нагрузки. Тебе надо поступить в институт. Привожу доводы, услышав которые у тебя не будет оснований отказать. Первое – перед тобой яркий пример плодотворной учебы. Это я. Я уже закончила два курса и никакой усталости, потому что никакой по существу нагрузки, кроме, конечно, оплаты за учебу я не чувствую. А диплом установленного образца через два года получу. Мне было все равно, где учиться, а юридический я выбрала потому, что никаких там чертежей, формул, схем. Вот тебе голова – вот тебе учебник. Посещаю ради приличия лекции, где с удовольствием встречаюсь с ребятами из группы, очень интересные ребята. На экзаменах никаких трудностей с учетом внешности, и очарования, и опять-таки платы за обучение. Уже два года прошли почти незаметно. Еще два года – и у меня диплом. И хотя вначале мне было плевать, где учиться, лишь бы не напрягаться, то сейчас мне даже нравится юриспруденция. Совсем нечаянно я ее почти полюбила. Жизнь все равно идет, так пусть она идет хоть с какой-то пользой.

В общем, она меня убедила. Я тоже была согласна на любой вуз, только бы не было математики, формул и схем. Алька, конечно, сказала:

– Давай на юридический, – но мне, почему не захотелось. И я выбрала менеджмент в академии управления. Мне повезло, мне засчитали два года моего колледжа и заниматься мне пришлось всего два года. Алька смеялась: «Подруга, ты меня в образовании обходишь», потому что диплом она должна будет получать на полгода позже меня. Заниматься и вправду оказалось несложно. Главное – вовремя платить за учебу. И вот уже осенью я должна буду получить диплом.

Вечером мы перезвонились с Алькой, и я ей сообщила, что со свекровью все нормально. Помянула и про фразу свекрови – при всех обстоятельствах. Тут Алька даже похвалила свекровь. Мол, трезво смотрит педагог на жизнь. Потом она пожалела, что когда были у матери, не оставила у нее Леночку. Но поскольку еще команды с Кипра не было, то у нас два-три дня было в запасе. С тем мы с ней и отошли ко сну.

И через день, как всегда неожиданно грянуло, но не с той стороны, откуда ожидаешь. Известие пришло не с Кипра, а из нашего родного ЦБК. Позвонила Федоровна и еле слышно пробубнила, почти прошипела, наверное, боялась, что услышат:

– Пришли за документами.

– Шнырь что ли? – тоже почему-то шепотом прошипела я. Все еще надеясь, что это не они.

– Какой Шнырь, – шипела Федоровна. Охрана позвонила, что следователи идут. И вдруг слышу в трубке мужской голос:

– Елена Федоровна?

– Так точно, – бодро отвечает Федоровна. – Она самая.

– Следователь по особо важным делам Генеральной прокуратуры Российской Федерации Новиков Павел Иванович. Пожалуйста, ознакомьтесь с постановлением о выемке.

– Чего там знакомиться. Я помню, вы уже приходили по фирме Макаровского.

– Верно, приходил. Но вы все-таки ознакомьтесь.

Слышу какой-то шелест, скрипнул стул, задвигались ящики стола.

–А где Макаровский? – прикидывается тупой и наивной Федоровна. Долго что-то на работу не выходит.

– Изучает материалы своей фирмы, которые мы у вас тогда изъяли.

– А что изучать-то? Это же документы его фирмы.

– Мы тоже ему говорим: «Чего изучать – ваши же документы», а он...

И тут в трубке прерывистые гудки.

Я вся покрылась холодным потом. Потом тут же позвонила Альке. И сообщила про гостей в ЦБК.

– И что делать? – спрашиваю. – Сушить сухари или бежать на Кипр?

– А я откуда знаю? Слушай, позвони-ка ты своему Шнырю. Ты же ему деньги перевела и немалые. Пусть выручает.

И то верно. Я позвонила. Шнырь что-то мямлил, мямлил:

– Вы не волнуйтесь, вы не волнуйтесь. Они вправе изъять документы. Это, к сожалению предусмотрено УПК. Тут ничего не поделаешь. Но мы будем требовать...

Я поняла, что этот балаболка ничем не поможет. «Вы не волнуйтесь, вы не волнуйтесь».

И я прервала разговор.

И тут позвонила Светка. и тоном приказа:

– Руководство все знает. Без паники. Сегодня в 12.50, рейс 303. Летим на Кипр. Альке я уже позвонила. Билеты нам привезут в аэропорт. Паспорт заграничный не забудь. Все. До встречи.

– Не успеем, надо же собраться.

– Надо успеть. Следующий рейс только завтра. Сказали – не терять ни минуты. Задерживаться нельзя ни на час. Поняла?

Надо сказать все, что связано с билетами в НК было налажено великолепно. Наши все данные были занесены в компьютер, и данные наших близких родственников. У них налажено было со всеми кассами. И любой билет на любой рейс. В любую страну. И тут же звонок от Альки:

– Светка звонила?

– Звонила. Так не успеем же.

–Успевай. Все-таки Кипр лучше, чем Матросская Тишина. Погреемся чуть-чуть перед тем, как в холодные края... Торопись, подруга. Надо успеть. Перед отсидкой хоть в море окупнемся.

Голос у нее по-моему даже веселый. Вот Алька! Я тоже загорелась ее бодростью.

Степка был в садике. Отец, пока я кричала по телефону, все это слышал. И ходил в спортивном костюме по квартире, не сводя с меня глаз. Я достала чемодан и сумку. И стала пихать в них все, что наметила взять с собой. Вроде все собрала. Отец все время рядом и только молча смотрит – сумрачный и сосредоточенный. Я заметила, что когда возникает опасность, он становится спокойным и собранным. Так было тогда с Игорем. Он у меня надежный мужик. Жаль мама умерла до того как я стала прилично зарабатывать. Все-таки хорошо, когда ни в чем не нуждаешься. Пожила бы нормально на эти зеленые от олигарха.

– Ты за Степку не волнуйся. У меня еще есть здоровье. Да и Анна Егоровна – человек надежный. Она все-таки женщина порядочная, и Степку любит. Ты не волнуйся.

И вдруг встрепенулся:

– Ты же ничего не кушала! Ты хоть что-нибудь перекуси. Я сейчас, – и он побежал на кухню.

– Не до этого, па. В самолете накормят. Ну, давай на дорожку присядем.

Посидели и встали. Я, конечно, слезу пустила. И он тоже слезу пустил.

– Ну, удачи, дочка, удачи тебе. За Степку не беспокойся.

5

В аэропорту мы с Алькой встретились, будто сто лет не виделись. Она возбужденная и почти радостная. Наконец появилась Светка, и мы пошли через контроль. И тут слегка струхнули, вдруг нас не выпустят. Может следствие уже приняло меры. У нас так с Перелезиным было. Тоже уже были билеты на Кипр, но на контроле вежливо заявили: «Пройдемте». И вместо Кипра – в Матросскую Тишину. Правда говорили, что ему уже была повестка официальная, и он только после этого решил на Кипр. Сумки проехали контроль. Я пошла первая. Никаких замечаний. Девушка посмотрела на документы, на меня. Шлепнула штамп. И, я вижу, меня уже догоняет Алька со своими баулами. Прохожу через эти чертовы ворота. Думаю, если сейчас скажут: «Стой», не остановлюсь. Я где-то слышала, что если пограничников прошла, то я уже на нейтральной территории. Я притормозила и меня догнала Алька.

– Главное пограничников прошли, – говорю я.

– Чувь все это. Могут еще из самолета вытащить в наручниках.

– Алька, не разочаровывай меня. А то я до туалета не добегу.

Тут нас догнала Светка. Тяжело дышит, сумки у нее тяжелые. Будто на ПМЖ собралась.

– Вы куда так разбежались? Вас и не догонишь.

– Куда, куда, в туалет, мочи нет.

– Со страху что ли? Так уже пограничников прошли. Нас теперь не имеют право пальцем тронуть. Мы на нейтральной полосе. Или как там ее называют.

– Пальцем может, и не тронут – не унималась Алька. А вот браслеты наденут. Вот когда самолет наберет высоту, вот тогда...

– А самолет могут повернуть? – задыхалась под тяжестью баулов Светка.

– Ну, ты начала. Еще скажешь, самолет из-за трех ночных менеджеров повернут назад.

Алька как зыркнет на меня. Я язык прикусила. Вот так всегда у меня. Увлечусь и осторожность теряю. Болтаю, что на языке вертится. Добежали до места посадки. А мне правда в туалет хочется – мочи нет. Я говорю им, чтобы посмотрели за вещами, а я сбегая.

Они как набросятся на меня.

– С ума сошла, дура. О чем раньше думала?

– О чем думала, о чем думала. О Матросской Тишине думала.

Знаешь, что с тобой такое бывает, надо памперсы одевать, – ворчала Светка. – А теперь, вдруг посадку закончат? Терпи и все тут. Зубы сцепи и терпи.

– Да при чем тут зубы? Меня же не тошнит, а в туалет. Я впереди вас пойду, – и я по коридору вырвалась вперед. – А вы смотрите, капает за мной или нет. Потому что я уже ничего не чувствую от напряжения.

Они ржут истерически, а мне не до смеха. Надо же, как прихватило. У трапа самолета очередь. И тут Алька ринулась вперед мимо очереди, ведя меня за руку. И к пассажирам:

– Извините, разрешите, даме плохо.

Стюардесса увидели странное движение и, услышав в чем дело, пропустила нас вперед. Я наверху объяснила в чем дело. И пилот, мы с ним наверху столкнулись, со смехом провел меня по салону, приговаривая:

– Во время стоянки не положено, но в виде исключения, учитывая внешние данные...

Глаза горят как у кота в темной комнате. Все-таки внешность великая сила и дает кое-какие преимущества.

6

Наконец суета, связанная с посадкой, закончилась, самолет стал вырубивать на взлетную полосу, взревел, оторвался от полосы и тут мы вздохнули. Я все это время ждала, что вдруг войдут люди в форме и произнесут сокровенное: «Такие-то, на выход». Обычно я боюсь летать на самолете, при взлете и посадке колени дрожат, а тут никакого страха и одна мечта, лишь бы не вошли и не объявили. Мы притихли, пристегнулись. Но вот набрали высоту. И тут Алька повернулась к нам и говорит:

– Ну что, менеджеры полуночные, так и будем сидеть с постными рожами?

Мы с удивлением и вопросительно уставились на нее. Я даже удивилась, сама на меня цыкала, а сейчас вот брякнула. Но видно было, что Светка ничего не поняла.

– А что? – говорю я.

– А то, что у них с собой было, – и Алька достает из сумочки плоскую бутылку коньяка, грамм на 500, три стаканчика и три шоколадки «Аленка». Ведь именно три. Вот Алька. Я все это время дрожала от страха и не знала что с собой брать. А она и это предусмотрела.

– Так во время набора высоты не разрешается, – запищала Светка.

– Это для тех, кто ждет милости от природы. А для настоящих энтузиастов набор высоты не имеет никакого значения. Но кто держится за правила, не заставляем. А кто хорошо пристегнут, и у кого нервы на пределе тех к столу. Алька разлила в стаканчики. И на глаз было видно, что это где-то за пятьдесят граммов.

– Я столько не осилю, – запищала Светка.

– В наших обстоятельствах первый шаг – он самый трудный, но необходимый. Первый глоток – он самый главный.

– Ну я тогда в два глотка.

– Поехали, подруги.

И мы тихо чокнулись и бодро опрокинули. И на удивление как-то легко прошло. Даже Светке не понадобился второй глоток. Прошли считанные мгновения, тело наполнилось теплотой и самочувствие стало улучшаться, и страхи начали потихоньку испаряться. Вот Алька! Как она здорово про основной глоток. Главное вовремя.

– Ну а теперь, подруги, – вновь начала она. – По второй. Как говорится в той народной поговорке «Чтобы не была загублена первая»

– Ну, это много, – вновь заверещала Светка.

А я, правда, уже немного захмелела. И говорю:

– Я не завтракала. Боюсь, быстро сойду с дистанции.

– У них и это было предусмотрено, – говорит Алька, доставая пакет с бутербродами.

Мы опрокинули и по второй. А когда набрали высоту, мы уже хряпнули по третьей. Страх ушел и стало удивительно тепло и хорошо. Мы летим к теплему морю. Отдыхать и веселиться. И по крайней мере две недели за нами не придут с наручниками А потом, будь что будет. Но это потом.

Смотрим, идет тот самый пилот, который меня от позора спасал. Около нас приостановился. Глаза по-прежнему как у кота в темной комнате.

– У вас все хорошо? – спрашивает.

– Спасибо вам за нашу подругу, – улыбается Алька. – Спасли от позора. Ваш благородный поступок мы не забудем. Мы очень боимся взлета, – и Алька показала стаканчики. – Если хотите присоединиться...

– С такими удивительными женщинами – сочту за честь. Но на службе...

– Пожалуй, мы бы пошли с вами в разведку, – продолжала Алька. – Как вам это подразделение? – она кивнула на нас.

Альку тоже слегка развезло и говорит она громко, на нас уже обращает внимание ближайшее окружение и особенно, конечно, мужской электорат.

– А с нами, с нами! – завопила компания, сидевшая в двух рядах от нас.

– У вас еще недостаточная физическая подготовка, – говорит Светка. – Вы вряд ли вынете невесомость...

– Это мы-то не вынесем!

У компании глаза загорелись, как у этого пилота. Но совершенно очевидно, что у них с собой не было, потому что у них не было Альки.

– Да это мы сейчас, – донеслось с их стороны.

Алька говорит пилоту:

– Пусть девочки быстро катят свои тележки, мы сейчас создадим такую обстановку, что они выполняют месячную норму продажи.

– Я сейчас. Только вот...

– Не сейчас, а немедленно. Верь нам на слово, это наш профиль в бизнесе. Давай, авиация! Мы с тобой потом наболтаемся.

Авиатор удалился. Я откинулась в кресле и неожиданно отключилась. Будто провалилась. Очнулась, когда по салону стали развозить обед.

– Ну у тебя подруга и сон, как у младенца, – сказала Алька.

– Так ведь суеты сколько было.

Я повернулась к Светке. Та еще продолжала спать, по-моему, даже похрапывала немного.

– А ты спала? – говорю Альке.

– Немного. Пришлось охранять ваш сон и покой. Вон те хлопцы уже не раз подходили с желанием сотрудничество в сфере отдыха и развлечений.

Хлопцы действительно выглядели очень и очень возбужденными, шумно базарили, жестикулируя активно и энергично.

Принесли обед и мы принялись его поглощать. Не в Праге, конечно, но, в общем, съедобно. Хотя явно уступает бутербродам Альки. Пообедали, и Алька со Светкой пошли покушать. А я прикрыла глаза и опять решила подремать. И только закрыла глаза, как чувствую, рядом со мной плюхнулся на кресло парень из той компании.

– Меня Валерой зовут, – радостно представился он. И начал нести какую-то околесицу про каких-то знакомых на Кипре, к которым они летят. Что у этих знакомых свой дом, и если у нас есть желание, мы бы вместе могли бы хорошо отдохнуть.

– Не пожалеете, – блаженно улыбался он. Его приятелей в креслах не было. И я догадалась, что они, наверное, увязались с Алькой и Светкой. Этот парень на вид был ничего, но у меня не было никакого желания с ним говорить, да и вообще было не до него. К тому же не люблю, когда парни слабы на спиртное. А этот уже сильно был на взводе. И тут вижу, подходит Алька со Светкой, за ними волокутся два других гуся, возбужденные и радостные. Алька попросила гуся, что занимал ее место, перейти к себе в кресло. Гусь привстал, Светку пропустил, а потом опять плюхнулся.

– Мы поменяемся местами, – радостно ржал он.

– Давай на свое место, – повторила Алька, и я вижу по ней, что она начинает злиться.

– Давайте, давайте, – говорю и я. Этот гусь уже начал меня сильно раздражать.

– Никуда не уйду, – блаженно улыбался парень.

– Ну что, мне меры принимать? – жестко сказала Алька.

– Значит пилоту можно. А простому пассажиру нельзя. Очень даже несправедливо, я бы даже сказал какая-то дискриминация.

– Брысь на свое место, – уже зло бросила Алька.

– Это ты меня брысь, – взревел парень. Он поднялся и навис над Алькой, схватил ее за предплечье. Но тут послышался легкий треск, вроде шумок, и парень как подкошенный свалился в проход лицом вниз, как раз к своему креслу. Алька спокойно и невозмутимо села на свое место, откинулась и прикрыла глаза. По этому легкому зуммеру я догадалась, что Алька применила шокер. Но у парня был расстегнут пиджак, они стояли вплотную, так что никто

ничего не заметил, даже я не заметила, просто услышала зуммер. Эти шокеры подарил нам Дятел для самозащиты. У меня тоже такой есть. Вдруг вечером кто-нибудь в подъезде и прочее, прочее... Дятел заявил со смешком, что сделано оборонкой. Сказал, что таких эффективных шокеров не имеет даже ФСБ и возможно ЦРУ. «Оборонка работает, когда ей платят», – говорил он с гордостью или издевкой – не поймешь. Его всегда трудно было понять в этом плане. Шокер был сделан под флакон из-под жидкости для волос. И действительно был неприметен. А еще он так был сделан, что его даже при контроле на входе аппаратура не чувствовала.

Алька спокойно прикрыла глаза и вроде бы задремала. Приятели этого парня похахатывая смотрели на своего дружка. А тот лежал, как бревно, и не делал даже попыток подняться. Парни подошли в нему, стали поднимать, а он лишь вяло мотал головой.

– Что это с ним? – недоумевали они, глядя на нас.

Алька делала вид, что спит, будто ее эти события нисколько не волнуют. Я тоже прикрыла глаза, но потихоньку слежу на ними. Бог знает, какие у них будут намерения.

Парни усадили приятеля в кресло. Посматривали на нас, но действий никаких не предпринимали. Потом они вызвали стюардессу. Та осмотрела парня, недоуменно пожимая плечами, что-то им объясняла. Потом подошла к нам.

– Что с ним? – спросила она у меня.

– Перепил, очевидно.

– У вас с ним был конфликт?

– Никакого конфликта. Не хотел уходить с наших кресел. А потом встал, хотел идти, но упал. Вдруг бряк и лежит. Пьяный в стельку. Наверное, не уходил, потому что идти уже не мог.

Стюардесса согласно кивала головой. Потом пошла по проходу.

Алька сидела по-прежнему с закрытыми глазами, а я изредка наблюдала за теми парнями.

Прошло минут десять, а парень, видно было по всему, не приходил в себя. Я даже забеспокоилась. И спрашиваю у Альки:

– Слушай, он все еще не пришел в себя. А вдруг концы отдаст? – Мы же не знаем, как он действует. Дятел говорил, что человек после этого шокера минут десять-пятнадцать в отключке, а как на самом деле – неизвестно.

– Не околеет, сволочь. Я на кроликах проверяла. Покемарит минут десять-пятнадцать и очнется. Нельзя нашим парням пить, тупеют от спиртного. Тупеют и наглеют.

Но эффект был настолько сильный, что даже когда парень пришел в себя, он сидел и не двигался. И уже перед тем, как пойти на снижение, один из них подошел к нам.

– Это кто-то из вас, – сказал он. И, с угрозой. – Мы вам этого не забудем.

– Посмотри на нас, мальчик, внимательно, – говорит Алька жестко. – Посмотрел? Ты когда-нибудь в своей жизни видел таких красивых женщин, к тому же сразу троих? Ты думаешь за нас некому слово сказать? Нагнись сюда, да не бойся, не бойся, нагнись, – и Алька вытащила удостоверение и показала парню. Это было удостоверение ветеранов внешней разведки. Такими удостоверениями на всякий случай снабдил нас Дятел. Мне ни разу не пришлось его никому показывать. А Алька рассказывала, что ГИБДД очень положительно на это удостоверение реагирует.

– Так вот, – продолжала она. – Нас будут встречать. И об этом эпизоде мы обязаны будем сообщить. Такой у нас порядок. Да и бог знает, что вы за людишки. Вот пить не умеете, это сразу видно, и болтаете много, – наверное, они когда вместе курили, наговорили предостаточно. – Поэтому вы быстро пройдете вперед, а мы слегка задержимся. Доложим. А вас уже и след простыл. Прими это серьезно, а то все ляжете, как этот богатырь.

Алька говорила таким тоном, ну точно папа Мюллер из того самого сериала. Она может быть высокомерной и убедительной.

Парень сел к своим, и они о чем-то долго разговаривали, поглядывая на нас. Но уже не подходили. А когда приземлились, быстро помчались на выход.

Кипр

Нас действительно встречали. Такой у нас был заведен порядок, когда приезжали не сами по себе, а по делам фирмы, как в настоящий момент. В связи с последними событиями встречали с усиленной охраной. Но, конечно, такую мелочь, как этих подвыпивших парней, мы не собирались докладывать. Тут Алька пугала хлопцев для пущей важности. Двое парней провели нас в микроавтобус. Полчаса пути, и мы в отеле. Нам были предложены комнаты гостиничного типа. Мы с Алькой вдвоем заняли двухместный номер.

Едва разобрал сумки, позвонила отцу. Он сообщил, что бывшая свекровь с ним уже созвонилась и хочет Степку забрать прямо сегодня.

– Знаешь что, – сообщил он радостно. – По-моему она даже очень довольна. Я бы даже сказал – почти счастлива.

– Если меня посадят, будет совсем счастлива.

– Типун тебе на язык, – заревел он в трубку. – Даже и не думай об этом. Зациклилась на этой посадке. Ты что, морковь зимняя, чтобы тебя сажать? Выбрось это из головы.

Алька, слыша все это, говорит:

– Не пугай ты его. Говори, как у нас тут хорошо и прекрасно. Мы все-таки в отпуск приехали...

– Меня свекровь своей неподдельной радостью вдохновила.

Но Алька, конечно, права, и я стала рассказывать отцу какая у нас замечательная погода. И какой у нас с Алькой замечательный номер. Когда закончила, спросила у Альки, когда она своим будет звонить.

– Мама сейчас на работе. У них на рабочем месте звонки не допускаются. Леночка в садике. Валерий помог устроить ее в детский сад при заводе.

– Ты с ним встречалась и молчишь? Нехорошо, подруга. У тебя роман, а ты ни слова. Неужели он запал на тебя?

– Запал, – усмехнулась Алька.

– Тогда чего не радуешься?

– Знаешь, на меня в последние годы так подействовало все что со мной случилось, что я ко всему в личной жизни стала относиться спокойно, без особого восторга и радости. Ну если только что касается Леночки, или мамы...

– У меня тоже такое, подруга. Менеджеры мы с тобой несчастные.

И тут отворяется дверь, а на пороге двое наших из НК: Славка Самохин, ведущий экономист Главного экономического управления и Антонио Вега, генеральный директор одной из ведущих фирм. Его фирма по значимости где-то, как у Володьки Макаровского. Он испанец, и когда начались все эти передраги со следствием, сразу же уехал в Лондон. Мы иногда вместе собирались, я имею ввиду генеральные директора, и вместе проводили время. Антонио стал для нас настолько своим, что мы между собой стали звать его Антон, что он безропотно принял. Надо сказать, он пытался ухаживать за мной. Однажды даже предложил мне встречаться. Но я не согласилась. Хотя он мне нравился. Он внешне хотя и вылитый испанец, но по характеру спокойный, сдержанный, держится всегда с достоинством. Ну настоящий идалго, как мы иногда шутили над ним. Я бы с ним встречалась, но боялась. Потому что я знала, что Дятел меня держит под колпаком и не допустит никаких личных связей с мужчинами. Тем более в НК. А если бы с я ним встречалась, об этом все быстро бы узнали. И это могло кончиться плохо, и для него тоже. Он не обиделся. Я чувствовала на себе его взгляды, но встречаться он мне больше не предлагал. А Славка Самохин сбежал с испугу, как и десятки других специалистов из аппарата НК.

И вдруг они здесь. Конечно, мы с Алькой обрадовались этой встрече, особенно я. На наши удивленные возгласы Антон ответил, что его предупредили, что будут занятия для генеральных директоров, и он еще вчера прилетел из туманного Лондона. А Славка Самохин

собрался читать нам лекции по экономике. После первых возгласов и расспросов Антон предложил нам пойти в кафе. Говорит, что он нас всех приглашает, поскольку мы сейчас его гости.

– Мы же не в Испании, – смеялась Алька. – Это всего-навсего Кипр.

– В Испании вы тоже у меня побываете. Это точно. Но сейчас вы находитесь на Западе.

Кипр все-таки считается Западом, а Запад это я.

Мы вышли из отеля, и Антон остановил автомашину. Оказывается у них здесь за 30 долларов в любой конец города.

– Может быть вы сами знаете, куда здесь можно поехать поужинать, где вам особенно понравилось? – спросил он.

– Мы на Кипре впервые, – говорю я. – Вези, куда считаешь нужным.

Все-таки как хорошо бывает на белом свете! Солнце, море, вдаль горы. Мы в машине с симпатичными веселыми мужиками. И никаких тебе выемок, обысков, допросов. Этим ужасных ожиданий: возьмут – не возьмут. Сегодня или завтра, вечером или может быть утром. Одним словом – лепота, да и только. Даже не верится.

2

Мы зашли в кафе, народу немного. Уселись за столик, Антон взял меню и стал изучать.

– Что дамы будут пить, шампанское, вино, кипрское, испанское? – он весело посмотрел на нас с Алькой.

Алька подперев лицо кулачком с усмешкой смотрит на него и говорит:

– Верунчик, вот он беззаботный Запад. Шампанское, вино. Для нас с Верунчиком после Москвы, после арестов, выемок и обысков шампанское, вино – газировка не более. Мы с Верунчиком в последние дни употребляем только крепкие напитки, остальное – выброшенные деньги. Поэтому заказывай по своему усмотрению – водку, виски, коньяк. И закусить.

Антон смеется. А Самохин с неподдельной тревогой спрашивает:

– Неужели все так серьезно? Но как это они осмелились? Арестовать Володьку Макаровского, потом Перелезина и Паршину. Как так можно? Куда же демократическая общественность смотрит, СМИ, наконец? Почему не протестуют?

– Они протестуют, только толку от этих протестов не видно, – говорю я.

Алька говорит:

– Я когда в машине ждала Володьку Макаровского, все думала, ну зачем он вернулся, ну зачем? А ведь он не напрасно просил меня с ним поехать. Ведь до этого он на допросы ездил один. А тут попросил. Думаю, он чувствовал, что могут арестовать. Меня удивляет, почему он вернулся, почему не остался на Кипре.

– Если говорить откровенно, – говорит Самохин. – Перспектив здесь для нашего брата русака немного. Это вот Антонио здесь свой человек, он у себя дома, а мы пришлые, мы беженцы, только без статуса. А главное – работы нет. Сейчас нам, пока бегункам, платят что-то вроде пособия. Как говорится, на еду хватает. Но не больше. И с каждым месяцем платят все меньше и меньше. Все в руках Чайки, а у нее не забалуешь. Думали, все быстро кончится, потому и рванули. А по всему видно, что они серьезно взялись за НК и так просто не отстанут. А вас еще не вызывали?

– Пока нет, – говорю я. – Но документы фирм изъяли, мы не стали ожидать вызова, и рванули к вам, под крыло Чайки. Чтобы переждать непогоду.

– Мы уже год переживаем. Вас это не пугает?

– Пугает. Но там оставаться, еще страшнее. Мы после ареста Макаровского заехали к его жене. Это жуть какая-то – смотреть на все это. Как представлю, что меня в СИЗО раздевают догола, суют пальцы во все щели. Сейчас в сериалах это все показывают. Лучше уж сразу петлю на шею.

Принесли коньяк и фрукты. Алька говорит Антону:

– Ну, теперь сам слышал наши ужасы, и видишь наши перекошенные от страха лица. Так вот скажи, что нам в таком состоянии пить?

– Веселого мало, – говорит Антон. – Но все-таки ваши лица по-прежнему удивительно прекрасны. Тревога, конечно, лежит на них. Но от этого они еще трогательнее и привлекательнее Я бы сказал неотразимы.

– Ну, порадовал, идальго, – смеется Алька. – Передачи нам в Матросскую Тишину будешь присылать из туманного Лондона.

– Буду. Правда буду, – улыбается Антон.

Мы выпили и принялись за еду, проголодались, все-таки, основательно. С обеда в самолете прошло несколько часов. Кто-то включил музыку, и Антон пригласил меня. Он обнял меня и чувствую вдруг, как теплота волной поднимается к лицу. Я когда волнуясь, у меня невольно появляется румянец. За всеми московскими ужасами, я про Антона даже не вспоминала. И вдруг такая теплота.

– Так будешь передачи присылать в Тишину?

– Я за тобой в тюрьму поеду, если позволят.

– Тут тебя сразу и возьмут. У тебя же фирма по значимости не меньше, чем у Володьки Макаровского.

– А я все равно приеду, – улыбается он.

3

На следующий день с утра тех, кто уже прибыл, собрала Чайка. Всего было четырнадцать человек. С ней пришел начальник нашего юридического управления Твердолобов. Чайка сообщила, что собрали нас в связи со сложившейся обстановкой для проведения экономических и правовых занятий. Чтобы допросы для нас не были неожиданностью, поскольку вызываться к следователям нас всех вероятно будут. Еще она нас успокоила, сказав, что меры принимаются на очень высоких уровнях, в том числе международных. В курсе дел нашего олигарха даже Буш и Кондолиза Райс. Где-то через два месяца собирается в Москве саммит семерки, в которой мы принимаем участие. И они все уверены, что нашего хозяина освободят.

– А Макаровского, Перелезина, Паршину, – спросил кто-то из зала.

– Всех освободят, – заверила Чайка.

– А в этой семерке мы кто? – спросила Алька.

– Ты что, не знаешь? – зашикали на нее со всех сторон.

– Ну я знаю, что там, семерка. А мы кто? Если там все места уже заняты. Я слышала, что шестерка.

– Перестань, Алевтина, – нахмурилась Чайка. – Все ты знаешь и без нас.

Но Алька не унималась со своими вопросами.

– Вы мне вот скажите, – обратилась она к Твердолобову. – За что генеральных берут нам более-менее понятно. Хотя, конечно, беззаконие. А вот почему Паршину взяли, вашего зама. Она вообще, вроде не причем. Ну визировала документы, но решений никаких не принимала.

Твердолобов даже обрадовался вопросу, было о чем поговорить.

– Конечно, арестовали незаконно. Это как раз и говорит, что никакой вины ни у кого нет. Очевидный наезд. Это политика. Кому-то хочется прибрать НК к своим рукам. Фирма успешно работает. Ну вот нашлись завистники на очень высоком уровне. Здесь ведь все очевидно. И из вас тоже никто не виноват. Многие годы мы все сдавали балансы, и никогда у налоговых не было претензий ни к кому из нас.

– Может какие-нибудь ошибки допускали, – спросил кто-то робко.

– Ошибки могут быть у той или иной фирмы. Но не у всех же сразу. Вы же помните, когда у какой-либо фирмы что-то возникало по ошибке, ну всякое бывало, мы тут же все исправляли. Так что не беспокойтесь, мы ваши интересы будем отстаивать. У каждой фирмы есть адвокаты, самые лучшие, самые квалифицированные. Они придут завтра, и сразу начнем занятия.

4

Вечером Светка нам важно доложила, что Чайка говорила с ней и просила, чтобы она передала нам, что руководство подтверждает свое решение о том, что если мы стойко и достойно будем вести себя перед следователями, то нас премируют. Каждому отвалят по пятьдесят тысяч зеленых. Но это после того как все закончится.

– А как закончится, она тебе не сказала? – спрашивает Алька.

– Как, как, – промямлила Светка. – А черт ее знает, как. Я ее и не спросила.

– А если нашего олигарха посадят? А мы при этом будем стойко держаться перед следователями и дадим правильные показания. Заплатят, или как?

Светка недоуменно пожала плечами:

– Черт ее знает, не спросила. Но я думаю, что у Чайки и мысли нет, что нашего хозяина посадят.

– Это у нее мысли нет. А у следствия совсем, может быть, другие планы. И как в такой ситуации? Будут платить или фигу покажут? Это, между прочим только один из вариантов. А теперь слушай другой, – Алька подняла брови и сделала паузу. – Слушай внимательно. Мы дадим правильные показания, а нас как Володьку Макаровского в Матросскую Тишину и в холодные края на перевоспитание. Тогда как?

– Тогда они тебе будут дачки носить, – смеюсь я.

– Слушай, а ты уже вызнала тюремный сленг, – удивилась Алька. – Быстро осваиваешься, подруга. Правда, где слышала?

– Сериалы нужно смотреть.

– Ну ответь Светка. Как в этом случае?

– А черт ее знает, я не уточняла.

– Вот иди к ней и уточни. Скажи, народ требует разъяснений.

– Пошла к черту. Тебе интересно, иди сама и выясняй. Мне сказали передать, я и передала, что сказали.

– Между прочим, есть и еще вариант, – не унималась Алька. – Хозяина отпустят под радостные вопли международной общественности, а нас посадят.

– Ты что, рехнулась? Как же это может быть? Его с миллиардами освободят, а нас с копейками посадят, – возмутилась Светка.

– Потому и освободят, что миллиарды. Деньги всем нужны. А твоих копеек хватит только тебе и твоим родным.

– Нет. Такого не может быть, – возмущалась Светка. – Не может быть.

Тут и я встряла в диспут.

– Не может быть. А много либералы и международная общественность вопят по поводу Макаровского и Перелезина? Или эта американская старуха и правозащитники?

– Для них у международной общественности слов не хватает, – говорит Алька. – А бабушки-правозащитницы тоже кушать хотят.

– Ну так подробно все эти варианты мне Чайка не объясняла.

– Иди, выясни, – смеется Алька.

– Тебе нужно, ты и выясняй, если ты такая умная, – огрызается Светка.

– И пойду, но только не сейчас. Надо посмотреть, чем все эти мероприятия здесь закончатся. А потом уж можно будет и сходить побалакать.

5

На следующий день прилетели адвокаты. И подтянулись еще генеральные с провинции. Среди адвокатов и мой Шнырь. Занятия с нами начал их управляющий партнер Деревянченко.

Он начал с международной обстановки. Доложил о поддержке нашей НК общественностью во всем мире, особенно на Западе, как среди бизнеса, так и среди политиков и правоза-

щитников. Ну, конечно, сказал, что действия прокуратуры незаконные. И все по делу будут в конце концов оправданы.

Потом он начал нам рассказывать про правовое положение наших фирм. Что такое ООО и что такое ЗАО. Как я поняла, у присутствующих были именно такие фирмы. Подробно рассказывал про образование фирм. Регистрацию фирм. Про всякие там органы, общие собрания, советы учредителей, полномочия генеральных. Их выборы и на какой срок. Даже уставные взносы и порядок их образования. В общем, как сказала Алька, все по гражданскому кодексу. И так несколько часов.

– Что он нам это муру говорит? Уж это-то мы знаем. Вон перед тобой устав, учредительный договор, – шепнула я Альке.

– Так они чем больше наговорят, тем больше у них гонорар. У них работа такая. Ты договор свой с адвокатским бюро читала?

– Читала, но не очень внимательно.

– Надо читать, подруга ты моя доверчивая.

– А чего читать, он уже был завизирован всеми.

– Все равно, читать нужно, хотя бы из любопытства. Там что написано? А там написано, что оплата почасовая. Чем больше наболтает, тем выше оплата. Вот он и зарабатывает, а попробуй, скажи, что этого не надо. Он тут же скажет, что некоторые этого не знают, или знают плохо. И будет совершенно прав. Всегда можно сказать, что мы чего-то не знаем. Вот они и дурят голову нашему руководству. И правильно, кстати, делают.

Лекции на общие вопросы и международную обстановку продолжались еще два дня.

А на третий день началось главное. Так сказать, по делу. Тут занятия проводились индивидуально, каждый со своим адвокатом. Алька мне разъяснила, что это делается для того, чтобы в случае чего мы их не заложили. Когда нам втолковывают что-то всем с трибуны – это склонение к даче определенных показаний. А когда твой адвокат, именно твой, говорит тебе, какие следует давать показания – это работа с клиентом. Она уже этот раздел в институте сдала и получила зачет. Алька у нас все знает.

Мы со Шнырем расположились в небольшом номере, где нам никто не мешал, он важно достал из своего портфеля несколько листочков и со значением говорит:

– Вот такие вопросы, Вероника Николаевна, вам будут задавать. Могут быть, конечно, и другие, но это основные.

Я искренне удивилась.

– Откуда это у вас?

– Работаем, – со значением и важно говорит Шнырь. – Здесь вопросы и ответы: предполагаемые, неправильные и правильные. Вы, Вероника Николаевна, ознакомьтесь с этими вопросами, а потом мы будем конкретно над ними работать.

Я стала листать этот вопросник. Первые вопросы были простейшие:

– Вы можете назвать учредителей вашей фирмы?

Предполагаемый ответ:

– Не могу, не знаю.

Правильный ответ:

– Учредителем моей фирмы является ОАО и наше название, – но дальше уже сложнее. – Что входило в ваши обязанности как генерального директора?

Предполагаемый ответ:

– Оформление и подписание различных документов по фирме, сдача отчетности, взаимодействие с налоговыми органами.

Правильный ответ:

– Генеральный директор является единоличным исполнительным органом. Обязанности и полномочия исполнительного органа определены Уставом, то есть я осуществляла руковод-

ство организацией, заключала сделки и контролировала их исполнение, организовывала и осуществляла своевременно перечисление налогов и сдачу бухгалтерской и налоговой отчетности.

Но со всем этим я ознакомилась в уставе, когда начался этот великий шмон. Нас тогда еще обязали все это сделать.

Были, конечно, и имущественные вопросы и ответы. Но эти ответы, когда мы вечером встретились с Алькой в номере, она раздолбала в пух и прах.

Например, вопрос: «Кто определял стоимость нефти и нефтепродуктов, покупаемых и продаваемых вашей фирмой? Кто определял круг компаний, с которыми вы совершали сделки купли-продажи?»

Это один из вопросов, на котором, по рассказу Альки, погорел Володька Макаровский.

Предполагаемый ответ:

– Стоимость нефти, а также круг компаний определялись дирекцией по добыче и транспортировке нефти.

Правильный ответ:

– Цена нефти определялась сторонами при заключении договора. Круг компаний, с которыми заключались сделки купли-продажи, определялся исходя из поступающих предложений по купле или продаже и устоявшихся хозяйственных связей.

– Разве это ответ, разве это ответ? На лекции в институте можно так студентам говорить. Но ты же перед следователем, а он тебя конкретно спрашивает, по договору: «Где вы с этим контрагентом встречались? Где и когда?» И что ты ответишь? У него перед глазами этот договор, в котором указаны и цена, и место, и время, и фамилия, и отчество контрагента. И у него уже есть показания этого контрагента, которому нет смысла врать, что он тебя в глаза не видел. И что ты ответишь? Вот так Володька и погорел.

– Так выходит, они нас подставляют?

– Выходит, подставляют. Но дело еще хуже.

– Куда же хуже?

– А дело в том, что правильный ответ может быть только один. Сказать, как все было на самом деле. И ничего другого в такой ситуации нельзя придумать. Ведь у нас договоров сотни. И попробуй ты с каждым контрагентом договорись. А ему резону нет давать ложные показания.

– Алька, ты меня не пугай. Выходит, мы в мышеловке. Надо Чайке все рассказать. Пусть она с них спросит. Что же эти балаболки делают?

– Чайка не дура, она все это понимает.

– И что же тогда?

– Если она в курсе... А она в курсе. Значит, они договорились, что следствие примет наш дурацкий ответ. Или...

– Или что? Ведь у Макаровского эти ответы не прошли.

Алька задумалась. А у меня мурашки по коже опять. Вот тебе и адвокаты. Доверяй им свою судьбу.

– Ну чего делать то, Алька? – взмолилась я.

– В нашей ситуации, чтобы следствие тебе поверило, выход один – говори, как было на самом деле. Ведь у нас сотни договоров. Все можно проверить. Но, попробуй, скажи это сейчас – сразу враг компании. Поэтому я считаю, чтобы не подставиться, нужно сделать вид, что мы принимаем эту схему ответов. А там поживем – увидим.

6

Так мы с Алькой и решили действовать. Днем мы усердно занимались, я зубрила предполагаемые и правильные ответы, а вечерами Алька, Антон и я отправлялись по местным кафешкам или просто гуляли по набережной и окрестностям. Видно было, что Антон сильно на меня запал. И мне общение с ним доставляло удовольствие. Алька уже на второй день мне сказала,

чтобы я перестала разыгрывать из себя гимназистку и стала с ним встречаться, как положено. Потому что прогулки втроем, конечно, здорово, но ведь ты его этим обижаешь.

– Алька, неужели ты не понимаешь, почему я так поступаю.

– Объясни.

– Алька, я боюсь. Я и в Москве боялась с ним встречаться. И сейчас боюсь. Меня Дятел предупредил, чтобы никаких связей. Тем более в НК. Башку оторвет. И ведь действительно, могли сделать все что угодно. У Дятла руки длинные. Ведь он не балабол. Сколько сейчас на нем убийств висит?

– Говорят, у него несколько эпизодов.

– Ну вот. А прихлопнуть такую муху как я, большого труда не надо. К тому же весь аппарат безопасности НК остался. Арестовали ведь немногих. А шеф безопасности, один из основных наших клиентов, он ведь в Лондоне. Кстати не знаю, как он к тебе относился. А я по-женски чувствовала, что я ему нравлюсь. Он все исполнял с большим желанием, даже со страстью.

– Даже со страстью...

– Ну, не знаю. Но мне так казалось. А если сейчас ему доложат... А ему обязательно доложат. Я не знаю, какая у него будет реакция. Могут и меня прихлопнуть. И Антону тоже сладко не будет. Черт знает, как он отреагирует. А тут мы чинно гуляем втроем. Гуляем открыто.

– Да, подруга, по всей видимости, ты права. Тут нас прихлопнуть даже легче, чем в Москве. Камнем по голове – и в море, на съедение акулам.

– Тут, говорят, акул нет.

– А они их завезут, специально для нас с тобой. Средств у них достаточно.

Так мы и гуляли втроем. И это было замечательно. Я лишь беспокоилась, что Антон может посчитать себя не только обиженным, но, пожалуй, даже и оскорбленным. Он почти не скрывал, что я ему очень нравлюсь. А у меня настроение все улучшалось. Дома все было нормально. С Федоровной мы договорились, что если что возникнет, она мне позвонит. Или Чайке, в конце концов. Она все равно ей каждую неделю отчет дает. Погода стояла великолепная. Начиналась весна. Солнца было много, но пока еще не было жары.

И вот вечером сидим мы втроем в кафешке, как вдруг мне по мобильнику звонок. Звонит отец. Он всегда звонил в это время. Поэтому я даже не удивилась. Я поднялась из-за стола. Сказала, что отец звонит, и вышла на улицу.

Отец справился о том, как у нас дела. Я, естественно, ответила, что все отлично, погода великолепная. Спросила, как Степка. С ним тоже все было нормально. Сказал, что свекровь со Степкой даже помолодела. И отец все повторял:

– Да, да. Значит, у тебя все хорошо. Ну, значит, все отлично.

– Что ты там темнишь, – говорю. – Случилось что?

– Да знаешь, приходили следователи из прокуратуры. Они вначале вчера позвонили. Я сказал, что ты в отпуске.

У меня, как обычно, все внутри похолодело.

– Ну правильно, я действительно в отпуске. А чего ты мне вчера не позвонил? Чего все это время молчал? Надо было сразу! Мы же с тобой договаривались.

– Не хотел тебя волновать. Они же просто спросили, и все. Они же, наверное, и в ваш офис звонили. И узнали, что ты в отпуске. Это все знают.

– Конечно, знают. Ну пришли, и что они?

– Ну что, предъявили удостоверения. Сказали, чтобы я не волновался. Фамилию одного я запомнил: Новиков Павел Иванович. Молодые оба такие, совсем пацаны.

– Ну и что они, что?

– Сказали, чтобы я не волновался. Просто сказали, что хотят меня допросить в качестве свидетеля.

– Тебя-то зачем? Ты-то какое отношение имеешь к НК?

Я так разволновалась, что почти кричала.

– Я им тоже про это говорю, что я к вашей НК и к вашему ворюге не имею никакого отношения. Я им так и сказал, что к вашему ворюге олигарху не имею никакого отношения. Ну они меня успокоили, сказали, что они про это знают. Но поскольку ваша дочь, то есть ты, работаешь у этого ворюги, хотели спросить, как вы живете.

– Какое им дело до того, как мы живем?

– Ну, я им так же сказал. А они говорят: «Положено спрашивать». Да ты не волнуйся, все нормально. Чего ты раскричалась? В основном их интересовало, какое у нас имущество и где находится. Спросили, когда Игорь погиб. Ну я им рассказал, какое у нас имущество. Спросили, есть ли машина. Я говорю, есть – еще с советских времен, я заработал. Наш «мерседес», говорю, в виде «копейки». Ну посмеялись мы с ними. Рассказал, что садовый участок имеем. Его я получил при той же советской власти. И гараж имею, выделил родной профсоюз, опять же при советской власти. Ну, и квартира вот эта. Посмеялись мы с ними.

– Тебе смешки, тебе смешки! – кричала я.

– Да что ты волнуешься, отличные ребята. Я их еще спросил: «Неужели сумеют посадить вашего олигарха-ворюгу?» Они ответили: «Этого посадим отец, обязательно посадим». Я их спрашиваю: «А остальных?» Расхохотались, как пацаны.

– Ты еще и хохотал с ними!

– Ну а что, хорошие ребята. Говорят: «Скажем тебе отец прямо. С остальными олигархами обещать не можем. А этого посадим»

– И все?

– И все. А что еще может быть? Когда прощались, они сказали, что рады были познакомиться. И еще сказали: «Очень приятно, отец, видим – наш человек». Так и сказали: «Наш человек». Да ты не волнуйся, все нормально.

Он выключил мобильник, а я все стояла и стояла. Вышли из кафе Антон и Алька.

Алька спрашивает:

– Что там у тебя? Твой голос в кафе был слышен. Что случилось?

– Отец звонил. К нам следователи приходили. Он одного даже фамилию запомнил. Новиков. Это тот следователь, который изымал документы моей фирмы. Ну, я тебе рассказывала. Федоровна трубку не положила, и я слышала, как он ей представляется.

– Ну, и чего спрашивали?

– Спросили, где я, когда приеду. Спрашивали об имуществе.

– А обыск был?

– Какой обыск? – не поняла я.

– Ну обыск, ты что не знаешь?

– А чего у нас искать?

– Да это неважно, так просто у них положено.

– А я и не спросила. Сейчас позвоню.

Я стала набирать номер. Антон стоит рядом и смотрит с тревогой.

– Может мне отойти? – спрашивает.

– Слушай, слушай, – говорит Алька. – Тебе даже полезно.

Отец возник быстро, будто рядом со мной.

– Слушай, ты скажи мне, а обыск они делали?

– Да ты что, никакого обыска. Поговорили и все. Отличные ребята. Знаешь, они мне очень понравились. Правда, протокол допроса они составили, так говорят положено. Я его подписал, как положено. Про тебя сказали, что как из отпуска вернешься, чтобы позвонила, они даже телефон оставили и фамилию этого следователя, Новиков Павел Иванович. Да ты не волнуйся. Так положено.

– Никакого обыска, – говорю Альке. – Просто опросили. Говорит, как положено. Подписал протокол. Ну, говорит, так положено. Говорит, старый черт, что очень они ему понравились, мировые ребята. Его назвали за его высказывания в отношении нашего олигарха – наш человек. И что ты скажешь?

– Вроде, ничего страшного. Но почему они домой приходили? Могли ведь и в прокуратуру вызвать повесткой, как положено.

– Отец сказал, что они меня вчера спрашивали. Он сказал, что я в отпуске. А уж потом они пришли.

Антон тоже весь встревоженный, с сочувствием смотрит на меня. Неуверенно говорит:

– Я считаю, что они всех будут опрашивать. Тут ничего особенного нет. Так что ты не особенно переживай.

– Вот что, – говорит Алька. – Это действительно так положено. Раз изъяли документы, то, конечно, будут проверять и допрашивать. Но мне мама пока не звонила. Наверное, еще не добрались до наших мест. Вечером я своим позвоню. Сейчас смысла нет звонить. Но если бы у нее были, она бы уже позвонила.

7

В субботу Чайка решила нас порадовать и объявила, что руководство устраивает нам вечеринку, на которую придут все работники НК, которые работают на Кипре. Будут и другие приглашенные. Все, конечно, говорит, за счет НК. Или, как в старое доброе время, за счет профсоюза.

По этому поводу Чайка даже собрала нас у себя. Она спросила, как идут занятия, что бы мы еще хотели услышать, кого послушать. Тут опять не удержалась Алька:

– А нельзя ли послушать самого Падалку. Пусть расскажет, как там себя чувствует наш хозяин, как его настроение в отношении исхода дела. Так сказать, пожелания и рекомендации. Заодно бы и отдохнул. Погода у нас великолепная.

Все возбужденно зашумели, послышались голоса в поддержку этого предложения.

– Я не против, – ответила Чайка. – Как можно это устроить?

Она повернулась в сторону Твердолобова и Деревянченко, которые сидели за столом сбоку от нее.

– Мы, конечно, все оплатим.

– Это невозможно, – говорит Деревянченко. – Я вам сейчас постараюсь объяснить. Дело в том, что каждый адвокат защищает интересы своего клиента или доверителя. Только его и никого больше. Ваш хозяин является руководителем всей НК, а вы генеральные директора, ведущие специалисты или самой НК, или фирм НК. И у вас могут возникнуть противоречия с хозяином.

– Какие у нас с хозяином могут быть противоречия? – раздался возмущенный голос из зала. – Мы одна команда.

– Фактически это так, но в правовом плане у вас разные положения. И различные интересы. Могут возникнуть противоречия.

Тут возмущение стало всеобщим.

– Да какие у нас могут возникнуть противоречия! – поднялся с места этот мужичок, помнится, он был из Самары. – Мы же одна компания. Мы же единое целое. Вы так сказать наши отцы, мы ваши дети.

Деревянченко явно растерялся такому повороту, и пытался объяснить все с точки зрения правовых норм. Но начал повторяться и сбиваться.

И вот тут Чайка взбеленилась. Видно было, что позиция самарского мужичка ее расстроила основательно.

– А говорите, успешно проходят занятия, – набросилась она на Деревянченко. – А выходит, что ни черта не усвоили. Как так?

Деревянченко покраснел, как буряк в кастрюльке. Закашлялся, захрипел от неожиданности, что-то пытался объяснить, а Чайка спрашивает у самарского мужичка:

– У вас какая правовая форма фирмы?

– Ну как какая. Обыкновенная. Работаем, и вроде неплохо работаем.

– Я не про работу. Я про организационную форму. Их у нас по законодательству несколько: ООО, ЗАО, ОАО и там прочие товарищества. Но у нас первые три.

– А, вы про это, – наконец догадался самарский. – Ну, у нас ООО.

– Вот видите. Вы же по закону – самостоятельное юридическое лицо. У вас свой баланс, вы зарегистрированы в налоговой, имеете счет в банке.

– Ну да, как все. У нас все нормально, – недоумевал самарский.

– Но если как все, то какое отношение вы имеете к НК, которое тоже юридическое лицо, тоже имеет свой счет в банке и регистрацию в налоговой?

– Как какое? Вы же наши хозяева, так сказать отцы наши, кормильцы.

Мы начали радостно и дружно хохотать. Чайка стала объяснять самарскому, что НК сама по себе, а мы все сами по себе. Так в соответствии с гражданским законодательством. Но самарский не сдавался, и твердил: «Как же, как же так? Вы ведь наши кормилицы и поильцы. Нет, я не согласен. Мало-ли там что по гражданскому законодательству».

Чайка обхватила голову руками и начала мотать головой из стороны в сторону. Мы даже стали опасаться, что она что-нибудь повредит себе.

– Полина Ивановна, – бросилась к ней Алька. – Ну что вы, что вы. Может таблеточку какую. А лучше коньячку.

– Уйди Алевтина, уйди, – мотала Чайка головой. – Ну вы-то хоть понимаете? – Видно было что она имеет в виду московские фирмы.

– Полина Ивановна, обидно даже слушать! Мы и без этих занятий все понимали.

– Ладно. С этим мы разберемся.

Видно было что она не хочет дальше разводить эту неприятную для НК бодягу.

– А теперь, – объявила она. – хотя некоторые из вас этого не заслуживают, сделаем вам завтра вечер отдыха с оркестром и гостями. Все свободны. А вы, – повернулась она к Твердолобову и Деревянченко. – останьтесь.

Ну точно, как папа Мюллер в том сериале. Все-таки юмор у нее есть.

Через некоторое время прибежала Светка и говорит, что Чайка нас к себе зовет. Пообщаться хочет со своими.

– Ну как этот самарский экземпляр? – спрашивает она, когда мы уселись вокруг стола. Потом говорит:

– Алевтина, не в службу, достань там в шкафчике коньяк и шоколадные конфеты. Лимон, правда, нет. Кстати, Алевтина – это твое предложение по коньячку.

– Полина Ивановна, – отвечает Алька. – Исходя из нашего опыта последнего месяца, это самое действенное средство.

Алька достала коньяк. Мы со Светкой сполоснули коньячные бокалы.

– Ну как с таким контингентом работать? – жаловалась Чайка. Набрали там по провинции своих неграмотных родственников, лишь бы деньги получать. Вы мне не поверите, но среди генеральных директоров есть даже бомжи.

– Не может быть.

– Точно. Полный беспредел. Поймали бомжа, сделали все регистрационные процедуры. На этот период времени его держали под обе руки. Предоставили помещение для ночлега, кормили, поили. Потом сводили его в налоговую. Вот он – наш генеральный директор. Потом получили от него доверенность, и не одну, а несколько наштамповали. И дали ему пинка под зад. Некоторые из них даже не знали, что с ними произошло, и что они являются владельцами фирмы, иногда со значительным капиталом.

– Так ради чего это? – спросила Алька, разливая по бокалам коньяк.

– Ради чего у нас все это делается. Ради денег.

– Но ведь есть налоговая, есть банк, – говорю я.

– А доверенности? – говорит Алька. – И все по закону.

– Верно, – подтвердила Чайка. – Ну и, конечно, полный пофигизм со стороны разных там государственных структур. Полный пофигизм. Наши этим и пользовались. Но теперь ведь ясно, что это во вред и самой НК. Гром грянул – тут тараканы и побежали.

Она подняла бокалы.

– Ну, девочки, давай выпьем за вас. Я искренне хочу, чтобы у вас и у нас было все нормально. Вот, от всего сердца хочу. Говорю, как баба бабам.

Мы выпили.

– Еще по одной, – говорит Чайка. – У меня сегодня стрессовая ситуация. А у вас дома как дела? Все нормально? – начала она спрашивать.

Все посмотрели на меня. В том числе и она. Точно, Светка стучит, мы ей вечером, как подруге, все рассказали.

– Ко мне следователи домой приходили, – говорю я. – Спрашивали у отца, где я, когда приеду, как живем, много ли нажила имущества.

– Я узнавала у адвокатов, – сказала Чайка. – Это обыкновенные процедуры. Так что ты не беспокойся.

– А сколько мы здесь будем? – спросила я. – У меня дома мальчишка с отцом остался. Боюсь, отец долго не выдержит. Все-таки мужчинам тяжело с детьми.

– По обстоятельствам. Нам обещали, что в скором времени по делу многое изменится. И тогда – по домам. А пока отдыхайте. Раз возникла такая возможность. На этот вечер мы пригласили своих из НК, которые здесь застряли. Ну и местную, так сказать, элиту.

8

Вечер устроили в холле нашего отеля. Пригласили оркестр. Накрыли столы. Народу собралось очень даже достаточно. Человек сорок, не меньше. Первый тост, как всегда, за освобождение невинно привлеченных, незаконно посаженных. Чтоб сгинули наши враги в лице высокопоставленных лиц, и да здравствует международная солидарность и права работников НК.

Когда народ слегка захмелел, разбрелись по уголкам и кружкам Мы, как чудом вырвавшиеся из застенков, причем в последнюю минуту, были в центре внимания. И радостно, и весело рассказывали, как в суматохе собирались, как чуть не опоздали на самолет. Но героиней была, конечно, Светка. Ее все-таки уже допрашивали на Техническом, и вот она здесь, цветет и в добром здравии. И Чайка и адвокаты использовали это обстоятельство по полной программе. Адвокаты с воодушевлением говорили о действенности и совершенстве своей системы подготовки клиентов. Светка ведь отвечала по их программе.

Начались танцы и нас стали приглашать, раз за разом, и свои ребята, и местные бизнесмены, или кто там они. Чайка сказала, что это местная элита. Некоторые экземпляры были очень даже ничего. Один настойчиво стал ухаживать за мной, очень настойчиво. Хорошо было то, что он почти ничего не понимал по-русски. Не приходилось выслушивать разную чушь. Я спросила Антона, кто он такой.

– Местный бизнесмен. Вроде, торгует бензином. Очень даже успешно. Если он тебе неприятен, я могу с ним поговорить.

– Чайка нас предупредила, чтобы без эксцессов. А ты что готов с ним подраться?

– Я же испанец. У нас, если кто начинает приставать к твоей девушке, наступает очень суровая ответственность.

– А я твоя девушка?

– Ты не хочешь ею быть?

– Хочу, но не в этой обстановке. Я так боюсь того, что там, в Москве. Вот следователи приходили на квартиру. Отцу понравилось, как они с ним разговаривали. Они, между прочим, и с Макаровским на первых допросах очень хорошо разговаривали.

Оркестр заиграл медленный танец, и Антон пригласил меня.

– Слушай, – спрашиваю я. – А чего ты в Испании не остался? Или Лондоне? У тебя, что в Испании никого нет, я имею в виду девушки? Вот сколько тебя знаю, уже почти два года, и ты ни разу не рассказывал, как ты живешь. Ты не поверишь, но я даже не знаю, женат ты, или холост.

– Это говорит о том, что я тебе безразличен.

– Ну что ты говоришь такое. Просто у нас в НК, ты же знаешь, есть правило. Не спрашивать и не интересоваться. А сам ты не рассказывал. Вот и все.

– Не согласен. Вот я же про тебя кое-что знаю.

Я аж похолодела.

– Что это ты такого знаешь?

– Ну, что ты была замужем. Муж у тебя погиб. Есть маленький ребенок. Вот, пожалуй, и все, что я знаю.

Меня потихоньку отпустило. Я уже думала, вдруг что-нибудь просочилось. Хотя вроде неоткуда. Дятел за решеткой. А больше никто ничего не знал. Дятел отлично владел приемами конспирации. Их там в ФСБ обучали этому делу.

– Ну а у тебя что? Раз ты про меня все знаешь...

– Ничего интересного. Семья: мать, отец и две сестры моложе меня. Живут в своем доме недалеко от Барселоны.

– А как же ты в НК попал? Если, конечно, это не является тайной. Можешь не говорить.

– Все почти как у всех. С одним парнем учился в Гарварде, фамилии не буду называть, я уже слышал, что следователи на допросах спрашивают, кто и как устроил вас на работу в НК, а у него отец в НК пост небольшой занимает. Его отец и устроил меня в НК. Работал в Испании, потом в Мексике. А потом назначили в Москву, генеральным, потому что я знаю эти рынки.

– И все никак не женишься.

– Не получилось, – улыбнулся он.

И тут у меня запел телефон. Звонил отец. Я извинилась перед Антоном и отошла в сторону. В проходной коридор. Отец доложил, что со Степкой все нормально. Сегодня вечером он опять у бывшей свекрови.

– Из прокуратуры не звонили? – спрашиваю.

– Все нормально. Никаких звонков. Они же в курсе, что ты в отпуске. Я же тебе говорил, что просили тебе передать, что бы как вернешься, позвонила этому Новикову. Так что все нормально. Только вот Степка немного приболел.

– Так чего ты сразу не сказал! А то прокуратура, все нормально.

– Обыкновенное ОРЗ. Он у Анны Егоровны. Она же знает, что делать. Не хотел тебя волновать. Ты сейчас ей не звони, они уже, наверное, спят. Она сказала – не надо тревожить. Не волнуйся ты там. Все будет хорошо.

– Ну, батя... Все нормально! Ты, в следующий раз, про Степку в первую очередь. Понял?

– Да понял, понял. Ты главное, не волнуйся.

Я закончила разговор, и тут ко мне подошла сотрудница нашего кипрского офиса Элька, она знала греческий.

– Слушай, – говорит. – Этот грек меня уже достал. Он все про тебя, да про тебя. Кто ты, да чего ты. Сколько вы здесь пробудете. По-моему, он запал на тебя окончательно и бесповоротно. Он даже у Чайки интересовался про тебя. А парень красивый и, говорят, при деле. У него по нашим данным несколько заправок в городе.

– Да пошел он. Не до него сейчас.

– Ну ты грубо-то с ним не надо. Меня даже сама Чайка просила.

– А ей то что?

– Не знаю, но просила.

И тут этот грек опять подошел ко мне с приглашением на танец. Он и вправду был очень даже привлекателен. Мы танцуем с ним, танцуем и вдруг он мне говорит по-русски, коверкая слова, но так что я все-таки его поняла:

– Вероника, вы сексу не хотите?

Я прямо ошалела. И тут опять эта проклятая мысль. Неужели ему кто-нибудь сказал? Неужели Чайка? Ведь эта местная девица говорила, что ее Чайка просила. Я вся напряглась и брякнула этому греку.

– Иди в горы, поймай козу и занимайся с ней сексом сколько хочешь. А меня оставь в покое.

Я бросила танец и пошла к столу. Грек постоял немного в нерешительности, потом куда-то пошел и вернулся с Элькой.

– Ну что ему еще надо? – говорю. – Я же ему сказала, где он может найти секс.

– Ты что его, к козе послала? Он твердит и твердит: «Что такое коза?»

– Ну, объясни ему.

Она что-то сказала греку, а я повернулась, чтобы уйти. И тут этот грек покраснел как рак и схватил меня за предплечье.

– А ну, пусти, – говорю.

Но он еще крепче держал меня и тянул в сторону. Наверное, хотел поговорить, или еще что. И тут, сама не знаю как, я схватила со стола пивной бокал, он первым попался мне под руку, и двинула грека бокалом по голове. Грек хрюкнул и повалился на пол, как подкошенный. Совсем как тот парень в самолете. Что тут началось! Эта девица заверещала как поросенок. Грек лежит навзничь и не собирается вставать, да и глаза закатил. Вижу, что у него на лбу кровь появилась. Сгрудился народ, не поймет, в чем дело. А я растерялась и тоже не знаю, что делать. И тут появилась Алька.

– Ты за что его так?

– Сволочь, предложил на чистом русском: «Хочешь сексу». Ну я его и огрела бокалом.

– Так, – резким командным голосом говорит Алька. – Я все видела. Этот грек... он грек или турок?

– Да грек, грек.

– Этот грек покушался на генерального директора НК.

– Да он просто схватил за руку...

– Молчи, – рычит Алька, и к окружающим. – Всем понятно, – А потом Антону, который тут же оказался. – Возьми кого-нибудь из нашей охраны, и оттащите этого насильника на кухню. Там окажите ему первую медицинскую помощь. Быстро, потащили.

И опять к окружающим:

– Все нормально. Вечер продолжается.

Ребята за руки и за ноги взяли грека и потащили на кухню. Я никак не могла унять дрожание рук и все терла салфеткой то место на предплечье, где он меня ухватил. Было впечатление, что там все мокро почему-то.

– Слушай, у тебя все покраснело, – сказала Алька, помогая мне. – Точно, завтра к утру синяк будет в полруки.

– Сильный, сволочь. Он там очнулся, или я его убила?

– Да что с этим козлом будет?

– А вдруг? Иди, посмотри.

– Там уже медсестра над ним работает. Ну и ребята его успокаивают. Да ты вся дрожишь. Пошли в номер.

Мы поднялись в номер. Алька разлила по стаканам коньяк, бутылку которого она, конечно, не забыла прихватить со стола.

– Давай, давай, пей, тебе сейчас в аккурат надо.

Мы выпили, закурили.

– Надо же, – говорю. – Прямо одно к одному. Тут еще Степка заболел, отец звонил. Что он ко мне прилип?

– Что прилип, что прилип? Красивая женщина. Потому и прилип. Ну здорово ты ему врезала. Молодец. Никак от тебя не ожидала. Его бы шокером...

– Я свой в Москве забыла. Торопилась, не до этого было.

Тут прибежала Светка.

– Что там у вас? Чайка, вас обоих, срочно к себе!

Мы притушили сигареты и поднялись к Чайке.

– Ты молчи. Я начну и все объясню. А ты уже потом, – говорит Алька.

И, как только мы вошли, Алька решительно и громко, как на судебном процессе прокурор, гневно сверкая голубыми глазами, начала обвинительную речь:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.